

Марина Туржевская

ДВЕРИНДАРИУМ МЁРТВОЕ

Annotation

Иви-Ардена Левингстон — аристократка и богачка, представительница древнего и славного рода. Ее жизнь полна роскоши и капризов. По праву рождения Иви-Ардена получила не только беззаботную жизнь, но и высшую привилегию нашего мира — отправиться в Двериндариум и открыть заветную Дверь. Получить Дар Двери. И даже ее ненавистный старший брат не в силах помешать этому событию.

А при чем здесь я, нищенка и сирота Вивьен? Все просто. Я та девушка, которая приехала в Двериндариум вместо богатой наследницы.

- [Суржевская Марина](#)
 - [ГЛАВА 1. Незнакомка](#)
 - [ГЛАВА 2. Предложение](#)
 - [ГЛАВА 3. Новая я](#)
 - [ГЛАВА 4. Имперский Экспресс](#)
 - [ГЛАВА 5. Двериндариум](#)
 - [ГЛАВА 6. Мой брат](#)
 - [ГЛАВА 7. Кто быстрее](#)
 - [ГЛАВА 8. Первый урок](#)
 - [ГЛАВА 9. Осложнения](#)
 - [ГЛАВА 10. Сны и чувства](#)
 - [ГЛАВА 11. Главный Закон Дара](#)
 - [ГЛАВА 12. Уроки и сладости](#)
 - [ГЛАВА 13. Черный и Белый Архив](#)
 - [ГЛАВА 14. Букет для распутницы](#)
 - [ГЛАВА 15. Миражи](#)
 - [ГЛАВА 16. Экзамены](#)
 - [ГЛАВА 17. Праздник](#)
 - [ГЛАВА 18. Ожидание](#)
 - [ГЛАВА 19. Мертвомир](#)

Суржевская Марина

Двериндариум. Мертвое

ГЛАВА 1. Незнакомка

Ржавчина говорил: «Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Я никогда не задумывалась, что именно это значит. Впрочем, тогда я не задумывалась о многом, а Ржавчина любил вернуть «умную фразу». И чем непонятнее она была, тем больше поражала нас — слушателей — и добавляла самодовольства самому говорившему. Однажды Ржавчина обмолвился, что в семь лет стянул со стола настоятеля книгу «Афоризмы на каждый день». И был так впечатлен своим поступком, что даже научился читать, чтобы расшифровать непонятные символы под обложкой. Ну и понятно, выучил эти фразы наизусть, чтобы потом вставлять по каждому поводу с видом снисходительного превосходства.

Сейчас я отдала бы многое, чтобы рядом оказался Ржавчина и снова брякнул что-нибудь эдакое.

Я по привычке запустила ладонь в волосы и дернула себя за короткие прядки, чтобы не думать о прошлом. Хотя именно из-за него я сейчас здесь, возле Кибитки Памяти. Повозка со всех сторон была обклеена желтыми листами с нарисованными на них лицами. Я пошла вокруг, всматриваясь. Вдруг увижу знакомых?

Порой мне даже казалось, что в ворохе листов мелькают знакомые черты. И я подпрыгивала, дергала бумагу, смотрела. Но нет. Портреты были чужие. Я никого не узнавала.

— Желаете оформить поиск, красавица? — ко мне, шаркая, приблизился кибитчик и по совместительству — рисовальщик.

Не вытаскивая руку, я пальцами пересчитала в кармане несколько монеток. Скучно. И кто-то сказал бы, что тратить на никчемный поиск — глупо. И все же...

— Да, — я медленно кивнула.

— Кого рисовать? Вы ищите или вас ищут? — оживился старик. — Прошу, сюда.

Он шустро разложил передо мной шаткий тряпичный стульчик, кряхтя, сел на ступеньку кибитки. Изнутри тянуло слегка подгоревшей кашей и жареным луком. Я задумчиво повертела в пальцах монетку, задумавшись над вопросом. Двойной поиск стоит дороже.

И со вздохом положила в коробку с мелками и графитными стержнями два медяка.

— Я ищу. И, надеюсь, ищут меня. Поэтому два портрета. Мой и... одного парня. Правда, последний раз я видела его четыре года назад. Он мог измениться. Но он довольно приметный. Ржавый... Ну то есть... рыжий. Рыжий, да.

Старик кивнул и отложил черный грифель, потянувшись к цветным мелкам.

— По описанию или образу?

— Вы видите образы? — подняла я брови. Надо же!

Рисовальщик кивнул, а я снова вздохнула. Открывать воспоминания — неприятно, хотя я и знаю, что рисовальщик увидит лишь то, что я покажу. И все же каждый раз я нервничала и сопротивлялась. К тому же, после снова разболится голова, это я тоже знала. Но и портрет получится достоверным, со слов такое невозможно.

— Давайте начнем с вашего портрета, милая, — понятиливо кивнул старик, и я благодарно улыбнулась.

Работал он быстро. Сухие руки, усыпанные коричневыми пятнышками, порхали над листом дешевой бумаги. Я же пока рассматривала аллею памяти и редких посетителей этого места. Такие аллеи были в каждом городе Империи. Здесь стояли столбы с объявлениями о купле, продаже и аренде, предложения о работе. Здесь же останавливались кибитки с

рисовальщиками. Сюда приходили, чтобы поболтать и обсудить новости с приезжим людом.

Я тоже навещала аллею и оставляла портреты на кибитках, надеясь, что это поможет. Но увы... Пока это ни к чему не привело.

Зябкий осенний ветер растрепал мне волосы и забрался под воротник грубого свитера. На самом деле уже пора надевать пальто, одна беда — у меня его нет. Мне нужны обновки — шерстяная юбка взамен полотняной, теплые ботинки, верхняя одежда... И стоит купить все это до наступления морозов. Вот только в моем кармане уныло перекатываются лишь несколько монет, а после аллеи памяти их станет еще меньше. Надо срочно найти другую работу — в магазинчике старых книг, где я обрела пристанище, платили слишком мало.

Ну или пора уезжать. Вот только куда?

— Готово, красавица, — окликнул меня старик.

Я вздрогнула и перевела взгляд на серый лист. С него смотрело мое отражение. Темные кудряшки до плеч, лицо сердечком, прямой нос и упрямо сжатые губы. Взгляд то ли хмурый, то ли грустный. Художнику удалось поймать даже цвет глаз — темно-серые, тревожные.

— Ого, — удивилась я. — У вас талант!

— Да, я рисовал с детства. А потом повезло, в молодости посчастливилось открыть Дверь, — с гордостью пояснил рисовальщик.

— Дверь? В самом деле? — еще больше изумилась я. От этого слова привычно зазнобило.

— Да, я везунчик, милая госпожа. Правда, пришлось продать родительский дом, чтобы оплатить вход... Но это того стоит, вы ведь понимаете, — он довольно подмигнул. — Благодаря Двериндариуму я прожил прекрасную жизнь, милая госпожа! Жил в столице, пил вино с прекрасными женщинами, любил многих... один

раз мне даже посчастливилось попасть в Лигу Рисовальщиков, вы представляете? Мы расписывали купол в Хранилище Благости! Если бы вы видели эту божественную красоту!

Рисовальщик закатил глаза и вытянул губы трубочкой, изо всех сил живописуя восторг. Я скрыла улыбку.

— Как же вы оказались в кибитке памяти? Да и Лурден находится довольно далеко от столицы Империи.

— Ах, это все моя неугомонная женушка, будь она здорова! Потянуло ее к приключениям на старости лет! Говорит — хочу посмотреть Империю, ну а раз ты рисуешь, купим кибитку памяти, чтобы не колесить зря! — с досадой крикнул мой собеседник. И слегка испуганно обернулся — не слышит ли упомянутая женушка.

Я рассмеялась, не выдержав. Старик тоже улыбнулся, демонстрируя беззубый рот.

— Хотя я не жалею. И правда, что сидеть на одном месте? Вот доедем до Грязного моря и повернем обратно. Сколько мы мест повидали, моя дорогая! Да каких! Буквально неделю назад мы смотрели на Девичьи Косы — это изумительный водопад к северу от Лурдена. А уже завтра будем возле Рыбьего Хвоста, вы видели это ущелье? Ах, какая красота! Знаете, я ведь не просто так разъезжаю, а составляю иллюстрированный атлас империи! — старик гордо огладил куцую бороденку. — Настанет день, и все услышат о рисовальщике Мистреоли! Так вы будете заказывать второй портрет?

Я кивнула, слегка ошарашенная резким переходом.

— Да. Значит, способность заглядывать в воспоминания — это Дар Двери?

Рисовальщик кивнул, доставая новый лист.

— Думайте о своем любимом. Представляйте его как можно четче.

Любимом? Я хотела поправить, но не стала. Зачем что-то объяснять...

Прикрыла глаза и вспомнила Ржавчину. В тот день он был непривычно задумчив. Не зубоскалил, как обычно, не подначивал. Он сидел у окна столовой, уставившись на грязное стекло, словно желал что-то за ним рассмотреть. Хотя на что там было любоваться? Каменная стена соседнего здания, ветки засохшего клена — вот и вся картина. Уж точно не купол в Хранилище Благости...

Тогда тоже была осень, и жидкий свет лился на темно-рыжую голову Ржавчины, на его губы и ресницы, скрывающие рыже-карие глаза. Подчеркивал пятнышки веснушек, которые парень терпеть не мог, и высвечивал пробивающуюся на подбородке щетину. В тот день ему исполнилось семнадцать, и в моих глазах он был совсем взрослым.

Я помню, что сидела в углу столовой, украдкой глядя на парня. Мне хотелось, чтобы он улыбнулся и пошутил, мне всегда становилось легче, когда он так делал. Но Ржавчина молчал, кусал губы и смотрел на грязное стекло. А потом, словно почувствовав мой взгляд — повернулся, глянул на меня. И я вздрогнула. Столько звериной тоски было в том взгляде...

До боли прикусив щеку, я оборвала воспоминание. Старик уже рисовал, перенося образ из моей головы на лист бумаги. Я вытянула шею, рассматривая. Да, выходило похоже и узнаваемо, рисовальщик и правда видел воспоминания. Закончив, протянул мне оба портрета.

— Повесьте вон там, под козырьком, — посоветовал старик. — Там дольше провисит, а то скоро дожди обещают...

Поблагодарив, я добавила на портреты свой адрес и имя, разметила их под указанным козырьком и распрощалась с рисовальщиком. Уже вечером его кибитка отправится в путь, увозя портреты людей, которых кто-то ищет. Они будут колесить по городам и деревням, на них будет смотреть множество глаз. Вдруг среди них окажутся нужные?.. Это уже двенадцатая кибитка, проезжающая Лурден. И на каждой я оставляла портреты. Правда, далеко не все рисовальщики оказывались такими способными, как старик Мистреоли. На некоторых невозможно распознать оригинал, но кибитчики всегда берут плату вперед.

Надеюсь, что хоть в этот раз мне повезет!

Ежась под порывами ветра, я двинулась вдоль реки. Двериндариум... Рисовальщику повезло там оказаться. Если бы и я могла... но увы. Это невозможно.

За мостом находился книжный магазинчик, в котором я и работала, и проживала. Хозяйка магазинчика была ко мне добра, и мне нравилось это место. Нравился запах кожи, старых книг и древесины, нравились тихие звуки и улыбчивые, воспитанные посетители. Продавать книги — точно лучше, чем бегать с подносом в какой-нибудь сомнительной таверне. Но вот монет на такой работе я получала катастрофически мало.

Неужели скоро придется покинуть тихий магазинчик, в котором мне было так уютно? Пожалуй... На то, что платит мне почтенная госпожа Фитцильям, я не переживу предстоящую зиму. А еще этот поиск... может, надо забыть прошлое? И перестать разыскивать Ржавчину?

Нет... я передернула плечами. Я буду его искать, буду! Я должна его найти. Хотя бы для того, чтобы убедиться — он жив.

Над дверью книжного магазинчика приветливо звякнул колокольчик, когда я вошла. Изнутри потянуло сыростью и тонким запахом плесени, госпожа Фитцильям сэкономила на дровах. А о новых искровых печках, которые можно заказать у промышленников, и вовсе мечтать не приходится.

— Госпожа Эмма, я вернулась! — крикнула я, повернув голову к узкой винтовой лесенке на второй этаж. Там располагались две тесные комнатухи — моя и хозяйки дома.

— Я как раз заканчиваю приготовление к утреннему чаю, милая, — донесся из-за темных полок и стеллажей голос госпожи Фитцильям. — Поторопись, пока нет посетителей.

Я промолчала, что о наплыве покупателей нам можно только мечтать. Над Лурденом набухали противные осенние тучки, а это значит, что и наших редких визитеров мы можем не дожидаться. В дождь жители этого тихого провинциального городка предпочитали сидеть дома у каминов, а не тащиться через мост в захудалый старинный магазинчик.

Но конечно, я не стала этого говорить. Лишь поправила свой старый свитер, разгладила подол юбки, осмотрела башмаки в поисках налипшей грязи и шагнула за стеллажи. Госпожа Фитцильям при виде меня поставила на круглый столик фарфоровую чашечку и мягко улыбнулась. Эта женщина была олицетворением благородства и изящества, пожалуй, она могла бы поспорить в этом и с самой императрицей Викторией. И совершенно неважно, что платье Эммы Фитцильям давно вышло из моды, а две фарфоровые чашечки — это все, что осталось от прошлого богатства. Хозяйка продолжала следовать традициями и... улыбаться. Я восхищалась этой женщиной. И была ей безмерно благодарна.

— Хороший чай из красивой чашки способен исцелять тело и душу, — произнесла госпожа привычную фразу.

— Похоже, сегодня снова будет дождь, — бодро сказала я, усаживаясь за столик и стараясь держать спину прямо.

— Ах, осень — весьма неприятное время, — изрекла моя собеседница. — Ты ходила за мост?

— Да, взяла свежий хлеб и газету, как вы просили.

Кибитку поиска я упоминать не стала. Даже милой старой госпоже я не рассказывала о себе всей правды. Я не рассказывала о себе никому.

Некоторое время мы пили чай и говорили о погоде и новостях. На мой взгляд, стоило бы обсудить заканчивающиеся дрова, текущую крышу и способы привлечения новых клиентов, но госпожа была слишком хорошо воспитана для таких разговоров. А я давно поняла, что не стоит советовать тогда, когда совета никто не спрашивает.

— Милая Вивьен, пожалуй, я сегодня навещу госпожу Риту. Ты ведь справишься одна?

— Конечно, не волнуйтесь, — кивнула я.

— Тогда — увидимся вечером, дорогая. — Хозяйка магазина чинно поднялась и напомнила: — И прошу, будь осторожна с чашками.

Я снова кивнула. А когда госпожа Фитцильям ушла, ополоснула фарфор под тонкой струей воды в помывальном закутке, обернула каждую чашку мягкой тканью и сложила в коробку. Этот ритуал повторялся каждое утро.

Мой день покатился по привычной колее. Убрать, помыть, переставить, починить, подлатать, встретить редких покупателей, объяснить, показать, убрать...

В обед перекусила хлебом с сыром и, пока магазин был пуст, присела в старое кресло. Рассеяно открыла книгу, но чтение не заладилось. Меня одолевала

тревога. Необходимо принять решение и двигаться дальше. Я благодарна этому месту и старой госпоже, но я не могу навечно остаться в этом магазинчике. Моя отработка окончена, и мне пора уезжать. Вот только куда?

Может... в столицу? Слова старого рисовальщика так и звенели в ушах. Рутрием — город больших возможностей, город волшебства и людей, открывших Дверь... все стремятся в Рутрием. Все дороги ведут в Рутрием. Так, может, и мне пора отправиться туда?

Сердце испуганно трепыхнулось, стоило задуматься. И снова перед глазами встало воспоминание. Ржавчина сидит на стуле, перевернув его спинкой вперед. Его темные глаза блестят, словно смола на солнце, а губы мечтательно улыбаются.

«Ты знаешь, куда я отправлюсь, как только мне исполнится семнадцать, малявка? В Рутрием!»

«И что ты будешь там делать?» — хмыкаю я.

«Богатеть, что же еще! — Ржавчина хохочет, как умеет только он — заразительно и лихо. — В столице столько богатеев, что они точно поделятся со мной монетами! И стану я не Ржавчиной, а Золотом, вот увидишь!»

«Дурак, — бурчу я. Мне неприятно думать, что парень уедет в столицу, бросив меня одну. — Нужен ты кому в том Рутриеме! Нищеврод приютский! Там и своих желающих хватает».

«Много ты понимаешь, малявка!» — снова смеется парень и щелкает меня по носу.

И я стучу по его рыжей макушке, дергаю за волосы, вымещая страх и обиду... И словно почувствовав, Ржавчина вдруг обнимает меня.

«Не бузи, мелочь. Я разбогатею и заберу тебя, вот увидишь. Думаешь, я тебя брошу? Глупая».

И я затихаю, осторожно втягивая его запах и тепло...

Звон колокольчика выдернул меня из прошлого, и я едва не вылила на себя горячий чай, который пила из самой обычной глиняной кружки. Фарфоровый ритуал позволялся лишь в присутствии хозяйки.

Выругавшись себе под нос и прикусив язык, надеясь, что посетитель не услышал, я метнулась к двери. Губы сложились в самую доброжелательную улыбку из всего моего арсенала. А когда я увидела гостя, вернее — гостью, к ней добавилось искреннее изумление.

Девушка, стоящая на пороге, точно не была жительницей Лурдена. И вряд ли ее мог вообще заинтересовать этот убогий магазинчик старых потрепанных книг. Она словно только что вышла из самого модного салона того самого Рутриема, о котором я мечтала минуту назад.

Ее лицо прикрывала густая вуаль, волной спускающаяся от круглой меховой шапочки.

С любопытством я осмотрела дорогой дорожный костюм незнакомки. Красивая и совершенно непрактичная светло-зеленая юбка и короткий жакет с меховым воротником и такими же манжетами. Из-под подола виднелись носы дорогих бежевых ботинок. Беж! В осеннюю грязь! Да как можно? От ног мой взгляд метнулся к муфточке из серебристого меха, которую держала девушка. И к ее маленькой круглой сумочке, в которую не поместится и расческа.

Непрактичность — первый признак истинного богатства. Ни один бедняк не наденет на себя такую одежду.

А потом гостья откинула вуаль. И я... отшатнулась.

Она рассмеялась моему изумлению.

— Да, я вот тоже не поверила, когда увидела твой портрет, — голос у девушки оказался чуть тоньше моего. — Это довольно странно — увидеть свое собственное лицо на какой-то поисковой кибитке. Я

была уверена, что кто-то ищет меня. Но потом я рассмотрела прическу и край воротника... увидела надпись и имя. И поняла, что где-то в Лурдене живет девушка, изумительно похожая на меня! Ну просто как сестра-близнец! Может, так и есть?

— Вряд ли, — хрипло от потрясения произнесла я. — Мои родители погибли, когда мне едва исполнилось пять. И у меня не было сестер.

Все еще не веря, я рассматривала лицо незнакомки, так изумительно похожее на мое. При детальном рассмотрении сходство слегка рассеивалось, я замечала различия. Иной цвет глаз — светло-зеленый, а не темно-серый, крошечная горбинка на носу, которой у меня нет, родинка над губой. Гостья выглядела старше и была полнее. Ее глаза сверкали озорством, а в моих таилась грусть.

Ну и конечно — волосы. Мои темные волнистые прядки едва достигали плеч, а светлые кудри незнакомки спускались из-под кокетливой шляпки до самой поясицы.

— Это что же, книжный магазин? — она наконец оторвала от меня цепкий взгляд.

— Так и есть, — я тоже очнулась и вспомнила о своих обязанностях. — Это книжный магазин госпожи Фитцильям. У нас небольшой выбор новинок, но есть просто удивительные издания прошлого... хотите посмотреть?

— Занятно, занятно, — пробормотала девушка, проходя к стеллажам. Ее взгляд пренебрежительно скользнул по свиткам и фолиантам, но интереса в глазах не возникло.

Я лихорадочно оглянулась, пытаюсь понять, что предложить нежданной богачке.

— Вы проездом в Лурдене?

Она поморщилась, глядя на древние напольные часы в углу. Окошко с кукушкой в них сломалось, да и

механизм барахлил, но стекло все еще сияло, а красное дерево радовало изящным узором.

Вот только для заезжей столичной модницы это всего лишь старая рухлядь.

Внезапно стало обидно и захотелось, чтобы незнакомка ушла. Зачем она здесь? Уж точно явилась не за томиком «Благих изречений»!

— Я приехала к тебе, — гостья отвернулась от часов и посмотрела мне в глаза. — У меня к тебе предложение, Вивьен.

— Вы знаете мое имя?

— Я спросила у местного булочника. Лурден такой... милый городок. Все друг друга знают.

— И зачем вы меня искали?

— Давай присядем, — она по-хозяйски кивнула на гостевые кресла, накрытые кусками синего бархата. Так я старалась придать хоть немного лоска потертым сидениям. — Меня зовут Иви-Арденa. Иви-Арденa... Левингстон. Я предпочитаю второе имя.

Легкая заминка и быстрый взгляд из-под ресниц. Но мне ничего не говорила эта фамилия, и девушка улыбнулась.

— Это довольно известная фамилия. Знаешь, даже приятно встретить человека, который ничего не знает о Левингстонах. Так вот... месяц назад я увидела твой потрет на одной из кибиток. Удивилась, не поверила, а потом подумала... что ты могла бы мне помочь, Вивьен.

— Чем это? — насупилась я.

Арденa рассмеялась.

— Какая же ты колючая... а не стоит. Ведь я приехала, чтобы сделать тебе невероятное, волшебное предложение. Тебе невероятно повезло, Вивьен. Можно сказать — твое лицо обеспечило тебе пропуск в богатую и счастливую жизнь.

Я снова нахмурилась. Жизнь в приюте как-то отучила меня верить в бесплатный сыр.

— Я узнала кое-что о тебе, — улыбаясь, продолжила гостья. На старом кресле она расположилась с аристократичным изяществом. Впрочем, несомненно, она и являлась представительницей высшего общества.

Я скопировала ее позу, не желая ударить лицом в грязь.

— Вивьен Джой, девятнадцати лет от роду. Сирота, выпускница местного приюта. С семнадцати распределена в этот книжный магазин для помощи хозяйке. По сути — служанка и рабыня.

— Это не так! — взвилась я.

Но гостья остановила мои возмущения.

— Ах, не стоит. Я понимаю, что значит такое распределение. Приют отдал тебя в услужение, тебя купили за жалкие медяки. Ты работаешь за кров и скудную еду. Впрочем, тебе повезло, здесь лучше, чем в каком-нибудь... салоне.

Она усмехнулась, а я покраснела. Да, я знала, что бывает и такое. Сирота не может выбирать, где отрабатывать два года после выпуска. И мне, действительно, повезло. Меня купила приличная вдова Фитцильям, а не владелец швейной лавки, о котором ходили дурные слухи. Например, что девушки шьют днем, а ночами занимаются совсем другим делом.

— Вас это не касается.

— Конечно, — спокойно произнесла Ардена Левингстон. — Твое прошлое меня волнует лишь до определенного момента. Скажи, ты ведь умеешь читать и писать?

— Конечно, — вспыхнула я.

— Замечательно. И держишься весьма... неплохо! Если тебя привести в порядок... Худа только. И почему ты такая худая, словно с рождения не ела! Но лицо... глаза... Ах! Я не верила... Какая удивительная удача! Для тебя, понятно, — спохватилась гостья.

— О чем вы говорите? Что вам надо?! — не выдержала я.

— Ты должна стать мной, — торжественно объявила гостья. — Заменить меня на год.

— Что?

Мне слышалось? Или незнакомка — сумасшедшая?

— Где заменить?

Ее глаза сверкнули в свете керосиновой лампы.

— В Двериндариуме.

ГЛАВА 2. Предложение

Гром не грянул и пол не провалился под моими ногами, но ощутила я себя именно так. Слово, произнесенное Арденной Левингстон, повисло в тесной комнатке между стеллажами и заискрилось, словно и оно обладало волшебной силой.

«Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Давно ли я думала о Двериндариуме? О том, что именно там есть ответы на мои вопросы. Что именно там я смогу, наконец, понять, что произошло с Ржавчиной?

Вот только попасть на заветный Остров Двери для такой, как я, практически невозможно.

Нет, теоретически это может сделать каждый житель Империи, в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет. Вот только для того, чтобы открыть Дверь, надо пройти обучение и... заплатить кучу монет. По слухам, в этом году даже одноразовое открытие Двери стоит больше, чем самый роскошный особняк в Лурдене. Даже если продать этот книжный магазин вместе с фарфоровыми чашками, не хватит на Двериндариум.

Слово отозвалось внутри болью, ужасом и каким-то сладостным предвкушением.

— Вы надо мной смеетесь, — я вскочила, но гостя снова рассмеялась и успокаивающе махнула рукой. Перчаток она так и не сняла.

— Думаешь, я проделала такой длинный путь, чтобы поиздеваться над незнакомкой? Поверь, у меня есть дела поважнее. Сядь, прошу. Я не смеюсь над тобой.

Я медленно опустила обратно в кресло. Ардена выглядела серьезной и грустной.

И мне стало любопытно.

— Видишь ли, Вивьен... я ведь могу называть тебя по имени, правда? Вот ты смотришь на меня и кого видишь? О, не отвечай, я знаю. Богатую аристократку из столицы, вот кого. Не спорю, так и есть. Но помимо этого, ты видишь самую несчастную девушку в империи, — гостья скривилась, и в ее глазах блеснули слезы. — Все думают, что богатство — это счастье. Что ж, с этим тоже не спорю. Но это еще и обязательства, которые невозможно отменить. Я так несчастна, Вивьен!

— Но почему? — растерялась я.

— Потому что обязана целый год провести в проклятом Двериндариуме! — выдохнула она. — Это обязанность всех отпрысков старших родов! Отвратительная повинность!

Проклятом? Обязанность? Разве это не привилегия? Я моргнула. Да ради такого многие люди готовы отдать последнюю рубашку!

Или...

Я задумалась. Остров Двери — это возможность. Невероятная, волшебная возможность для людей. Но и... риск. Об этом не говорят, а случаи неудачного открытия Двери не афишируют. Но они есть. Не все получают Дар Двери. Иногда люди на той стороне умирают... Или возвращаются искалеченными.

Поговаривали, что многие из привилегированных отпрысков не желали рисковать собой. Поэтому Империя сделала для них открытие Двери обязательным, опасаясь, что правящий класс однажды может оказаться вообще без Даров.

Для меня Двериндариум — это шанс на лучшую жизнь. А что он для Ардены Левингстон, у которой, похоже, и так есть все, о чем можно мечтать?

— Но это ведь волшебство... это... — я неуверенно примолкла.

— И ужасающий риск, — надула губки гостя. — И потом... Буду откровенна, Вивьен. Как ты знаешь, Остров Двери — это закрытое место. Туда не могут попасть посторонние. И я обязана провести там целый год! Но у меня есть... любимый! Понимаешь? — она мечтательно закатила глаза. — Это самый потрясающий мужчина на земле! Мы любим друг друга! И не хотим расставаться ради какой-то старомодной традиции! Увы, я не могу отказаться, я обязана провести в Двериндариуме год и пять раз открыть Дверь!

— Пять раз? — ахнула я. Пять раз! Да это... невероятно!

— Целых пять раз! — скривилась Ардена. — А я просто хочу быть счастливой со своим любимым! Я хочу замуж! Мне не нужна эта Дверь!

— Но вы можете встретиться с вашим любимым после... — начала я. — Через год.

— А если он не дождется? Если встретит другую? Год! Я умру от тоски! Я не хочу расставаться с ним ни на минуту, ты понимаешь меня? — девушка схватила мои руки. Я дернулась, но Ардена держала крепко, проникновенно заглядывая мне в лицо. Ее прекрасные глаза блестели от непролитых слез. — Скажи, ты когда-нибудь любила, Вивьен? Был в твоей жизни человек, ради которого ты готова пойти в огонь и воду? Без которого жизнь не мила? О, я вижу, что был! Ты тоже любишь!

Я осторожно вытянула из ее ладоней руки. Прикосновение кожи перчаток было неприятно.

И не стала отвечать. Но видимо, что-то в моем лице уверило собеседницу в ее правоте.

— Ты знаешь, что такое любовь, а значит, поймешь меня! Ну и потом... это ведь и правда невероятная удача для тебя, Вивьен. Ты ведь понимаешь это. Ты будешь изображать меня, но ведь Дверь откроешь именно ты. И все останется с тобой, Вивьен. Навсегда.

После Двериндариума ты просто уедешь и счастливо проживешь свою жизнь. Ты станешь свободной и богатой, Вивьен. Пять раз. Ты откроешь Дверь пять раз. Ты ведь понимаешь?

Я кивнула, не в силах говорить. Сердце билось так быстро, что становилось больно. Мысли неслись галопом, а дыхание срывалось. Нет, это не может быть правдой. Это слишком невероятно!

— Твое лицо, Вивьен, — Ардена улыбнулась, неотрывно глядя на меня. — Тебе просто повезло родиться похожей на меня. Считай, что творец решил наградить тебя за годы лишений. Думаю, жизнь в приюте была несладкой. Но после Двериндариума все изменится. Ты получишь все, о чем мечтала. Достойную работу, деньги, сможешь купить свой дом. Ты ведь хочешь свой собственный дом, верно? Не чужой и сырой чулан, а собственный дом... Вернешься сюда, в твой Лурден, купишь то поместье за рекой. С белыми колоннами. Неплохо для сироты из приюта, ведь так? Ну или выберешь любой другой город империи. Ты больше не будешь прислуживать...

Голос Ардены журчал ручейком. Она говорила и говорила, описывая жизнь, о которой я всегда мечтала. А я думала о том, чего Ардена не знала. Двериндариум... Дар Двери. Дар. Дар Мертвомира людям. Дар невероятный, порой пугающий, но дающий такие возможности, о которых человек может лишь мечтать.

И еще...

Перед глазами снова встало искаженное лицо Ржавчины. В ту последнюю ночь он разбудил меня. От него пахло дешевым вином. А слова казались бредом умалишенного. Ржавчина запинаясь, иногда начинал смеяться и путался в словах. Конечно, его слова не могли быть правдой.

Или... могли?

Я не знала. Я лишь вздрагивала, когда слышала слово — Двериндариум. Ведь Ржавчина тоже говорил о нем.

— Вивьен, так ты поможешь мне? — Ардена снова схватила мои руки. Край перчатки загнулся, показав темное пятнышко на ее запястье. Но девушка тут же поправила манжет.

Я осмотрелась. И словно вдруг увидела привычные вещи чужими глазами. Сколы и царапины на круглом столике. Одинокий огонек в лампе — мы сэкономили не только на дровах, но и на масле. Моя юбка — старая и слишком тонкая для осени, стертые башмаки. Загрубевшая кожа на руках, короткие ногти. Дешевая глиняная чашка, которую я не успела убрать.

Все чужое. Нищее. Скучное. Что ждет меня завтра? Ни дома, ни семьи, ни монет в кармане... Что мне делать и куда идти? Может, Ардена — это ответ на мои молитвы? Может, и правда — удача и помощь? Ведь должно и мне повезти, ну хоть раз?

И я кивнула.

Гостя из столицы выдохнула и откинулась на спинку кресла.

— Я знала, что ты не глупа. Девушка с моим лицом не может быть дурочкой! — она рассмеялась. И деловито вытащила из своей крохотной сумочки записную книгу и ручку в золотом корпусе.

Я озадачено покосилась на торбочку, первый раз увидев такую вещь. Нет, я не совсем дремучая и слышала об изменителях, способных создавать так называемые «пустые карманы». А потом размещать их в сумках или даже домах, создавая огромное пространство за тесной оболочкой. Слышала. Но видеть не доводилось.

— Первое и самое главное — прекрати таращиться на все с таким недоумением, — оборвала Ардена. — Это провинциально. И совсем на меня не похоже. Нам

придется над этим поработать. Над этим... и многим другим. — Она окинула меня скептическим взглядом и тяжело вздохнула. — Да, работы море... а времени совсем мало. Ты должна стать мною. Никто не должен догадаться о подмене.

Что? Я похолодела.

— Догадаться? Это значит... О-о-о... в Двериндариуме будут ваши знакомые?

— Не близкие, не волнуйся, — поморщилась девушка. — Если ты кого-то там встретишь, то можешь просто с ними не общаться. Никто не удивится, поверь. Я, то есть ты — теперь Ардена Левингстон. Ты можешь позволить себе любые капризы!

— Но как же менталисты, — прошептала я страшное слово. — Февры, способные проникать в разум! В Двериндариуме, наверняка, есть хоть один! Что если он захочет увидеть мои воспоминания?

Ардена рассмеялась.

— Глупая девочка! Не забывай, кто я! Представителей старшего рода можно проверить лишь по предписанию верховного совета законников. Так что можешь не беспокоиться.

Она помолчала, задумавшись.

— Есть лишь один человек... от которого стоит держаться как можно дальше.

— И кто же это?

— Мой старший брат.

Я моргнула и рассмеялась.

— Брат? И вы надеетесь его обмануть? Это совсем не смешно... Он поймет с первого взгляда, что я — не вы!

— Успокойся. Мы с братом не виделись тринадцать лет. Мы вообще встречались лишь раз в жизни, и ему тогда было десять лет, а мне и того меньше. У нас с Кристианом общий отец, но разная жизнь. Не переживай, нашего с тобой сходства достаточно, чтобы

обмануть и его. Мы с ним практически незнакомы. У тебя будет мое лицо и мои документы, никто даже не заподозрит, что ты — не я. Никому это и в голову не придет! Просто... держись от него подальше.

— Вы не общались с братом?

— У нас разные взгляды на жизнь, — прищурилась Ардена. — Очень разные. Мой старший брат слишком... слишком... он просто проклятый выродок, понимаешь? Чудовище!

Я не понимала, и девушка капризно надула губы и опустила ресницы, скрывая блеск глаз. Я терпеливо ждала, размышляя, насколько же плох этот неизвестный Крис, что Ардена не сдержала бранного слова. Гостя повертела в руках свою муфточку.

— Не буду скрывать, мы с Крисом не ладим. Он считает меня... легкомысленной. Я его просто терпеть не могу. Мы никогда не были близки, никаких семейных ужинов и прочего, если ты понимаешь... Мы не интересуемся жизнью друг друга. Но сейчас все это нам лишь на руку. Поверь, Крис тоже будет держаться от тебя как можно дальше. Все, что нам надо сделать — это немного тебя подправить.

— То есть как это, подправить? — не поняла я.

Ардена лишь рассмеялась.

* * *

Я даже не успела осознать изменения своей жизни, как меня закружил ураган по имени Ардена Левингстон. Право, эта девушка могла бы служить двигателем на том огромном стальном корабле, который недавно спустили на волны Грязного моря. И на энтузиазме и энергии Ардены этот гигант вполне мог бы добраться до Колючего Архипелага, за которым зиял пропастью конец земли.

Не спрашивая моего мнения, гостя потащила меня на второй этаж, в тесную комнатку, которую я гордо считала «своей». Точеный аристократический нос Ардены выразительно скривился, стоило ей переступить порог. Она окинула презрительным взглядом узкую кровать, заправленную выцветшим покрывалом, трехногий столик, сундук и вешалку в углу. Это была обстановка моего жилища.

— Собирай вещи, нам надо торопиться. Хотя можешь ничего не брать, если твои наряды сродни тому, что сейчас на тебе. Ну, что смотришь? Поторопись!

Командные нотки в ее голосе резанули слух, и я огрызнулась:

— Я не ваша служанка. И прежде мне надо поговорить с госпожой Фитцильям...

— Срок твоей отработки закончился, так что можно не объясняться... — Девушка задрала подбородок и окинула меня быстрым взглядом. — Но я рада, что у тебя есть зубки. Так будет больше схожести между нами. А что касается твоей старой госпожи... — Внизу звякнул колокольчик, и Ардена хмыкнула. — Я сама с ней поговорю. Мы уезжаем через десять минут, Вивьен. И я не люблю ждать.

Взметнув вихрь юбок и опустив вуаль, аристократка хлопнула дверью.

Я растеряно присела на край кровати. Голова слегка кружилась. Неужели все происходящее — правда? И прямо сейчас я возьму холщовую сумку со своими скудными пожитками, выйду из магазинчика и отправлюсь в новую жизнь? Нет, я и сама собиралась это сделать, но вот так...

Неужели я попаду в Двериндариум?

В горле стало сухо, комок подкатил к горлу.

Я даже не понимала, что чувствую. Радость? Скорее, растерянность.

А с другой стороны, что мне терять? Окинула взглядом комнату. Ничего. В Лурдене нет ничего и никого, что могло бы меня здесь задержать.

И внутри словно что-то переключилось. Я сорвалась с кровати, сунула в сумку футляр с портретом, вторую юбку, комплект скромного белья, расческу... И остановилась. Неужели это... все? На столике лежит книга, но она не моя. Я лишь читаю ее украдкой, потому что вечером нельзя долго жечь лампу, надо беречь масло. Что еще? Кувшин с водой, покрывало, которое я штопаю для госпожи Фитцильям, ее же шаль, в которой нужно поправить спущенные петли, и ботинки — их требовалось отнести в мастерскую за мостом.

Ардена права — я жила здесь на правах служанки. И только.

А моего здесь ничего нет.

Накинув старый латаный плащ, я пошла вниз. Уже на лестнице услышала голоса. Первый принадлежал вдове Фитцильям, он звучал растерянно и даже испуганно. Второй — властный и жесткий, конечно, был голосом моей новой знакомой.

— Родственница? — вопрошала хозяйка книжного магазинчика. — Но ведь Вивьен сирота... У нее нет родственников!

— И поэтому вы так выгодно купили сироту за пару грошей. Очень удобно!

— Я была добра с девочкой... обучала этикету и манерам!

— С вашей бесплатной служанкой, давайте называть вещи своими именами, — оборвала Ардена, и я поспешила вниз. — Вивьен я забираю с собой, она моя дальняя... кузина. Да, кузина. Потерянная. Теперь она нашлась и мы уезжаем.

— Но куда? — всплеснула руками почтенная вдова.

А увидев меня с сумкой, и вовсе побледнела до синевы.

— Вивьен, милая... но как же... я ведь думала... Рассчитывала! Что же я теперь буду делать?!

— Купите за несколько медяков новую прислугу, довольно причитать, — поморщилась Ардена. Вуаль закрывала ее лицо наполовину, но не скрывала презрительно изогнувшиеся губы.

Госпоже из столицы хотелось скорее покинуть этот дом.

— Вивьен?

Я неловко переступила с ноги на ногу, не зная, как вести себя с госпожой. Она была добра ко мне, учила и наставляла, но никогда не позволяла лишнего. Она и правда была моей... хозяйкой, подчеркивая дистанцию между нами.

— Но я ведь думала...

— Мне жаль вас расстраивать, госпожа Фитцильям, — медленно проговорила я. — Все случилось так неожиданно...

— Значит, это правда? Ты уезжаешь?

— Да. — Я помолчала, ощущая ком в горле. — Хотите, я загляну к господину Томасу? Попрошу его прислать кого-нибудь из своих мальчишек, помочь вам в первое время. Надо вычистить камин, и я не успела вынести ведро из помывальной... Но полки и полы чистые, и я перебрала запасы...

— Довольно! — терпение Ардены заканчивалось. — Твоя отработка завершилась месяц назад, Вивьен! Я узнавала. Так что хватит болтать, нам пора ехать!

Мне хотелось обнять старую госпожу, но я не решилась. Лишь коснулась ее плеча, стянутого жестким твидом старомодного жакета.

— Берегите себя, госпожа Фитцильям.

Она кивнула. На бледных щеках цвели две пунцовые розы румянца. И глаза смотрели с недоумением ребенка.

Мое сердце сжалось, но я лишь снова кивнула и пошла вслед за Арденной, которая нетерпеливо постукивала ногой у входа.

На улице все же пошел дождь, пришлось накинуть капюшон плаща.

— Вивьен!

Звякнул колокольчик, выпуская старую госпожу. И в мои руки легка знакомая круглая коробка.

— Вот. Возьми. На память обо мне, — задыхаясь, произнесла женщина. — На память...

И вернулась в дом. Зеленая дверь закрылась.

А я заторможенно приоткрыла крышку и посмотрела на две фарфоровые чашки.

— Да сколько можно тебя ждать! — не сдержалась Ардена, выглядывая из экипажа. Возница — здоровенный мрачный мужик — тоже глянул недовольно, хотя, возможно, ему просто досаждал дождь.

Я оглянулась на закрытую дверь, снова почему-то кивнула и взобралась на жесткое сидение. Ардена тут же задернула занавеску, словно отрезая меня от Лурдена.

И от прошлого.

ГЛАВА 3. Новая я

Но если я надеялась, что моя спутница позволит тихо попрощаться с местностью, в которой прошла вся моя жизнь — я глубоко заблуждалась.

Стоило экипажу вырулить на основную дорогу, как Ардена кинула мне на колени записную книгу и ручку.

— Иви-Ардена Левингстон. Записывай. Родилась тринадцатого сливня в семейном поместье Белуар в пригороде столицы. Родители...

Девушка увидела, что я продолжаю сидеть, и топнула ногой.

— Хватит на меня смотреть! Ты будешь записывать? Ты должна выучить мою биографию! Хотя бы основную ее часть. Имена родственников и прочее! И все это ты должна знать так, чтобы от зубов отскакивало! И убери куда-нибудь эти ужасные чашки! Прошу! Так ты будешь писать?

— Я запомню, — сквозь зубы проговорила я. Но чашки все же убрала.

Ардена скептически хмыкнула. Ее глаза зло сверкнули, и девушка принялась засыпать меня названиями, датами, именами, титулами и родственными связями. Дождь барабанил по крыше экипажа со все усиливающейся силой, моя голова начинала гудеть, а спутница все говорила. А потом требовательно приказала:

— Ну и что из этого ты способна запомнить? Повтори хоть что-нибудь!

Запинаясь, я перечислила то, что смогла сохранить в памяти. И на мгновение почувствовал себя лучше, увидев удивление в глазах аристократки.

— Что ж... недурно. Ты не глупа, это радует. И у тебя цепкая память. Это повышает наши шансы на

успех. Какая удача...

Она на миг прикрыла глаза, размышляя. И тут же встрепенулась.

— Продолжим!

— Постой! Когда мы, то есть я... когда я должна прибыть в Двериндариум?

— Через пять дней.

— Пять дней? — я подскочила и стукнулась головой о потолок экипажа. — Пять? Но это невозможно!

— Я не виновата, что этот Лурден находится в такой дыре! Конец земли и то ближе! Хотя это тоже к лучшему... но теперь на счету каждая минута. Ночью мы прибудем в Анрис — это единственный приличный город рядом с Лурденом. Там приведем тебя в порядок... — еще один скептический взгляд... — насколько это возможно, конечно. И утром сядем в Имперский Экспресс.

Я чуть не задохнулась, услышав о знаменитом поезде. Но ни удивиться, ни восхититься Ардена мне не позволила.

— У нас нет времени! Никаких вопросов! Никаких охов и ахов! Никаких удивленных взглядов! Забудь сейчас же! У нас слишком мало времени!

— Но...

Аристократка наклонилась ко мне и прищурилась.

— Или ты не хочешь в Двериндариум?

— Хочу, — тихо, но твердо произнесла я.

— Тогда молчи и запоминай, Вивьен. Второго шанса у тебя не будет.

И на меня снова обрушился град из названий и дат.

К сумеркам я уже готова была завывать, но лишь послушно повторяла неизвестные мне события. Я выстраивала их в своей голове, изо всех сил пытаюсь представить, что это именно я родилась в роскошном поместье. Что это я росла, окруженная прислужницами

и нянюшками. Что это у меня было несколько комнат, заваленных игрушками.

Что я не нищенка-сирота, а несравненная Иви-Ардена, с пеленок привыкшая к власти и богатству. Если бы мы повстречались два года назад, вряд ли безумный план мог увенчаться успехом. Но видимо, Ардене Левингстон сам Божественный Привратник открывал двери везения. Ее любила удача. Потому что два года рядом с вдовой Фитцильям все же меня обтесали. Старая госпожа очень старалась из приютского дикого зверька сделать подобие человека. Заставляла читать и писать, учила манерам и рассказывала бесконечные истории о своей жизни в высшем свете Лурдена. Я сомневалась, что в нашем провинциальном городке вообще имеется высший свет, но молча впитывала то, что вещала госпожа Фитцильям. К тому же, я как-то незаметно приистрастилась к книгам. В приюте чтение считалось позорным, за это могли и отдубасить как следует. Так что поначалу жизни у вдовы я оглядывалась каждый раз, беря в руки книгу. А потом привыкла. И не заметила, как полюбила это занятие. Фолианты в старых обложках неожиданно открыли мне новый, совершенно потрясающий мир, в который хотелось окунуться.

Так что шанс у меня был. И я сделаю все, чтобы этим шансом воспользоваться.

— Последний год я проживала вдали от столицы, — пояснила Ардена. — Отец отправил меня на морское побережье, в Орвин. Это довольно уединенное место. Орвинская Обитель славится на всю Империю.

Девушка едва заметно поморщилась. Я смотрела в ее лицо, ловя малейшие изменения мимики и пытаюсь их повторить.

— Мое уединение дает тебе преимущество. Я выпала из светской жизни на целый год и вполне могла измениться. Так что если в Двериндариуме ты все же

встретишь моих знакомых... сможешь сослаться на силу морского воздуха, который сделал тебя совершенно иной. Поняла?

— Значит, своего любимого ты тоже встретила в Орвине? — спросила я.

Ардена нахмурилась, постучала пальцами по жесткой коже сидения. И ответила кратко:

— Да. Там.

И на некоторое время замолчала, рассеянно глядя на ручейки дождя, плетущиеся по стеклу. Правда, тишина длилась недолго.

К сумеркам мы прибыли в Анрис. Я бы хотела рассмотреть город — первый крупный город в моей жизни, но дождь лил как из ведра, а Ардена злилась. Возница остановил возле трехэтажного дома с огромными львами, стерегущими мраморную лестницу. Потом помог госпоже выйти и распахнул над ней огромный зонт. Мне оставалось лишь плестись следом, вздрагивая от холодного дождя, затекающего за шиворот.

— Это чье-то поместье? — шепотом спросила я, когда мы вошли в огромный холл, богато украшенный позолотой, лепниной и витражами. Под потолком сияла тысячью свечей люстра со стеклянными свечами. Внутри каждой бился живой огонь — работа одного из двери-асов. Так называли счастливиц, которым повезло открыть Дверь.

Спутница на мой вопрос лишь закатила глаза.

Впрочем, ответ пришел в виде женщины в переливающимся одеянии. Позади нее застыли статуэтками несколько миловидных очаровательных прислужниц.

— Благодарю за посещение салона роскоши и изящества «Золотая Птица», — запела хозяйка, приближаясь, — как я могу к вам обращаться?

— Госпожа Дирс и моя кузина Вивьен, — быстро произнесла Ардена. Свое настоящее имя она предпочла скрыть. Как и лицо. Но, похоже, здесь это никого не удивляло.

— Очень, очень рада! У нас вы сможете познать негу и красоту, у нас ваша прелесть станет несравненной! Только у нас вы сможете насладиться искусством прославленных двери-асов, способных из любой пичужки сотворить прекрасного белого лебедя...

— Вот этим вы и займетесь! С ней! — Ардена, так и не поднявшая вуаль, повелительно указала на меня. — Я хочу, чтобы вы сделали из этой мышки не просто лебедя, а девушку, способную войти во дворец императора. Все понятно?

Вряд ли хозяйке было понятно, в ее глазах мелькнуло удивление и даже пренебрежение, стоило рассмотреть мой наряд и башмаки. Но золото в руках Ардены заставило госпожу мило улыбнуться.

— Тогда начнем с купален. Иветта, займись! А мы пока все обсудим. Прошу, садитесь. Какой чай вы предпочитаете? Или, возможно, кофе?

Дальше я не услышала, потому что прислужницы утащили меня вглубь особняка. Провели по коридорам к огромному помещению, затянутому паром. Здесь находилось несколько купален-чаш, мраморные столики и куча непонятных мне приспособлений. Не успела я возразить, как меня раздели, и одежда полетела в корзину для мусора. А меня засунули в первую чашу. Я ойкнула, когда над головой сомкнулась горячая вода. Впрочем, ощущение было приятным. И новым. В доме госпожи Фитцильям я мылась в тесной кадушке, а вода всегда была еле теплой. А про помывку в приюте я даже вспоминать не хотела...

Так что сейчас я блаженно зажмурилась, зависая в исходящей паром чаше. Хотя по въевшейся под кожу привычке и посматривала настороженно из-под ресниц

— не выгонят ли. Но девушки лишь ободряюще улыбались.

От воды остро пахло хвоей и нежно — розовым мылом. Несколько раз прислужницы бодро доливали в чашу что-то белое, то ли молоко, то ли какой-то отвар — чтобы кожа стала нежной и гладкой.

Я даже почти задремала, но меня вытащили, растянули на горячем каменном столе и принялись массировать, скрести, натирать жесткой рукавицей, бить веником, мазать чем-то липким и вонючим, снова скрести, мазать и мыть. Порой казалось, что мне сдирают кожу, а когда ноги и руки залили горячим воском и принялись отдирать его вместе с волосками — я и вовсе взвыла и попыталась уползти, но мне не дали.

Я думала, что мое приютское прошлое подготовило меня к любой жизненной пакости, но тогда я ничего не знала о процедурах в домах роскоши!

К чести этого дома, работающие в нем девушки не позволили себе ни одной ухмылки при виде моих натруженных рук, загрубевших пяток или обломанных ногтей. Иветта лишь раз цокнула языком, увидев шрамы на моем боку. Рубцы сплетались в узор — странный и жутковато-притягательный.

— У нас есть целитель, двери-ас, способный убрать такие застарелые отметины, — доверительно поведала Иветта. — Правда, потребуется несколько посещений, слишком глубокие шрамы. И рисунок такой странный... словно рукотворный...

— Не беспокойтесь, — оборвала я, невольно скопировав тон Ардены. — Этот шрам я убирать не собираюсь.

Не зря же я вытерпела эту боль... В качестве обезболивающего тогда пришлось использовать дешевое вино, которое тоже где-то раздобыл мой лихой друг.

«Этот нож сделал один из двери-асов, — шептал мне Ржавчина, пока я кусала от боли губы. Бок горел огнем, словно меня поджаривали. Но я молчала, боясь привлечь к нам внимание настоятелей. Очередная линия — и я зашипела сквозь зубы, а Ржавчина вдруг прижался губами к моей шее. Его лицо было бледным, даже рыжие глаза выцвели. — Потерпи... Это волшебный нож. И теперь ты всегда будешь помнить обо мне. А еще — мы найдем друг друга, где бы ни оказались...»

Наверняка, Ржавчина врал и нож был самым обычным, позаимствованным на кухне приюта. Но я верила. Так было легче терпеть боль...

— Госпожа? Проснитесь...

Кажется, я задремала.

Открыла глаза и села, с удивлением тронула свою кожу. Кажется, такой мягкой и нежной она не была даже в день моего рождения! Я вытянула ноги и растопырила пальцы, изучая. Аккуратные ноготки, розовые пятки, ни единого волоска! Изумительно! Моя кожа сияла, словно ее присыпали золотой пудрой!

— Эликсир господина Бартуфля, — пояснила с улыбкой Иветта. — Он поистине выдающийся двери-ас, говорят, его эликсиры и притирки заказывают даже из столицы. Эффект сохранится около месяца, потом процедуру необходимо повторить. Но пойдете, ваша кухня уже сердится, что мы работаем слишком долго...

На меня накинули бархатный халат с золотыми кистями, ноги сунули в мягкие тапки. И провели в другую комнату. Здесь на диване пила кофе Ардена и ей услужливо что-то говорил толстенький лысоватый господин.

Его взгляд метнулся к моей голове, и глаза стали размером с блюдце в руках Ардены.

— Вы шутите? Из этого, — меня дернули за прядку волос, — сделать то, что вы хотите? Цвет я поменяю, но

длина? Невозможно! Это сколько же в нее надо влить... ускорить... Немыслимо! Необходимо шесть посещений. Шесть!

— Вы сделаете все сегодня, — отрезала моя мнимая кузина. — Сейчас. Иначе я найду другого ускорителя. Того, кому нужны сто золотых, потому что вам, видимо, не очень.

Толстяк жадно ахнул. Я тоже. Это за что же Ардена желает вывалить такую кучу монет?

— Но вы осознаете риск? — уже другим, елейным тоном, спросил мастер. — Ближайшие дни девушка будет мучиться от слабости, головных болей и тошноты! Возможны и другие последствия. Все же это слишком быстрое ускорение роста волос...

— Она потерпит, — милая кузина на меня даже не взглянула. — Приступайте.

— Нам нужно много холодной воды, — смирился мужчина. Наши взгляды встретились, и в его мелькнуло легкое сожаление. — Закройте глаза и попытайтесь расслабиться.

Его руки легли на мою макушку. Я ощутила легкое тепло. Поначалу оно было вполне терпимым, но стало нарастать. В горле пересохло, виски сдавило. К моим губам поднесли стакан с водой, и я жадно выпила. Открыла глаза, глянула в зеркало. Моргнула. Мои короткие прядки отросли до лопаток.

— Вы ускоряете рост волос! — изумилась я. — Удивительно!

— Рад услужить, госпожа, — с удивительным изяществом поклонился мастер. — Правда, ускорение идет и за счет ваших ресурсов, так что вам надо есть и пить. Красота требует сил и стойкости!

Мне подали другую кружку — с жидким шоколадом, щедро сдобренным сливочным маслом, ванилью и корицей.

Когда волосы еще удлинились, разболелась голова. Но я стойко терпела, понимая, что мне необходима шевелюра Ардены. Я выпила еще две кружки шоколада и графин воды, мастер-причесочник вспотел и даже, кажется, похудел. Но когда он отступил, а меня развернули к зеркалу, я не поверила своим глазам. По моим плечам рассыпались золотые локоны, достающие до талии. Мое лицо в обрамлении светлых прядок стало иным. И невероятно похожим на лицо Ардены, которое она скрывала под вуалью.

Напоследок мастер нарисовал мне над губой точку-родинку.

Теперь мы действительно выглядели с Арденой близнецами.

Мнимая кузина склонилась надо мной, рассматривая с жадным интересом. Ее глаза блеснули сквозь дымку ткани.

— Потрясающее сходство, — прошептала она. — Вот только цвет глаз...

Она выпрямилась, положила на стол мешочек с монетами.

— Я довольна, мастер. Ваш Дар впечатляет.

— Благо Двери, — поклонился причесочник. Его лицо слегка позеленело от усталости.

Меня тоже пошатывало и клонило в сон, но я заставила себя встряхнуться. В новой комнате, где по шелку обоев порхали золотые птицы, меня одели в синий дорожный костюм. Но я уже слегка устала восхищаться, так что молча вынесла осмотры мастерицы и одевание. Голова болела все сильнее. Ардена командовала мастерами, собирая мой гардероб и злясь на мою худобу.

— У тебя почти нет груди! — шипела она, с гордостью демонстрируя свое декольте.

Я с ней не спорила. Честно говоря, меня вообще мало волновала эта часть моего тела.

— Простите, госпожа, — неожиданно вмешалась мастерица по платью. — Но ваша кузина обладает идеальными пропорциями! Одно удовольствие одевать такую фигуру!

Я благодарно улыбнулась пожилой женщине, а Ардена зашипела и уколола меня булавкой — якобы случайно. Но я лишь зевнула и получила в награду еще один удивленный взгляд богатой «кузины».

Когда мы покинули салон роскоши и изящества, дождь закончился и снаружи занимался рассвет. Бессонная ночь, многочисленные процедуры, тревога и головная боль довели меня до состояния вытащенной на берег рыбы. Я могла лишь хватать ртом воздух и пытаться не сдохнуть. Ардена тоже устала, хотя и продолжала командовать.

Что-то тихо сказав вознице, она села в экипаж.

Виды города все же привлекли мое внимание, тем более что рассвет в Анрис был по-настоящему красив. Меня зачаровали двухэтажные жилые кварталы, балконы, увитые вечнозеленым вьюнком, живые скульптуры вдоль аллей и открытые террасы.

Мы несколько раз свернули, миновали центр и респектабельные районы и оказались возле неприметного дома. Над крышей медленно крутился железный коршун.

На этот раз мы не пошли внутрь. Туда отправился возница, чтобы через несколько минут вернуться и передать Ардене пузырек темного стекла. Надписей или этикетки на нем не было.

— Что это?

— Зелень для твоих серых радужек, — пояснила новоявленная кузина. — Радуйся, что твои глаза не карие, пришлось бы сложнее.

Я посмотрела в окно на грязную окраину.

— А разве менять цвет глаз не запрещено законом? — Кажется, я что-то об этом слышала в

магазине госпожи Фитцильям. Настойки, меняющие цвет радужек, были небезопасны и порой лишали модниц зрения. Поэтому их запретили, хотя некоторые двери-асы и утверждали, что слухи — лишь происки глупцов и производителей глазных капель.

Ардена предпочла мне не отвечать.

И я поняла, что мои глаза станут зелеными, чего бы ей это не стоило.

К знаменитому Имперскому Экспрессу я прибыла настолько измученная, что почти не обратила внимания на эту махину. И стоило доползти до кровати — просто провалилась в тревожный сон.

ГЛАВА 4. Имперский Экспресс

Оценить Имперский Экспресс я смогла утром. Проснувшись, моргнула, глядя на световых бабочек, порхающих по расшитому полотну балдахина. Села и с интересом осмотрелась. Нас разместили в удобных отдельных комнатах. В моей была кровать с балдахином, резной столик, панель из красного дерева, за которой скрывался шкаф, мягкая банкетка и множество великолепных мелочей, создающих роскошную атмосферу Экспресса. Я с удовольствием погладила шелковые обои и лаковое дерево, потрогала бархатные занавески, скрывающие окно, и полюбовалась на изящную лампу — статуэтку с пляшущим внутри хрусталя желто-голубым пламенем.

За окном проплывал величественный лес, корни укрывал туман, а верхушки сосен едва золотились приближающимся рассветом. У Ардены была отдельная комната, и я порадовалась короткой передышке и уединению.

Умывшись в небольшой, но тоже роскошной помывальне, я отодвинула дверцу шкафа. Мои наряды обслуга Экспресса уже развесила на плечиках. На стене виднелся золоченый шнур с кисточкой — стоит потянуть за него и на мой зов явится прислужница, чтобы помочь мне одеться и причесаться.

Но я не стала никого звать. Наряды, висящие в шкафу, казались мне невероятно дорогими и непривычными. Даже прикасаться к ним было страшно. Но мне нужно с чего-то начать! Светлые ткани, вышивка, шнуровка, кружева — от этого великолепия кружилась голова! Я выбрала голубую юбку и блузку в тон. Оделась и повернулась к зеркалу в бронзовой раме. Юбка облегла бедра, а внизу разлеталась широкими

складками, блузка пенилась нежными кружевами, оголяя верх груди и ключицы. Золотистые волосы волной рассыпались по плечам, и я раздраженно отбросила их за спину. Из зазеркалья на меня смотрела сероглазая и хмурая Ардена Левингстон. Новая одежда превосходно сидела, но была совершенно чужой. Я никогда не носила ничего подобного и сейчас ощущала себя чучелом, втиснутым в шелк и кружева. Подергала себя за прядки, попыталась собрать их в изящную прическу, которую носила Ардена, но лишь исколола шпильками и заколками пальцы. Узкий лиф сдавливал ребра и оголял верх груди, что мне совершенно не нравилось. Такие платья шли Ардене, а мне хотелось снова натянуть привычный свитер и широкую юбку. На миг возникло жуткое чувство потери, словно меня стерли, заменив чужой личиной. Я потрясла головой и показала себе язык. И успокоилась. Это всего лишь одежда и новая прическа, а внутри по-прежнему я — Вивьен. И я должна быть благодарна судьбе и Божественному Привратнику за невероятный шанс и удачу.

Снова повертелась перед бронзовой рамой и накинула на плечи роскошный меховой палантин. Волосы завязала лентой и решила, что выгляжу отлично.

Мнимая кузина упомянула, что одежда нужна мне для выходных дней, а во время учебы нужно будет носить форму Двериндариума — единую для всех учеников. Так Империя пытается показать, что мы все равны перед силой Двери.

Напоследок я попыталась изобразить на лице снисходительное высокомерие, которое частенько появлялось на лице Ардены. Выходило так себе, но я старалась. А устав, махнула рукой и решила прогуляться, пока моя мнимая родственница спит.

Но стоило высунуться в коридор, и я наткнулась на мрачного верзилу, который исполнял при Ардене роль охранника и возницы. Он загородил мне проход, явно не желая пропускать. Но я задрала повыше подбородок, глядя на верзилу в упор, почти просверливая ему череп взглядом. И, поколебавшись, охранник отступил. А я прошла мимо, все так же держа спину невыносимо прямо.

Прогулка по изысканно обставленным коридорам и ресторану принесла мне истинное наслаждение. Богатеи, являющиеся пассажирами Экспресса, все еще спали, так что гуляла я в одиночестве. Лишь в вагоне-ресторане пил кофе светловолосый парень. Увидев меня, он оживился, но я быстро прошла мимо, опасаясь общаться с незнакомцем. А вернувшись в комнату-купе, увидела недовольную Ардену.

— Где ты ходишь? — она окинула меня быстрым взглядом, но, похоже, осталась довольна осмотром.

— Любовалась Экспрессом. Здесь удивительно!

— Полюбовалась, и хватит, — буркнула кузина. — На время оставшегося путешествия тебе лучше не покидать этой комнаты. Ты можешь встретить кого-то из моих близких друзей или родственников, ты разве не понимаешь? Да и мой отец без конца разъезжает на этом поезде, и тебе не удастся его обмануть, даже не надейся! До прибытия — ни шагу наружу! Или хочешь все испортить?

Я хотела возмутиться, но промолчала. К сожалению, девушка права.

— Вивьен, — Ардена смягчилась и шагнула ко мне. — Ты должна потерпеть. Думай о возможностях, которые даст тебе Двериндариум.

Я кивнула, улыбнувшись.

— А теперь займемся делом, — щелкнула «кузина» пальцами. — Ты неплохо смотришься, но взгляд, походка, манеры! Все ужасно. За работу! Живо!

Я подумала, что из Ардены Левингстон получилась бы отличная надзирательница за преступниками — жалости и снисхождения в ней не было ни на медяк.

Впрочем, я не возражала.

Следующие дни стали для меня чередой уроков, новых сведений и приказов «кузины». И все это под стук колес, прерываемое лишь обедами и ужинами, которые нам приносили в покои. Но ела я плохо, меня мучили тошнота и головные боли — последствия ускоренного роста волос. Но плохое самочувствие я лишь привычно отметала, вспоминая слова Ржавчины: «Забудь о боли, и боль забудет о тебе». Я послушно впитывала все, чему учила Ардена, понимая, что за столь короткий срок не могу стать иной.

И все же я старалась.

И все же время закончилось слишком быстро.

Когда в окне показались свинцовые воды Взморья, на котором находился Остров Двери, я вдруг ощутила, как накатывает страх. Чутье, помогающее мне с раннего детства, вдруг завопило, требуя немедленно бежать. Паника вдруг накрыла с головой, и захотелось выпрыгнуть на ходу из Имперского Экспресса да броситься прочь. Прильнув к окну, я всматривалась в белесый сумрак, окружающий это странное мертвое море. Самое удивительное и пугающее место нашего мира. Самое притягательное и ужасающее.

Каким оно станет для меня?

Горло снова сдавило паникой.

— Это сила Двериндариума, — хрипло произнесла рядом Ардена. — Дверь отпугивает людей на уровне инстинкта. И в то же время...

Тянет. Это я тоже ощущала. Сердце стучало все быстрее, а взгляд пытался выхватить из надвигающегося тумана башни Двериндариума. Но я видела лишь сероватое марево.

Пейзаж за окном поблек, а потом и вовсе исчез, затянутый пыльной завесой тумана.

— Поезд остановится лишь на несколько минут, Вивьен. Так что нам пора прощаться, дальше ты пойдешь одна, — встряхнулась Ардена. — Я сделала все, что могла, остальное зависит от тебя. Так что хорошо запомни мои слова. — Девушка помолчала и в глубине ее глаз, так похожих на мои, мелькнул жестокий огонь. — Пути назад нет. За попытку незаконного проникновения на этот Остров полагается смертная казнь. За попытку выдать себя за другого человека, чтобы попасть на Остров — пытки и смертная казнь. За попытку незаконно приблизиться к Двери... ну думаю, ты уже поняла.

Я ощутила, как озноб царапает плечи, несмотря на теплый меховой палантин.

— Если тебя поймают и рассекретят, — продолжила Ардена, — я скажу, что никогда тебя не видела. И ничего о тебе не знаю. Я найду, как себя оправдать. И поверь, не найдется людей, готовых опровергнуть мои слова. Если кто-то узнает правду, отвечать будешь лишь ты, Вивьен. Так что старайся. Старайся изо всех сил. Помни все, что я тебе говорила. Я буду тебе помогать, помнишь? Но теперь ты Иви-Ардена Левингстон. Что бы ни случилось. Ты поняла?

Я молча кивнула и подхватила свой чемодан. Небольшой с виду, но оснащенный пространственным карманом, он вмещал весь новый гардероб Ардены. Вернее, мой гардероб.

— Думай о будущем, — наставительно приказала «кузина». — А теперь самое время подправить твои глаза.

Она вытащила уже знакомый пузырек, я запрокинула голову. И зашипела, когда капли настойки полились под веки. Показалось, что на меня вылили жидкий огонь. Я моргнула, ничего не видя. Слепла?

Неужели злопыхатели правы и настойка лишает зрения? Помогите мне Божественный Привратник! Хотя, исходя из того, что я задумала обман, о помощи надо просить скорее Двуликого Змея, который, как известно, благоволит лжецам и отбросам...

Но тут во тьме забрезжил свет, и я увидела силуэт Ардены.

Через несколько мучительных минут зрение почти вернулось, хотя резь в глазах осталась. Но я не стала жаловаться, толку-то.

— Действия хватит на месяц, потом капнешь еще раз, — велела Ардена, засовывая склянку в мой багаж. Ты все помнишь?

Конечно, нет! Но я лишь кивнула. Глаза жгло невыносимо, хотелось сунуть лицо в ведро с холодной водой. Но пришлось терпеть.

— Пора, — выдохнула «кузина».

Колеса Имперского Экспресса стучали все медленнее, паровоз издал тревожный гудок. Мы прибыли на станцию.

И вскоре осталась я одна на перроне — в клубах пара отъезжающего Экспресса и сером тумане, наползающем с Острова. Подняла голову — в окне поезда мелькнуло женское лицо в вуали.

— Госпожа прибыла в Двериндариум? — из тумана скользнула фигура в черном мундире.

— Да, — сипло произнесла я, приказывая себе не моргать слишком часто.

— Я февр Стивен Квин. Ваше имя и документы.

Я протянула личностный листок. Руки слегка дрожали, но это вполне можно списать на обычное волнение. Февр — значит смотритель, воин, законник или каратель. Судя по ситуации, скорее, первое. Но точно один из тех, кто уже открывал Дверь. И как знать, какой Дар он от нее получил? Вдруг умение в два счета расправляться со всякими вруньями?

Об элитных феврах и их способностях в приюте болтали всякое... Да что там в приюте. Февр — самая страшная сила в Империи.

К тому же, на боку февра весьма красноречиво поблескивал в ножнах клинок. А с другой стороны виднелась кобура.

Я с трудом удержалась от желания обхватить плечи руками, чтобы согреться. Или протереть глаза, чтобы унять жжение. Но вместо этого лишь выше задрала подбородок и нетерпеливо постучала каблучком по мостовой, подражая Ардене.

Мужчина неторопливо сверил изображение и гербовые печати на листке, достал из кармана печать правдивости — неизменный атрибут всех законников — и провел, проверяя подлинность документа. Потом так же неспешно просмотрел свои записи. Поднял на меня испытывающий тяжелый взгляд. Я стояла, не шелохнувшись. И февр слегка улыбнулся.

— Госпожа Левингстон, прошу за мной.

Я посмотрела назад, но Имперский Экспресс уже растворился в тумане. И поспешила за провожатым, оглядываясь. Впрочем, видела я мало. Из сумрака и тумана выплывали стены вокзала, какие-то нагромождения камней и угол часовой башни. Так что я старалась держаться ближе к своему спутнику.

Шли мы недолго и скоро оказались возле мехомобиля. Кататься на этом транспорте мне пока не доводилось. Да что там! В Лурдене мехомобилей и не было, лишь обычные конные экипажи. Даже ездовых альбатросов я видела лишь раз в жизни, когда в Лурден прилетала какая-то важная особа. Тогда из приюта удрали все, кто смог, наплевав на грядущее наказание.

А если бы на улочках нашего городка оказался этот вытянутый железный экипаж,двигающийся плавно и невероятно быстро без всяких лошадей, думаю, у приютских мальчишек случилась бы сердечная болезнь!

Ржавчина и Лисий Нос до хрипоты спорили, пытаясь выяснить что быстрее — мехомобиль или императорский альбатрос, который, как известно, может перелететь даже самые высокие горы — Хребет Змея.

Кто бы мог подумать, что однажды мне доведется прокатиться на этом невероятном транспорте!

Мужчина распахнул дверцу. Стараясь не показать своего удивления и не таращить глаза, я села на кожаное сидение. Внутри приятно пахло табаком и сосновыми веточками.

И к моему изумлению, уже сидел пассажир. Тот самый светловолосый парень из поезда. В сумраке я рассмотрела его темную куртку, карие глаза и дружелюбную улыбку.

— Так и знал, что вы тоже в Двериндариум! — с улыбкой воскликнул он. — Хотел представиться еще в поезде, но вы слишком быстро сбежали. Итан Клейт, к вашим услугам!

Я вспомнила наставления «кузины». Одно имя означает принадлежность к младшим родам.

— Иви-Арденa Левингстон, — почти без запинки произнесла я. И протянула парню руку. Внутренне напряглась, потому что мне еще никто и никогда рук не целовал. Даже в перчатках. И как-то не верилось, что незнакомец это сделает.

Но Итан Клейт опустил голову и коснулся губами кружева на моей руке.

— Польщен, госпожа Левингстон. Значит, я ваш первый знакомый в Двериндариуме? Какая честь для меня.

Февр Квин уже завел мехомобиль, и машина на удивление мягко и тихо тронулась с места.

— Вы надолго в Двериндариум?

— На год, — и все же голос слегка хрипит, но и это понятно — девушка волнуется.

— Старший род, понимаю, — с легкой завистью в голосе произнес мой новый знакомый. — А мне предстоит открыть Дверь два раза.

Я кивнула, не зная, что надо говорить. Мехомобиль вдруг резко ускорился. Я ахнула, развернувшись к окну. Туман остался позади. Впереди летела стрела железного моста, соединяющего большую землю с островом. Сейчас попасть в Двериндариум можно было лишь по этому узкому мосту с односторонним движением, минуя несколько дозорных башен. И возле каждой мы останавливались, чтобы снова предъявить документы. Такой строгий контроль даже улыбчивого Итана заставил помрачнеть.

Под мостом бушевали темные, густые воды Взморья. Из них торчали пики скал и... мачты.

— Когда-то здесь был полуостров и прибрежный город, — поймав мой взгляд, пояснил Итан. — Иль-Тарион. По легенде — красивый... Но когда открылась Дверь, Взморье всколыхнулось. Из глубины пошла волна — выше самого высокого здания Иль-Тариона. Земля треснула, и полуостров отделился, став островом. А сам Иль-Тарион в одночасье оказался на дне моря вместе со всеми жителями. Я слышал, что во время отлива можно видеть крыши и даже окна домов, шпили часовой башни и древнего храма. А мачты кораблей, что стояли у пристани, заметны и сейчас, видите? Взморье их засолило до твердости камня...

Я кивнула, и парень наклонился ниже, понизил голос.

— Правда, злые языки утверждают, что это первые февры отделили землю с Дверью, затопив попутно и город... Чтобы к Двериндариуму нельзя было подобраться с суши. Теперь остров стерегут призраки жителей Иль-Тариона.

Я заметила внимательный взгляд февра Квина в зеркало заднего вида. Но говорить он ничего не стал.

— Значит, мы в будем в полной безопасности, — пробормотала я.

— Точно, — немного нервно хохотнул Итан.

Парень держался, но я видела, что и его проняла атмосфера таинственности. И, вопреки правилам, я ему ободряюще улыбнулась. В ответ Итан глянул слегка удивленно, но тут же просиял. А я подумала, что мне не помешают на Острове друзья или хотя бы доброжелатели.

Ехали мы довольно долго. А потом как-то резко впереди показалась стена, а за ней поднимались башни и шпили. Рассветное солнце словно намеренно ждало этого момента, чтобы выкатиться на небосклон и позолотить черные камни величественного Двериндариума.

И я внезапно подумала, что это хороший знак.

Я здесь. И у меня все получится!

ГЛАВА 5. Двериндариум

Мехомобиль въехал под широкую арку из огромных черных камней, свернул к башне и остановился.

— Добро пожаловать в Двериндариум, — произнес февр Квин. — Вам туда, вас встретят.

Он указал на дверь башни. Мы с Итаном вылезли и послушно отправились к ступеням.

— Вы знаете, что нас ждет? — повертела я головой. — Вы читали что-нибудь об этом месте?

Парень глянул удивленно.

— Но о Двериндариуме нет книг, — протянул он. — Ни книг, ни статей, ни даже песен. О нем ведь запрещено писать, вы разве не знаете?

Я прикусила язык, понимая, что допустила оплошность. Но Итан понимающе улыбнулся.

— Хотя, понимаю. К чему такой красавице разные глупости? — самостоятельно нашел он объяснение, и я выдохнула. — Думаю, вам было, чем заняться в столице, помимо мыслей о далеком острове! Я прав?

Я рассмеялась и кивнула. За дверью башни тянулся полутемный холл, и пока мы моргали, к нам вышла высокая темноволосая женщина. На ней была форма — узкие коричневые брюки, сверху — жесткое темно-зеленое платье-мундир. До колен, с двойным рядом блестящих пуговиц. Воротник-стойка соединялся у горла серебряным медальоном-фабулой.

Темные волосы женщины были собраны в строгий пучок. Но, несмотря на внешнюю жесткость, улыбнулась она вполне радушно.

— Госпожа Левингстон, господин Клейт! Приветствую вас в Двериндариуме!

— Благо Двери, — отозвался Итан, я просто кивнула.

— Мое имя Эмилия Сентвер. Вы можете называть меня по имени. Надеюсь, дорога была легкой? Идите за мной, прошу.

Мы прошли мрачный холл насквозь и оказались с другой стороны. Перед нами расстилалась площадь, величиной с поле. В ее центре находилось идеально круглое озеро, искрился в лучах восходящего солнца огромный фонтан. Вокруг него возвышались деревья, слева и справа от нас устремлялись к небу черные арки и шпили древнего замка. Две башни, словно огромные каменные стражи, охраняли вход в Двериндариум. Остальные постройки располагались подковой, обнимая площадь и составляя единый архитектурный ансамбль. Я запрокинула голову, рассматривая открытые переходы, арки, черные угрожающие шпили, готовые вонзиться в небо, острые грани стекол и множество каменных чудовищ, скалящихся со стен. Клыкастые ширвы, крылатые эфримы, рогатые хриавы... Кажется, здесь был весь бестиарий древнего мира Эпохи Чудовищ и Безмолвных Людей. Центральный вход и вовсе обвивал огромный двуликий змей. Две пары глаз — черные и красные — смотрели вниз, на мелких людей, проходящих мимо.

В древности люди украшали свои жилища подобными тварями, веря, что так заслужат их благосклонность. Тогда люди были слабы, ведь они еще не умели принимать Дар.

И этот замок, несомненно, был древним.

Для его постройки использовался черный камень, но стены густо заросли вечнозеленым плющом и бурым остролистом, разбавляя величественную мрачность этих стен.

— Вы видите основное здание, — пояснила Эмилия. — Это замок Вестхольд, когда-то это был морской форт, и принадлежал он моему предку.

Мы с Итаном изумленно уставились на улыбнувшуюся женщину.

— Сейчас замок, как и весь Остров, принадлежит Империи, а я являюсь главной смотрительницей Вестхольда. Идемте.

Мы двинулись по дорожке, вертя головами.

— Со временем вы узнаете больше о Двериндариуме, пока я расскажу лишь основное. Как вы знаете из истории, это место создали, обнаружив Дверь в Мертвомир. Полуостров стал Островом, а замок — оплотом первых февров. Здесь они получали необходимые навыки, чтобы открыть Дверь. Раньше здесь давали лишь знания по Дарам и Двери, но сейчас вы можете записаться на множество различных курсов, чтобы ваше время в Двериндариуме не прошло зря. Ученики проводят здесь от месяца до трех лет, и поверьте, у нас есть, чем заняться. На досуге вы можете научиться рисовать, петь, танцевать, изучить историю, картографию, мироведение и даже звездологию! На Острове вы найдете не только замок, но и магазины, рестораны, оранжерею и зимний сад, конюшни, лавочки портного и причесочника, кофейни и даже театр! Ну и, конечно, наша знаменитая библиотека — Белый и Черный Архивы. Так что время, проведенное в Двериндариуме, станет для вас незабываемым.

Эмилия подмигнула, а я с трудом перевела дыхание. Голова кружилась. От потока новых сведений, моих изменений и, пожалуй — голода.

Мы с Итаном переглянулись.

И парень не сдержался:

— А Дверь? — запнувшись, задал он главный вопрос. — Где находится Дверь? Когда мы ее увидим?

— Всему свое время, — понимающе улыбнулась смотрительница. — К занятиям вы приступите завтра, а сегодня — отдохните и осмотритесь.

Мы прошли под арку и оказались с другой стороны площади. Здесь веером расходилось несколько улиц. Холмистая местность острова позволяла увидеть ряды аккуратных двухэтажных домов.

— Итан, вам сюда, — Эмилия указала на длинный дом с красной крышей. — Ваша комната указана на ярлыке.

В руки парня лег тяжелый ключ с кисточкой.

Итан слегка растеряно кивнул и улыбнулся мне.

— Иви... может, увидимся вечером?

Я вздрогнула и открыла рот, чтобы поправить парня, сказать, что предпочитаю второе имя. И не стала. Имя Ардена настолько было мне чуждо, что кажется, я никогда не смогу к нему привыкнуть. А вот Иви перекликалось с моим собственным. Иви, Виви, Вивьен... Да и нравилось мне гораздо больше!

Поэтому я согласно кивнула и отправилась вслед за Эмилией.

С двух сторон тянулись красивые, увитые плющом и дикой розой дома. На многих вертелись флюгеры с изображением птиц.

— Это улица называется Соколиная Охота, — пояснила моя спутница с улыбкой. — Вам здесь понравится. А вот и ваш дом!

Она поднялась по ступенькам красивого двухэтажного здания и вложила мне в руку ключ.

— Отдыхайте, Иви-Ардена. Чуть позже к вам придет Силва, она расскажет о ваших занятиях и принесет форму.

— Благо Двери, — пробормотала я благодарность.

Эмилия ушла, а я открыла дверь дома. И застыла, моргая. Может, я чего-то не поняла и здесь у меня лишь комната? Но на ключе не было никаких номеров. Неужели я буду проживать в доме? В целом доме? Да еще каком!

Поставила чемодан у входа и осторожно двинулась вперед. За небольшим коридорчиком была гостиная. С камином, мягкими креслами, шахматным столиком и стеллажами с книгами. Дальше — идеально чистая кухня с небольшой столовой. На втором этаже я нашла уютную спальню, светло-зеленую помывальную и закрытую дверь.

Подергав ручку, я пожала плечами и спустилась вниз.

И рассмеялась! Дом! Целый дом!

В приюте моей считалась лишь узкая койка, а в магазинчике вдовы — тесная комнатуха, которой я невероятно радовалась. А здесь — дом! С красивой, добротной обстановкой, камином, бархатом, ковром и люстрами! Дом, в котором я проведу целый год!

Невероятно!

— Спасибо тебе, Божественный Привратник! — выдохнула я и пошла на кухню. Открыла деревянную дверцу шкафа, внутри которого золотился знак изменения — крошечная замочная скважина. Значит, шкаф сделан на фабрике изменения, двери-асом. Значит, продукты в нем не будут портиться. Посмотрела на полки и застонала. Молоко в стеклянной бутылке, сыр, ветчина и яйца, зелень и фрукты, коробка с булочками и ящичек с коричневыми ароматными шариками. На крышке темнела надпись «Эйфория».

Оглянувшись, я осторожно вытащила один кругляш и сунула в рот.

Я снова застонала. По языку растеклось чистое блаженство, под веками заплясали золотые искры. Сердце ударило в ребра, а кровь забурлила, наполняя тело силой и радостью. Не выдержав, я начала выплясывать вокруг шкафа, мыча от удовольствия!

Подобную сладость я пробовала лишь раз, да и то — дешевую карамель с толикой эйфории, которую стащил

в лавке Ржавчина. Но и тогда я чуть не проглотила язык, а сейчас и вовсе...

Измененный шоколад даже успокоил тошноту — мою спутницу со дня посещения Дома Роскоши. Поэтому я вытащила еще и сыр с ветчиной, отрезала по куску и принялась жевать, облизывая пальцы и рассматривая детали дома. Взгляд с восторгом выхватывал все новые мелочи: ажурную корзину для зонта, резную подставку для ног, львиные лапы столика и узор из кленовых листьев на обивке кресел.

— Я люблю этот дом! — пропела я, дожевав. — Я люблю Двериндариум! Я открою Дверь и получу свой Дар! Я найду Ржавчину! У меня все-все получится!

Действие эйфории закончилось, но приятная сытость и сладкое послевкусие остались. Я посмотрела на свои перепачканные ладони и хмыкнула — Ардена за это не похвалила бы. Так что я отправилась умываться. А когда вышла, у двери звякнул колокольчик.

На пороге улыбалась совсем юная девушка с россыпью веснушек на курносом носу.

— Госпожа Иви-Ардена? Я Силва! Я принесла форму и ваше расписание. Давайте я разложу ваши вещи и, если вы голодны, приготовлю обед. Или можете поесть в ресторане за парком, если не желаете ждать. Там готовят прекрасную форель!

Видимо, взгляд у меня стал совсем стеклянный, потому что девушка осеклась и неуверенно переступила с ноги на ногу.

— Я Силва, — повторила она. — Ваша прислужница. Я моргнула. Служанка. У меня есть служанка.

Шоколад, сыр и ветчина внезапно комом встали в горле.

— Если я вам не нравлюсь, вам пришлют кого-то другого... — как-то потерянно сказала девушка. Яркие карие глаза повлажнели, словно Силва пыталась не заплакать.

— Нет-нет, все отлично! — я снова прикусила себе язык, понимая, что выбилась из образа богатой наследницы. Выпрямила спину и попыталась прилепить к лицу маску высокомерия. — Хм... то есть, думаю, ты мне подойдешь. Что ты умеешь делать? И не стой столбом, входи!

И пока окрыленная Силва перечисляла свои умения, я размышляла.

В голове всплыл давний разговор в приюте. Кто-то из сирот клялся, что можно податься в Двериндариум прислугой и за десять лет образцовой работы будет позволено получить свой Дар.

Но спрашивать я ничего не стала. Сомневаюсь, что Ардена имеет привычку болтать с прислугой.

Яркая радость вдруг померкла. Не так-то просто мне будет притворяться госпожой Левингстон!

— Я прогуляюсь, — объявила мрачно, чем заслужила еще один испуганный взгляд. — И это... Разложи мои вещи, пока меня не будет.

— Да, госпожа!

Прихватив меховой палантин, я сбежала из дома.

Солнце уже забралось на небосклон и золотило стены домов, кустарники и деревья. Я повернула в сторону, противоположную замку. Улица закончилась мостом через узкий проток. За ним снова потянулись здания, но уже не жилые, а торговые. По крайней мере, перепутать вывеску с чашкой ароматного кофе нельзя было ни с чем другим. За стеклом виднелись столики и двое парней за одним из них. И, словно почувствовав мой взгляд, оба повернули головы к окну и уставились на меня.

Так что я торопливо пошла дальше. Иногда мне попадались прохожие — рабочие и прислужницы, февры и студенты. Меня провожали взглядами, верно, здесь многие друг друга знали, и новое лицо вызывало любопытство. Но с вопросами никто не подходил, чему я

была рада. Хотелось движения и тишины, хотелось подумать и принять свою новую жизнь.

Я не задумывалась, куда иду, решив доверить выбор направления чутью.

Миновав ресторан и несколько лавочек, я прошла какую-то мастерскую, снова кофейню... дорожка вывела в парк, а потом закончилась. Дальше мостовой не было. Я оглянулась на черные стены Вестхольда, возвышающиеся позади. Над шпилем реяло полотнище с перечеркнутым золотым кругом. Кто-то мог бы подумать, что это солнце, но лишь тот, кто не знаком с гербом нашей империи. На синем фоне была изображена Дверь.

Я отвернулась от замка. Впереди темнел песок, а еще дальше накатывали на берег тяжелые волны Взморья. Слева возвышались деревья-исполины, там начинался самый настоящий лес. У корней величественных елей стелился туман, словно туда не проникает солнечный свет. Вдалеке, на обломке скалы, виднелась башня уже недействующего маяка.

Подумав, я осторожно ступила на влажный песок и пошла к воде. Длинный подол пришлось подобрать, все-таки одежда богачей ужасна неудобная!

Каблуки модных ботинок тут же провалились. Но я упрямо шла, решив посмотреть на свинцовые волны. Я никогда не видела моря. Подойдя почти вплотную к линии прибоя, остановилась и сделала глубокий вдох. Взморье казалось мне старым. Оно пахло горечью. Может, там, на дне, и правда — город? Древний Иль-Тарион? Не зря ведь бывалые моряки называют Взморье Последним Пристанищем и отказываются заходить в эти воды.

Хотя скорее, дело в дурном нраве этих мест. Взморье часто бушует штормами и здесь полно острых подводных скал.

А люди горазды выдумывать байки.

Я присела, опустила в набегающую волну пальцы. Холодно...

Взморье тяжело перекачивало седые волны и чуть слышно бормотало пучиной, словно пытаюсь мне что-то рассказать. Я даже затаила дыхание, прислушиваясь.

Но тут позади раздался шорох и рядом остановился мехомобиль. Стальной корпус блеснул на солнце.

— Госпожа Левингстон? — удивленно выглянул из окна февр Квин. — С вами все в порядке?

— В полном, — я задрала подбородок. — Я просто гуляю. Это ведь не запрещено?

— Конечно, нет. Только вам стоит быть осторожнее. В лесу полно хищников. Самых разнообразных. Да и сам лес огромный, потеряетесь — можно и не выбраться. Такое уже случалось. — Февр улыбнулся, показав ямочки на щеках. Правда, улыбка странным образом не меняла его взгляда — жесткого и внимательного. — Замок и дома занимают лишь малую часть острова, а остальное — леса и холмы. Благородной девушке лучше не сходить с брусчатки. Вам не понравились наши рестораны и кофейни? Извините, но вам лучше вернуться. Взморье волнуется, похоже, скоро будет шторм, вы замерзнете. Здесь это обычное дело. Хотите, я отвезу вас к замку?

Прозвучало как вопрос, но почему-то мне не казалось, что февр спрашивает. Ехать с ним мне совершенно не хотелось, так что я изобразила милую улыбку.

— И правда холодает. Но думаю, я успею вернуться до дождя. Благодарю.

Мужчина неохотно кивнул.

— И все же... Будьте осторожны, госпожа Левингстон. — И помолчав, добавил: — Если вам понадобится помощь или совет, то я живу в северном крыле замка. И буду рад вас выслушать. Вы можете обратиться ко мне с любой проблемой. Вы понимаете?

Я кивнула, удивляясь, с чего бы февру предлагать мне помощь. Или он... флиртует? А что, мужчина он интересный. Возможно, на Острове ему просто скучно, а тут молодая привлекательная девушка...

Мехомобиль мягко урча, уехал. Я посмотрела ему вслед. И все же... Почему я должна быть осторожна? Что февр имел в виду? Только ли то, что сказал? Или что-то заподозрил? Может, богатые наследницы не шляются, где попало, а чинно сидят в ресторанах? Вот же Змей Дзуликий и прислужник его склиз!

Я потерла переносицу, успокаиваясь.

Снова повернулась к морю и ахнула. Над горизонтом сгущались тучи, похоже, февр прав. А мне надо было принять его предложение и вернуться на мехомобиле.

Тихо выругавшись, что, несомненно, не пристало делать воспитанной девушке, я подхватила подол и почти бегом бросилась обратно. Я неслась наперегонки с набухающими тучами, внезапно ощутив азарт. Кто быстрее — я или дождь? Я лидировала, даже несмотря на каблучки и юбку, опутывающую колени!

И почти добежала до своего дома, когда появился тот, кто все испортил!

— Иви! — радостно закричал Итан, устремляясь ко мне. — А я решил вас навестить! А вот и вы! Однако... вы отлично бегаєте!

Последнее прозвучало не столько восхищенно, столько удивленно. Вероятно, Итан пытался решить, стоит ли умение нестись во весь опор отнести к женским достоинствам. Я с трудом затормозила, бросила юбку и... в этот момент хлынул дождь! А ведь я почти выиграла! Поток холодной воды обрушился сверху, словно там открыли кран! Я охнула и повернулась к двери своего дома. Итан в этот момент шагнул ко мне. Мои модные ботинки, будь они неладны, поехали на скользкой брусчатке и — я сама не поняла, как оказалась в объятиях парня.

— Поймал! — радостно шепнул он, сильнее сжимая мою талию.

Я вскинула голову и с некоторым удивлением уставилась в восторженные светло-карие глаза Итана. Они просто сияли, похоже, у парня было прекрасное настроение. А если учесть, что на нас льется осенний противный дождь, то с чего Итану так радоваться?

И он не спешил убирать с моей талии рук. Напротив, сжал крепче, притягивая к себе. Я уже собиралась ему об этом сказать, как сзади раздался голос. Вкрадчивый и бархатный, полный мягких рокоющих ноток и тщательно сдерживаемой злости. Такой голос мог бы принадлежать молодому океану. Он бы нес свои воды между первозданных скал, ярился штормами и весело губил корабли глупых людей, осмелившихся сунуться в эту стихию. Такой голос хотелось слушать, заворачиваться в него, закрыв глаза. Он рождал внутри что-то новое и опасное.

Хотелось слушать голос, но не слышать слова.

— Всего несколько часов, как моя дорогая сестра прибыла в Двериндариум, а я уже нахожу ее в чьих-то объятиях. Признаться, я надеялся, что слухи о тебе преувеличены, Ардена. Вижу, что нет.

Итан как-то резво меня отпустил и сделал быстрый шаг назад.

И я обернулась.

Когда мнимая кузина упоминала брата, я представляла кого-то, похожего на нее. Светловолосого и светлокожего, зеленоглазого и изнеженного. Но нет. В своих представлениях я промахнулась по всем фронтам. Кристиан Левингстон был совсем другим. Высокий. В черной форме — брюки, сапоги, жесткий мундир до колен с двойным рядом пуговиц. Военная выправка. Рукоять клинка. Руки сложены за спиной. Мой взгляд метнулся выше. Воротник-стойка и волнистые черные волосы, касающиеся ушей. С них капала вода на

шею парня, но он словно и не замечал. Смуглая кожа. Мужественный подбородок и красивые губы. Широкие темные брови и глаза...

У вдовы Фитцильям был перстень с изумительным прозрачно-голубым камнем. Она говорила, что это топаз. Вот такие глаза были у Кристиана Левингстона. И в сочетании с темными волосами и смуглой кожей они производили сногшибательное впечатление. Только эти глаза смотрели на меня с нескрываемым презрением.

— Зайди в дом, Ардена, — приказал Кристиан, и его голос снова напомнил об океане, которого я никогда не видела.

И прошел мимо, словно потеряв к нам с Итаном интерес.

Я посмотрела на свои руки, сжавшие край мокрой юбки. Подол намок и испачкался, прическа развалилась пока я неслась наперегонки с дождем, и пряди повисли сосульками. Да уж, отличная получилась встреча дорогих родственников!

Итан смущенно откашлялся.

— Некрасиво вышло. Но я могу все объяснить твоему брату...

— Не надо! — оборвала я.

— Да, наверное, это только усугубит... тогда увидимся позже?

Я кивнула, не вникая в слова Итана.

— Я не знал, что твой брат — февр. И каратель...

— Что? — я вообще-то тоже.

— Каратель, — Итан похлопал себя по груди. — У него нашивка на мундире. Ты что, не заметила?

Нет, я в это время думала о топазах и океане.

— С карателями лучше не связываться. Они же все ненормальные... ну, в общем... — пробормотал парень. — Я пойду?

— Иди.

Оглядываясь, словно не мог решить, правильно ли поступает, парень отошел.

А я посмотрела на дверь моего дома. Ржавчина говорил: если жизнь подкинула щепотку радости — не спеши веселиться. Не иначе как она лишь отвлекает внимание, приготовив для тебя ведро помоев.

Все-таки в той книге афоризмов, стянутых со стола настоящего, были весьма неглупые мысли!

Мой прекрасный дом, которому я так радовалась, вовсе не был моим. И год в Двериндариуме мне предстоит делить его с тем, кто ненавидит и презирает Иви-Ардену Левингстон.

То есть, меня.

Сжав до хруста зубы, я подняла подбородок и вошла в дом.

ГЛАВА 6. Мой брат

«Главное — держись подальше от моего брата», — наставляла меня Ардена.

Да я бы и с радостью, только как мне это сделать, если он по-хозяйски вошел в дом, где я живу? И дверь открыл своим ключом, что говорит о многом!

В душе теплилась слабая надежда, что нам удастся договориться миром. Но чутье подсовывало воспоминание — взгляд топазовых глаз — и уныло твердило, что не выйдет. Никакого мира у нас не выйдет.

Кристиан нашелся на кухне. Он наливал себе кофе и, когда я вошла, поморщился. И это оказалось ужасно неприятно. Не знаю, чем так прогневала брата настоящая Ардена, но вот шишки достанутся мне. И придется с этим смириться.

Парень обернулся и уставился на меня. Его взгляд неторопливо и внимательно осмотрел все — от мокрой макушки до грязного подола. И вернулся обратно. Впился в лицо, и я почти физически ощутила прикосновение. И страх. Почудилось, что сейчас февр разгадает обман. Поймет, что я самозванка.

И кстати, за какие такие заслуги он получил нашивки февра в его возрасте? Как?

И почему проклятая Ардена ничего об этом не знала? Как можно настолько не интересоваться жизнью родственника?

Я остановилась в дверном проеме. Некоторое время мы молча друг друга рассматривали.

Кристиан поднес к губам кружку и сделал глоток, все так же сверля меня взглядом. Я ощутила, как стекает по спине холодная капля.

— Я представлял тебя иначе, — сказал он.

— И как же? — удалось выдать мне.

Он пожал плечами.

— На изображениях в газетах ты выглядишь... крупнее. И старше.

Да, Ардена тоже негодовала по поводу моей худобы. Интересно, что писали о наследнице в тех самых газетах?

— Как говорит отец — в газетах все врут. Так ведь?

Я легкомысленно улыбнулась, ощущая себя, как канатоходец на высоте Лиризанского пика! Один неверный шаг — и пропасть!

— Мы давно не виделись, — осторожно сказала я, желая убедиться, что хоть в этом мои сведения точны.

— Тринадцать лет, — по-прежнему сухо подтвердил парень. — С тех самых дней, когда умерла моя мать.

Я лихорадочно вспоминала все, что знала. Ардена старше меня, сейчас ей двадцать один, а ее брату — двадцать три. Когда родственники виделись последний раз, девочке было восемь. Вот только я не знала, что это были похороны.

И что я должна говорить?

— Да... грустное событие...

— Грустное? — февр так быстро оказался рядом, что я испуганно шарахнулась назад. Он почти вжал меня в стену. Прозрачно-голубые глаза оказались слишком близко, и я увидела сетку лопнувших сосудов вокруг ярких радужек. По правде, выглядел парень жутко уставшим и жутко злым. И хотелось сбежать от него подальше, но я не могла. Поэтому просто смотрела ему в лицо, пытаясь не паниковать. Он уперся ладонью в стену.

— Грустное? Ты смеешь называть ее смерть грустным событием? Ты смеешь?! Ты еще большая дрянь, чем я думал, Ардена!

Я прикусила щеку. Склиз! Кажется, я ляпнула что-то не то... вот только знать бы, что!

— Я не хотела тебя злить...

— Не хотела злить, значит? Я надеялся, что не увижу тебя еще лет двадцать!

— Я могу переехать в другой дом... наверное...

— Хочешь жить отдельно? — прищурился парень.

— Очень! — искренне выдохнула я. Желательно, на другом конце Двериндариума. Как можно дальше.

Кристиан наклонился ниже, и я ощутила запах кофе от его губ. Тряхнула головой.

— Хочешь провести тут приятное время, наслаждаясь жизнью? — почти ласково произнес брат. И рявкнул: — Даже не надейся.

В прозрачных голубых глазах зажглось что-то убийственно-маниакальное. Я сглотнула. Склирз! Я точно влипла. Теперь надо понять, насколько глубока эта трясина.

Он взял себя в руки, хотя злость все еще плескалась в глазах. И снова я подумала об океане...

Отошел и заложил руки за спину.

— Жить ты будешь здесь. И я за тобой присмотрю. Как старший брат. Поверь, тебе не понравится, — Кристиан усмехнулся, и я подумала, что мне категорически не нравится это человек. — Правила, Ардена. Те, которые ты всегда презирала. Говорю один раз, ты запоминаешь. Ослушаешься — накажу. В этом доме никаких гостей. Никогда. После занятий ты идешь домой учить задания. Твоя дорога — до замка и обратно. Никаких увеселений. Никакого хмеля. Никаких подруг. Никаких парней. Отбой в девять вечера. Подъем — в пять. Пробежка и тренировка. Я посмотрю твое учебное расписание и внесу необходимые поправки. Ты запомнила?

Я смотрела так ошарашенно, как не смогла бы и настоящая Ардена. Божественный Привратник, даже в приюте подъем был в семь! Вот тебе и богатая жизнь, Вивьен!

— Ты сдурел? — совершенно искренне произнесла я. Кристиан поморщился.

— Никаких бранных слов. За каждое — штраф. На первый раз прощаю. Хотя нет. С чего мне тебя прощать, верно? В наказание остаешься без ужина.

— Да катись ты к слирзу в зад! — выдала я. Лишить меня еды? Да чтоб он провалился! Неужели этот мерзавец показался мне красивым? Фу!

— И еще — никакой служанки. Силва будет лишь убирать и готовить еду, а причесываться научишься сама.

— Ты не имеешь права!

— Еще как имею, — издевательски улыбнулся братец. — Я попросил твоего куратора назначить меня основным наставником. Это обычная практика для родственников. Конечно, мне пошли навстречу и все одобрили.

Что б ты подавился своим кофе!

— Я буду жаловаться! — выкрикнула я, не очень понимая, кому я вообще могу пожаловаться.

— Отцу? — насмешливо поднял брови брат. — Он одобрил мою... м-м... инициативу. Дал разрешение на любые исправления и корректировки твоего учебного дня. В том виде, в каком я сочту... необходимым. Так что жаловаться тебе остается лишь многочисленным любовникам, оставшимся на большой земле. Это, конечно, бесполезно, но так уж и быть. Это я тебе разрешаю.

Крис плотоядно улыбнулся. Хотя скорее — оскалился.

— Почту отправляют раз в месяц. Можешь начинать писать свои жалобные послания. Да, и не пытайся войти в мою комнату. Это тоже правило.

Злость внутри сожгла все барьеры и чувство самосохранения. Даже удивительно, как почти незнакомый человек за несколько минут может довести

до желания его убить. Я сжала кулаки, с трудом удерживая их внизу. Сделала три разъяренных шага и почти уткнулась в наглого «братца». Он был выше меня на голову, но это не помешало мне посмотреть со всем возможным презрением.

— Я не собираюсь следовать твоим убогим правилам, ясно? И ты меня не заставишь. Ты мне вообще никто! Я приехала сюда, чтобы открыть Дверь, а не выслуживаться перед тобой. Если хочешь жаловаться отцу — валяй, попробуй. Ты просто наглый индюк, Кристиан, понял?

— Кристиан? — он наклонил голову, почти утыкаясь в меня носом. — Ну ты и дрянь. Пожалуй, начну называть тебя Иви. Кажется, ты терпеть не можешь это имя?

— Пошел ты! — рявкнула я, развернулась и гордо удалилась в свою комнату. Хлопнула дверью достаточно громко, чтобы мерзавец внизу точно услышал. Но запал злости потух, и я в задумчивости присела на кровать.

Что ж, можно считать, что первый раунд прошел с переменным успехом. Мнимый брат меня не рассекретил, это, несомненно, плюс. Я смогла дать отпор и даже стала Иви, что тоже неплохо. Озвученные правила и угрозы меня совершенно не испугали, хотя говорить об этом я, конечно, не стану. А за то, что брат лишит меня присутствия служанки и вообще можно сказать спасибо! Силва может оказаться приметливой и увидеть странные привычки новой госпожи. Да и любых нежелательных знакомств теперь можно избежать, свалив все на строгого брата!

Я улыбнулась «наказанию», но тут же помрачнела.

Я буду жить в одном доме с февром — и это плохо. Очень плохо! А вражда родственников точно испортит мне жизнь. Как бы братец в своем стремлении мне нагадить не докопался до правды.

И главный вопрос. Если его так злит имя Кристиан, то как, помощи привратник, я должна его называть? Почему проклятая Ардена не сказала, что брат терпеть не может это имя?

Я взлохматила подсохшие и растрепавшиеся волосы. А еще эти космы до талии! И подолы! И узкие лифы! Нет, определенно, быть богачкой не так уж и весело. Тем более, при наличии таких родственничков!

* * *

Остаток дня я провела в своей комнате, чутко прислушиваясь к тому, что происходит внизу. Но то ли в этом доме хорошие двери, то ли Крис, или как там его, вел себя тихо.

Я обмылась в прекрасной мраморной купальне, промыла волосы, злясь на их длину, и заперлась в своей комнате. Примерила форму Двериндариума, которую принесла Силва. Она оказалась очень похожей на ту, что носила Эмилия. Такой же удлиненный темно-зеленый мундир, напоминающий жесткое платье выше колен, тонкая рубашка и узкие штаны. Обувь — невысокие сапоги. Сверху полагалось накинуть шерстяную мантию с белой меховой оторочкой.

Я собрала волосы в пучок и повертелась перед зеркалом. Форма села, как влитая, наверняка она тоже сшита двери-асом. Жесткий мундир оказался на удивление удобным, был полностью закрытым и нравился мне гораздо больше кокетливых нарядов Ардены. Что ж, это тоже можно записать к хорошим новостям. Я переоделась в сухое платье и тихонько выглянула в коридор. Прокралась к лестнице. Кристиан сидел в гостиной и читал.

Я постояла, размышляя. Хотелось есть. Наверное, можно было бы сбегать в кофейню и потратить

несколько монет из увесистого мешочка, который мне вручила Ардена. Но на улице начался настоящий шторм. Дождь усилился и яростно хлестал в стекла, словно пытался их выбить. Ветер трепал деревья и кустарники, угрожая выдрать их с корнем. Взморье бушевало, из моего окна на втором этаже были видны черные тяжелые волны, обрушивающиеся на берег. Разбушевавшаяся стихия отбивала всякое желание покидать надежные стены дома.

К тому же, я не собираюсь подчиняться нелепым правилам родственника! Ардена бы точно не стала.

Поэтому, гордо задрав подбородок, я спустилась на кухню. И обомлела — еды в шкафу не оказалось. Ничего. Пусто! Стерильно почти! И куда «братец» все дел? Была же еда — ветчина и сыры, и конфеты...

Живот заурчал, соглашаясь. Я яростно обернулась к открытой двери. Сквозь проем был виден мой ненаглядный «родственник». Кристиан положил книгу на колени и смотрел на меня. Он не улыбался, но я нутром ощущала, что доволен.

И это раздражало.

— Ты что, ненормальный? — поинтересовалась я, начиная методично открывать все дверцы.

— А ты сомневаешься? — поднял брови «брат». — Разве не ты называешь меня выродок и монстр, дорогая сестра?

Я мысленно вспомнила добрым словом Ардену. Да, именно так она и говорила о брате.

— Откуда тебе знать, как я тебя называю? — несколько сконфуженно пробормотала я. Вот странно, гадости делала Ардена, а стыдно — мне.

— В Двериндариум приезжали твои знакомые. Некоторые — достаточно близкие, — с прежней насмешкой отозвался фебр. — Просветили.

Я помрачнела — вот же подстава! И как мне бороться со всем, что наворотила Ардена?

— Куда ты дел продукты?

— Выкинул.

Я вот тут я разозлилась. Может, Ардена не так уж и не права, питая к брату столь теплые чувства. Я медленно повернулась. И видимо, лицо у меня стало бешенное, потому что февр глянул удивленно.

— Ты выкинул продукты? — тихо, почти шепотом переспросила я. Тихо и угрожающе. — Свежие, хорошие продукты? Дюжину яиц, куски сыра и ветчины, бутылъ молока, пучок лука и даже морковь? Корзинку с булочками? Фрукты? И ящичек с конфетами? Выкинул?

На стене висели ножи, и я с трудом удержалась от желания сжать один в кулаке. Ярость клокотала в горле, воспоминания голодного приютского детства не давали успокоиться. Меня трясло. Как можно выкинуть продукты? Как?! Да кем вообще надо быть!

— Лишь бы досадить мне... Выкинул... все же свежее было! Так нельзя! Ты что, не понимаешь?!

Стукнув по столу кулаком, я пролетела мимо Кристиана. Он проводил меня ошарашенным взглядом. А уже в своей комнате я привалилась к двери и закрыла лицо руками. Медленно сползла вниз, с ужасом осознавая, что наделала. Дура! Какая же я дура! Да я же чуть не сдала себя со всеми потрохами! Или сдала без всяких чуть?

Не могла богачка Ардена так отреагировать на выкинутые продукты. Что для нее дюжина яиц и бутылъ молока? Это лишь для меня они означают жизнь... Несколько часов, дней или даже месяц... Это я знаю, что такое пытаться уснуть, когда живот сводит от голода. Это я знаю и ненавижу вкус хвойной смолы, которую жуют сиротские дети, обманывая друг друга, что едят конфеты и заглушая противную пустоту внутри. Это для меня конфеты, фрукты и булочки — невиданная роскошь.

Это все я. Не Ардена.

Я до боли прикусила кулак. Чокнутая! Как я могла так вскипеть? Не смогла остановиться... Теперь он точно поймет. Вон как смотрел.

Склирз ползучий!

Я ведь совсем не лицедейка и не актриса, я не умею притворяться кем-то другим! И уже сильно сомневаюсь, что внешнего сходства хватит, чтобы сойти за Ардену.

Единственное мое спасение в том, что Кристиан не виделся с сестрой много лет. Он не знает ее, не знает ее привычек и поведения. По крайней мере, я на это надеялась.

Настоящая Ардена рассказывала, что давняя неприязнь привела к полному игнорированию между родственниками. Правда, она не пояснила причину таких «теплых чувств». Ясно, что в прошлом случилось что-то, породившее эту ненависть.

Но что же делать мне? Как вести себя?

Главное — уверенность. Я не должна показывать страх. Ардена ничего не боится. Она избалованная, самоуверенная, сумасбродная и, насколько я поняла, довольно порочная богачка.

И я должна вести себя соответствующе.

Я попыталась вскочить, но длинные пряди зацепились за дверную ручку, затылок заныл. Тихонько взыв от досады и паники, я выдернула волосы и в сердцах схватила из корзинки для рукоделия ножницы. Правда, в последний момент одумалась. И отрезала лишь запутавшуюся прядь, а не всю длину! Хотя...

Мне ведь необязательно носить настолько длинные волосы? Ну кто заметит, если я их слегка укорочу!

Чикнула ножницами и испытала хоть какое-то облегчение, увидев отрезанные золотые локоны.

И тут я ощутила на себе чужой взгляд. Обостренным чутьем человека, выросшего в ожидании удара.

За спиной — закрытая дверь. Пустая комната. И окно. Незашторенное окно со стекающими потоками

воды. Рывком отклонилась в сторону и погасила лампу. Сумрак окутал комнату. А я прильнула к оконному стеклу. Сквозь пелену дождя была видна крыша соседнего дома. И на миг показалось, что на треугольном скате застыла каменная фигура крылатого чудовища, такого же, какие скалились на стенах замка. Словно змеево отродье — эфрим — слетело с черной крыши Вестхольда и сейчас смотрит в мое окно.

Но... Кажется, или чудовище пошевелилось?

Не дыша, я всматривалась в странную гротескную фигуру. Темный, страшный... Сидит, прижавшись коленями к черепице, опустив ладони и глядя на мое окно.

Внизу стукнула дверь, и я вздрогнула, отвернувшись. А когда снова глянула в окно — крыша соседнего дома была пуста. Я нахмурилась. Да что это такое? Мне почудилось?

Ночью Двериндариум уже не выглядел безмятежным и даже безопасным. Напротив. Мне казалось, что Взморье лютует, порываясь стереть и замок, и окружающие его дома с острова. А еще — что там, во мраке, живут чудовища. Кто-то ведь был на крыше. Я точно знаю, что был.

Прижалась лбом к холодному стеклу.

Почему Ардена не общалась со своим сводным братом? Что произошло в их семье? Ясно, что трагедия, слишком красноречивый взгляд был у Кристиана. И слишком подозрительно то, что Ардена предпочла это прошлое скрыть от меня.

Мои мысли снова сбились на того, кто жил в соседней комнате. Февр. И каратель. Худшее соседство из всех возможных. Если он заподозрит, что я самозванка...

Сердце испуганно пропустило удар.

И как он вообще им стал? Все знают, что для этого нужны особые Дары. Нельзя стать карателем, получив в

подарок умение рисовать или ускорять рост волос. Интересно, что Дверь подарила Кристиану? И сколько раз он ее открыл?

И...Неужели Ардена умышленно умолчала о том, что ее брат — февр? И что мы будем жить в одном доме? Ведь узнай я все это заранее, сбежала бы в тот же миг. Я не самоубийца, я хочу жить. И если бы незваная богачка рассказала мне правду, я бы не за что не приняла ее предложение. Слишком опасно! А теперь уже нет пути назад, придется выкручиваться. Ардена это понимала, потому и утаила важные сведения.

Или я зря ее обвиняю? Может, и сама госпожа Левингстон не знала, с чем мне предстоит столкнуться в Двериндариуме? Вернее, с кем.

Я с досадой подергала себя за длинные прядки.

Карателя я видела лишь раз в жизни. В Управлении Лурдена были смотрители и законники, но не каратели. Но в то лето, когда мне исполнилось семь, в городке убили женщину. Старую госпожу Брукс, которая держала лавку со всякими мелочами на улице кожевников. Законники не могли найти убийцу, и тогда приехал каратель. Не знаю, как, но он нашел виновника. Одного из приютских мальчишек, мы звали его Проныра за тощую фигуру и вредный нрав.

Наш сиротский дом — длинный, одноэтажный и серый — стоял за холмом, в стороне от Лурдена. Отходник — так величали приют в городке. Слева от него высился забор, за которым шумел чахлый лес и булькало тухлое болото. Справа темнела низинка, в которую свозили мусор. Лето выдалось жарким, и настоятели выстроили всех приютских во дворе. Там не было ни одного дерева или даже куста, так что приходилось жмуриться от солнца и глотать полуденный зной. И тем удивительнее было видеть карателя, затянутого в черный мундир. Я смотрела с

любопытством, ведь раньше я не видела самых знаменитых февров империи.

Нижнюю часть лица карателя закрывал черный платок с изображением скрещенного ножа и кости — символ Ордена Карателей. Но остановившись перед нами, он снял платок, и мы увидели его лицо — вполне заурядное. Каратель был пожилым и седовласым. Высокий, или так казалось мне — малявке. И пугающим на уровне инстинктов.

— Каратели открывают Дверь много раз, — прошептал мне Ржавчина. — Это слишком сильно меняет их. Говорят, они перестают быть людьми и становятся чудовищами...

Я с любопытством глазела на мужчину, пытаюсь увидеть то самое чудовище. Но каратель казался обычным человеком, немного уставшим, немного мрачным. Ничего общего с тем бородатым горбуном, которого я видела в бродячем цирке, что приезжал в Лурден. Меня это даже слегка разочаровало, раз нет чудовища, к чему все эти байки и рассказы?

А потом во двор вывели Проныру. Он озирался и дрожал. Приютские притихли, уже понимая, что будет дальше.

В стороне застыли настоятели. Каратель смотрел спокойно. Он сказал что-то о том, что зло должно быть наказано. Что никто не имеет права нарушать закон и отнимать чужую жизнь. Никто, кроме тех, кто призван вершить правосудие. Что оно всегда свершается, каким бы хитрым не оказался преступник.

И мы, дети из дома терпимости, всегда должны об этом помнить. И каждый раз, когда Двуликий Змей нашептывает нам в ухо и склоняет к пакостям и преступлениям, надо делать правильный выбор...

А потом каратель снял перчатки и протянул руку. На его пальцах заплясал огонь. Только лепестки пламени были не красными, а мертвенно-голубыми. Они

облизывали руки карателя, с каждым его вздохом становясь все больше. Мужчина посмотрел на Проныру, тот завопил.

«Только не мертвый огонь, только не мертвый огонь!» — орал парень. Все время орал...

А мне хотелось зажмуриться. Только Ржавчина не позволил. Жестко сжал мою руку, которой я пыталась прикрыть лицо, и приказал:

— Не закрывай глаза, мелочь. Не смей. Смерти надо смотреть в лицо. Поняла? Всегда.

Я поняла. И даже смотрела, хотя больше всего хотелось сбежать. В ноздри забился жуткий запах горящего мяса. Но одно я запомнила накрепко — каратели обладают правом единолично вершить правосудие. И лучше с ними не сталкиваться.

Надо же, как повезло оказаться с одним из них в этом доме!

Нахмурилась и отошла от окна. Хотелось есть, но к этому я привыкла и не обращала внимания. Подумав, я решила, что самым разумным будет лечь спать.

Переодевшись в шелковую сорочку, я по привычке потрясла шторы и заглянула под кровать, проверяя, нет ли в комнате шутих. То, что эти злые духи существуют лишь в сказках, меня не волновало. Так делали все приютские, это был ежедневный ритуал.

Потом залезла под одеяло и зевнула — оказывается, я устала.

В стекло по-прежнему бился ветер и голубые призрачные тени скользили по комнате. Но я запретила себе бояться. Это всего лишь переживания и непогода. А завтра снова взойдет солнце и все образуется. Я в это верила.

ГЛАВА 7. Кто быстрее

Мы плавали наперегонки с Ржавчиной. Барахтались в теплой воде, не чувствуя дна, и смеялись. От края до края горизонта расстилалась вода — ни одного клочка суши. Вода была ярко-бирюзовая, прозрачная, бесконечная. И где-то на самом краешке сознания мелькало удивление — как я держусь на воде, ведь я совсем не умею плавать. Это я и крикнула, а Ржавчина снова рассмеялся. И оказался близко-близко, глядя мне в лицо темными глазами. Они выглядели точь-в-точь, как шоколадные конфеты, наполненные эйфорией.

«Учись плавать, мелочь, — шепнул Ржавчина. — Это ведь океан. Не утони в нем. Я тебе запрещаю...»

— Встать! Подъем!

Я проснулась в один миг. Перевернулась на кровати, вскочила и вытянулась по струнке, ошарашенно глядя на Кристиана. Парень так же ошарашенно уставился на меня. Мы застыли, осознавая.

Я — то, что по приютской привычке отреагировала на команду. Уже в раннем детстве я знала, что если не вскочить еще до того, как утихнет голос настоятеля — будет худо. И два года у госпожи Фитцильям ничего не изменили. Резкое «подъем!» — и вот она я! Стою босиком, в шелковой сорочке, облегающей тело. Все мои волосы — будь они неладны! — гнездом на голове, глаза, вероятно, как плоски.

Впрочем, у мнимого родственника не лучше. Хотя, в отличие от меня, Кристиан был полностью одет. Вместо вчерашнего мундира на нем красовались тренировочные мягкие штаны и тонкий черный свитер. Отстранено я признала, что и такая одежда очень идет моему «брату». Делает его... человечнее. А если бы парень улыбнулся, то наверняка стал бы настоящим

красавцем. Но улыбаться он точно не собирался. Он таращился на меня и сжимал в руке кружку с водой.

Я посмотрела на «брата». На кружку. Снова на этого склизра, который явно принес эту посудину сюда не для того, чтобы предложить водичку сонной родственнице. А чтобы вылить на мою голову, когда я и не подумаю просыпаться!

Протянула руку и, отобрав кружку, выпила, не спуская с парня дерзкого взгляда.

— Утром я предпочитаю какао, — сказала я. — В следующий раз не перепутай.

Кристиан моргнул. Прозрачная топазовая синева медленно потемнела.

— У тебя десять минут, чтобы привести себя в порядок перед пробежкой, — выдал он и, развернувшись, скрылся в коридоре.

Я задумчиво почесала голову. Конечно, можно и сегодня послать родственника в пасть двуликому змею, но я все равно теперь не усну. А с этой враждой надо что-то делать. Не в моих интересах разжигать войну, слишком силы не равны. К тому же, я смогу узнать от родственничка, что ждет меня в Двериндариуме, а это тоже неплохо.

Поэтому я быстро освежилась, торопливо и не слишком умело заплела волосы и натянула такие же, как у Кристиана штаны, свитер и обрезанные перчатки. Посмотрела на мягкую замшевую куртку, но решила, что она лишь стеснит движение. Ардена упоминала, что в Двериндариуме придают серьезное значение физическим тренировкам и подготовила соответствующую одежду. Правда, сопроводив этот костюм уничижительными эпитетами. Оно и понятно. Красивой и родовой девушке не пристало носить столь неженственную одежду.

А вот меня наряд вполне устраивал — он был удобный.

Собралась я за пять минут. А потом еще десять смотрела в окно, решив, что слишком быстрое одевание покажется подозрительным. На дорожке возле дома наливался злостью мой дорогой брат. Правда, вида он не показывал, стоял возле порога, заложив руки за спину. И лишь напряженная шея и наклон головы говорили о его эмоциях.

И словно почуяв мой взгляд, Крис вдруг резко поднял голову, уставившись в мое окно.

Я отшатнулась.

Когда я все-таки спустилась, Крис окинул меня быстрым взглядом. И светлые глаза снова потемнели.

— Ты опоздала.

— Я пришла, — улыбнулась почти весело. — В нашей ситуации это уже много, согласись.

Темные брови Криса сошлись на переносице. А я вдруг увидела, что у него на шее рисунок. Черный рисунок, выглядывающий хвостом из-за воротника. Интересно, что там изображено? Может, двуликий змей, как у Отступников?

Я хмыкнула, представив «родственника» в роли преступника. Ну уж нет, похоже, он прирожденный каратель!

— Снова играешь в свои игры... Иви? — процедил он. — Думаешь, я один из тех, кто все простит за твои милые улыбки?

Я рассмеялась и махнула рукой.

— Ты разбудил меня в такую рань, чтобы угрожать или бегать? Или ты можешь лишь болтать?

— Бежим до конюшен, — сказал он. И усмехнулся. — Если выдержишь, конечно.

Я прикинула расстояние. Азартная мысль вспыхнула в голове, и я выдохнула:

— Предлагаю пари!

Он насмешливо и недоверчиво поднял брови. Но меня уже захватил знакомый азарт. Кровь закипела,

толкая на безумства.

— Если я прибегу первая — ты сделаешь над собой усилие и постарайся вести себя, как брат, а не как двуликий змей!

Кристиан недовольно нахмурился, и я торопливо добавила:

— У нас с тобой нет причин, чтобы любить друг друга. Но мы можем хотя бы попытаться... пообщаться. Ну так как? Пари?

— А если первым буду я? — вкрадчивые нотки в его голосе вдруг заставили меня споткнуться. Но я лишь мотнула головой.

— Мечтай!

И сорвалась с места, устремляясь к утихшему Взморью. Буря прекратилась. Брусчатку усыпали листья и сломанные ветки. Двериндариум спал, и тишина острова казалась оглушающей. Робкие рассветные лучи трогали влажные стены домов и пили капли дождя на листьях вечнозеленого вьюнка.

А я бежала.

Я всегда любила бегать. Движение наполняло тело радостью и успокаивало мои мысли. И если бы все было иначе, я даже сказала бы Крису спасибо за это утро. Но не стану.

Скосив глаза, увидела его рядом. Ноги парня в мягких тренировочных ботинках касались мостовой легко и бесшумно. Я даже засмотрелась, ведь всегда считала, что в беге мне нет равных. Но тогда я не была знакома с этим февром. Поначалу Крис держался чуть позади, и я чувствовала его пристальный взгляд. Но потом ему надоело глотать пыль, и он вырвался вперед.

Внутри меня вспыхнуло пламя, я уже не чувствовала брусчатки. Я летела, я почти парила, я стала птицей, я стала ветром! Свободной! Вот что я ощущала, когда бежала. Свободу...

И желание победить! Потому что соперник оказался силен. В какой-то момент я даже решила — он мне не по зубам, ведь сердце уже стучит в горле, а под ребрами печет на каждом вздохе. А Крис совсем рядом, то впереди, то на полшага позади. Мне казалось, что на этот раз я играю в догонялки со стихией... я слышала его шаги. И ловила звук его дыхания. Я видела его взгляд — океан внутри. И я бежала!

Но когда впереди показались денники, нырнула вперед изо всех сил и края деревянного здания все же коснулась первой.

Кристиан опоздал лишь на мгновение.

Не веря, я оббежала еще круг вокруг колодца и притормозила.

— Я победила! Победила! Победила!

Февр тоже остановился, постоял минуту, восстанавливая дыхание. И посмотрел мне в лицо. Я осеклась и внезапно испугалась, что снова допустила ошибку. Наверное, Ардена не бежит, как угорелая, и не хохочет... Я словно стояла на тонком льду — каждый шаг может стать последним. Радость победы померкла, но я заставила себя стоять и с улыбкой смотреть в лицо карателя. Его взгляд снова трогал меня, запоминая каждую мелочь. Мы стояли в шаге друг от друга. Я ощущала жар его тела, его дыхание. Мы изучали друг друга.

— Не знал, что ты так хорошо бегаешь, — медленно произнес Кристиан.

И я выдохнула.

— Ты многого обо мне не знаешь.

— Это точно, — его голос стал задумчивым, но взгляд остался острым.

Я снова внутренне вздрогнула, но лишь беспечно махнула рукой.

— И спешу напомнить, что ты проиграл пари! Так что будь хорошим братом, принеси своей сестре воды!

Я повелительно ткнула в сторону колодца. Глаза февра потемнели, губы сжались, на миг показалось, что в том колодце сейчас окажется одна зарвавшаяся особа. Но нет. Кристиан усмехнулся, отошел и начал разматывать колодезную цепь.

Я прислонилась спиной к брускам денника, глядя на парня. Движения у него были скупые и точные. Красивые. Я поймала себя на том, что мне нравится смотреть, как этот молодой мужчина набирает из колодца воду. И почему-то это испугало.

Под ребрами кольнуло. Там, где был рисунок, оставленный Ржавчиной. Я прижала к боку ладонь, не понимая. Раньше я ничего не чувствовала на месте странного узора-шрама. С чего бы ощущать теперь?

Вытащив лебедку, Кристиан зачерпнул воду железной кружкой и принес мне.

— А что надо сказать? — не сдержалась я.

Он нахмурился, не понимая.

— Надо сказать — все для тебя, дорогая сестра!

Кружка полетела на землю, и вода выплеснулась мне на ноги. А ладони февра впечатались в стену, заключая меня в ловушку.

— Смотри — не заиграйся, — процедил он, буравя меня ледяным взглядом.

— А то что? — тихо сказала я, не отводя глаз. — Что, Крис? Ты ничего мне не сделаешь.

В прозрачной глубине его глаз вдруг что-то мелькнуло. Что-то новое. И у меня перехватило дыхание. Я не понимала, почему так пристально смотрю в темнеющие глаза того, кто может лишить меня всего. Даже жизни.

Узор из шрамов вспыхнул болью.

Видимо, я скривилась, потому что Крис нахмурился и протянул ко мне руку.

— Что с тобой?

— Не трогай, — оборвала я. — Все в порядке. Надо возвращаться, у меня сегодня начинаются занятия. Так что... игра закончилась.

— Значит, игра? — и снова этот слишком внимательный взгляд.

— Это ведь ты так думаешь. Назначаешь правила, угрожаешь, запугиваешь. Это ты играешь.

Он снова нахмурился, внимательно глядя в мои глаза, подмечая малейшее изменение в них.

— Ты притворяешься, — сказал Кристиан, и я постаралась не отшатнуться. Внутри все заледенело, страх моментально выстудил искру вспыхнувшего интереса.

Почему он так уверен? Это чутье или что-то иное? А вдруг народные байки не врут — и феверы читают чужие мысли?

— Я просто не знаю, как с тобой себя вести, — пробормотала я, отбрасывая страх. — Ты ждешь от меня худшего.

— Я жду этого, потому что порок — твоя натура.

— Ты меня не знаешь! — вскинулась я. — Я давно не восьмилетняя девочка, брат! Ты судишь обо мне по прошлому, газетным сплетням и рассказам случайных знакомых! Так поступают лишь глупцы!

— Брат... — он прищурился. — Это слово в твоих устах звучит оскорблением.

— Потому что ты хочешь слышать оскорбления, — слегка устало бросила я. — Ты хочешь видеть только плохое. Ну и склирз с тобой, думай, что хочешь. Я лишь хотела...

— Давно ты бегаешь? — не меняя тона, спросил Кристиан.

— Давно, — ляпнула я и осеклась. Вот же змей! Подловил почти... И поправилась: — Год. Начала в Орвине. И неожиданно мне это понравилось.

— Вот как... Похоже, у тебя талант. Ты действительно быстрая.

— Это что же — похвала? — совершенно искренне изумилась я, и Кристиан сухо улыбнулся.

И сказал вкрадчиво:

— Хороший брат. Я выполняю твоё желание.

И отвернувшись, подобрал кружку и пошел обратно к колодцу.

Я же незаметно перевела дух. Общение с «братом» выматывало посильнее пробежки. Может, и хорошо, что у меня никогда не было родственников!

* * *

Назад мы возвращались быстрым шагом и молча. Возле дома Кристиан даже придержал для меня дверь, только почему-то это выглядело издевательски и почему-то пугало, а не радовало. И когда парень внезапно достал корзину с продуктами и предложил позавтракать, я перепугалась еще сильнее.

— Завтрак? — пробормотала я.

— Мне, конечно, далеко до кулинарных шедевров, но я вполне способен отварить яйца и заварить чай. Ну так что?

Кристиан рассматривал меня, привалившись плечом к дверному косяку. Я снова улыбнулась.

Кажется, идея помириться была не такой уж и здоровой. Вот же проклятие! Для меня и война с февром плохо, и мир несладок!

Не в силах выносить внимательный взгляд парня, я сбежала в купальню. Повернула вентиль и сунула руки под холодную воду. Высокое зеркало в изящной раме показало мое отражение — слегка растрепанное и немного испуганное. Я задрала нос, пытаюсь снова стать Арденной. Самая большая проблема заключалась

не в том, что я должна притворяться другим человеком. А в том, что я плохо знала, какая она — Ардена Левингстон. Я могла лишь предполагать, как она поведет себя в той или иной ситуации, но эти предположения могли быть и ошибочными. Мы слишком мало общались.

— Все хорошо... Отлично... я справлюсь.

Вытерла руки, пригладила волосы и пошла вниз. Но по дороге вспомнила кое-что и прежде, чем спуститься, заглянула в свою комнату.

На столе уже белели в тарелке яйца, лежал сыр и стояли корзинка с булочками и креманка с вареньем. Я облизнулась, рассматривая это богатство, торопливо уселась напротив февера. И поставила на стол две чашки — подарок вдовы Фитцильям.

— Чай из красивой чашки лечит душу и тело, — выдала я привычную фразу. И постаралась не стушеваться под насмешливым взглядом «брата».

Но он молча налил в чашки чай и одну придвинул себе.

Я же, не выдержав, торопливо почистила яйцо и сунула его в рот, закусив сыром со слезой и сладкой булочкой.

— Вкусно!

— Нравится?

Кристиан не ел, только смотрел то на меня, то на чайники в своей чашке.

— Очень!

— Надо же. В детстве ты терпеть не могла яйца, — бесцветно произнес он, а я чуть не подавилась. Но сумела проглотить и даже изящно промокнула губы льняной салфеткой.

— Когда это было, — беспечно хмыкнула я. — Вкусы меняются. И люди меняются. Ты вот тоже когда-то клялся, что вырастешь и будешь питаться лишь песочными корзинками с ежевичным джемом!

Кристиан моргнул и его взгляд смягчился, перестав напоминать острое стекло. Я же возблагодарила Божественного Привратника и Ардену за этот факт из прошлого Кристиана.

— Джем я люблю по-прежнему, — парень указал на креманку, и уголки его губ слегка приподнялись.

Только расслабилась я рано. Потому что следующий вопрос снова откинул меня на канат над пропастью.

— Ты видела в Орвине голодающих? Или... в Обители... тебя там лишали еды?

— С чего ты взял? — сипло протянула я.

Февр откинулся на спинку стула.

— Просто ответь.

— Я... я знаю, что такое голод, — сквозь зубы процедила я, решив, что лучше не врать. По возможности надо говорить правду. Последний год Ардена провела в Орвинской Обители на морском побережье, в которую ее отправил отец. Видимо, Кристиан сложил с этим фактом мою вчерашнюю реакцию и сделал вывод. Пусть так.

Парень скользнул взглядом по моим узким плечам и ключицам, виднеющимся в вырезе свитера.

— В этом доме всегда будет еда, — тоже сквозь зубы пробормотал он. — А в ресторане и кофейнях на острове ты можешь просто записать счет на имя семьи. Я вчера... погорячился.

— Хороший брат? — подняла я брови.

— Нет, — отрезал он. — Но не настолько плохой. Не настолько.

— Похоже, у тебя вчера был тяжелый день, — я потянулась ко второй булочке, намазала ее маслом и джемом, а потом с наслаждением сунула в рот. — Можешь рассказать мне. Как сестре.

Зрачки Кристиана снова сузились, а взгляд стал неприязненным.

— Одного пари и измененных чашек маловато для того, чтобы я пожелал с тобой хоть чем-то делиться, Ардена!

Он со стуком поставил чашку на стол, и я заметила, что он ни глотка не сделал. Да что это такое?

— О чем ты?

— Эти чашки — душевная пара, — процедил февр. — Люди, пьющие из них, нравятся друг другу. Испытывают теплые эмоции от чаепития и общения. Ты правда думаешь, что я напьюсь из этой волшебной чашки и забуду прошлое? Расскажу тебе все свои тайны? Кто здесь глуп... Иви?

— Душевная пара? — изумленно воскликнула я. — Но я не знала! Это просто подарок одной старой женщины! И мне просто нравятся эти чашки!

Я подняла свою, всматриваясь в тонкий узор из колокольчиков и незабудок. О душевных парах я слышала, но они стоили очень дорого. Похоже, вдова Фитцильям и правда сделала мне невероятный подарок.

Грусть окутала меня ватным одеялом — колючим, но теплым. И захотелось оказаться в старом книжном магазинчике, где пахло бумагой, древесинной и немного — плесенью. Снова услышать голос госпожи Фитцильям и заняться привычными и понятными делами.

А не сидеть здесь, пытаюсь быть кем-то другим.

— Это просто чашки. И просто чай. А я просто надеялась, что нам удастся жить мирно. Но знаешь что, Кристиан... Спасибо за завтрак!

Швырнула салфетку на стол и вскочила. Парень резко шагнул в сторону, преграждая мне выход.

— Уйди с дороги! — рявкнула я.

— Вот сейчас я почти тебя узнаю, — пробормотал Кристиан, и я снова похолодела.

И неожиданно брякнула:

— Какие Дары ты получил от Двери?

Кристиан отступил и внезапно расслабился.

— Да, все та же Ардена, — насмешливо протянул он. — Никаких понятий о приличиях. Лишь собственные желания и интересы, ведь так? Для этого ты притащила измененные чашки?

Я развернулась и гордо двинулась к лестнице, вспомнив, что спрашивать подобное и правда признак дурного тона. Неприлично интересоваться количеством любовных связей или монетами в чужом кармане. А еще — чужими Дарами. Но в моей жизни не было людей, побывавших в Двериндариуме, так что я просто забыла об этом правиле. Но как оказалось, это сыграло мне на руку. Хоть в чем-то повезло!

Не оборачиваясь, хотя и тянуло, я вернулась в свою комнату. Осеннее солнце уже золотило окно, так что самое время собираться на свой первый урок в Двериндариуме.

* * *

Я погладил пальцем выпуклый узор на чашке. Незабудки и колокольчики, ну надо же. Вот же дерьмо!

Эмоции имеют запах. Хотелось бы сказать — аромат, но увы, это не так. Чаще всего эмоции людей просто воняют. Я задрал рукав свитера и защелкнул широкий кожаный браслет с серебряными нашлепками, замыкая свой Дар. Чаще всего я предпочитал не ощущать чужие эмоции.

Снова повертел в руках чашку с остывшим чаем, который так и не попробовал.

Эмоции. У моей сестры они занятные. Страх. Его больше всего. Ее страх горчит, но не пахнет разложением, лишь нотами осенней листвы. Это страх без агрессии, страх беспомощности. Странно. Неужели

Ардена настолько боится меня? Хотя чему я удивляюсь. Она считает меня чудовищем.

Вторая яркая нота — растерянность. Что ж, это вполне объяснимо. Хотя и забавно ощущать ее у той, что всегда считала себя лучше других.

Дальше любопытство — запах кошачьей мяты — которое ставит меня в тупик. И... интерес. Она пахнет им, когда смотрит на меня. И это запах ежевики. Это раздражает. Неужели ей правда интересно говорить со мной? Слушать? Я бы мог ошибиться в языке ее тела, и даже во взгляде, но запах не врет. И это сбивает с толка. Страх и интерес обычно плохо уживаются рядом, но в Ардене они вполне гармоничны.

И... несоответствие. Я ощущаю его постоянно. Фальшь. Игра. Она врет. В том, что хочет мира? В том, что изменилась? В чем? Проклятое несоответствие сводит меня с ума. Я не вижу то, что ожидал увидеть.

Захотелось швырнуть чашку в стену, но я осторожно поставил ее на стол. Когда Ардена говорила о том, что это подарок и что она не знала о свойствах чашек, я четко ощутил печаль и сожаление. Это тоже удивило.

Но самое странное другое, то, чему я никак не могу найти объяснения. Я не ощущаю главной ноты, той, которая непременно должна быть в Ардене. Резкий, гнилостный запах ненависти. Я уже ощущал его от других людей, эта вонь просто сбивает с ног. Но в сестре его нет. Почему? Почему сестра не испытывает ко мне эту эмоцию? В чем подвох? Лишь ежевика, кошачья мята и осенние листья. Проклятая притворщица! Как она это делает? Может, на Ардене какая-то защита? Но я смотрел внимательно, пытаюсь увидеть на ее теле амулет или измененный камень. И тоже ничего не нашел, что за проделки хитрозадого змея? На ней даже нет украшений!

Снова погладил фарфоровые незабудки и усмехнулся. Душевная пара для карателя? Можно

сдохнуть от смеха! Похоже, моя сестренка не понимает, с кем имеет дело.

Ладно, пусть и дальше не понимает, мне это на руку.

Но у нее точно есть защита. Может, ножной браслет? Или цепочка с камнем на талии? Возле конюшен я ощутил слабое колебание пространственного полотна, так действуют амулеты или метки изменения. Амулет был на Ардене, значит, надо его найти и убрать. Я должен знать все, что скрывает моя дорогая сестра. Ее тайны слишком дорого обходятся семье.

Прикрыл глаза, восстанавливая мысленный образ и внося в него мельчайшие подробности. Тонкая фигура. Выглядит совсем юной. И... голодной. Взгляд дерзкий и растерянный одновременно. Иногда сутулится, когда считает, что я не вижу. Дергает себя за волосы, словно они ей мешают. Часто хмурится. Мерзнет. Растирает ладони. На большом пальце левой руки короткий шрам, где она его получила? Испытывает яркое наслаждение от еды. Пожалуй, даже слишком яркое... Быстро бегают и ей это нравится. Красивая.

На последнем поморщился. Похождения Ардены чуть не свели отца в могилу. Ее последняя интрижка была с каким-то мерзавцем, который угрожал обнародовать пикантную переписку с госпожой Левингстон. Я читал ее послания и до сих пор поражаюсь извращенной порочности ее натуры. Если бы эти откровения попали в газеты... Скрипнул зубами, представив последствия. Неприятности пришлось улаживать крупной суммой и вмешательством февров. Шантажисту стерли память, а саму Ардену отправили в Орвинскую Обитель, надеясь, что хоть там она наберется ума. Этот монастырь на побережье славился строгостью нравов и умением укрощать самые

норовистые характеры. Но я не знал, что там морят голодом.

Я скрипнул зубами, снова вспоминая выступающие ключицы и тонкую шею сестры. Проклятье! Ее можно сломать двумя пальцами! Вспомнил узкую талию и бедра в тренировочных штанах. И искренний ужас, когда я сказал, что выкинул продукты. Ужас воняет прокисшим вином — гадко.

А Орвинская Обитель — была моей идеей.

«Ты должен о ней позаботиться. Я знаю, что для тебя это будет непросто, Стит. Но ты должен», — прозвучал в голове усталый голос отца.

И снова захотелось что-нибудь разбить, но, конечно, я этого не сделал. Встал и начал убирать со стола. Вымыл чашки, протер стол. Аккуратно сложил оставшиеся продукты в шкаф.

И все это, прислушиваясь к легким шагам на втором этаже.

Более чем непросто, отец.

Почти невозможно.

ГЛАВА 8. Первый урок

В своей комнате я переоделась в форму и переплела волосы. Вытащила спрятанный мешочек с монетами, пересчитала. Все на месте — целая сотня рвитов, настоящее богатство для меня! Да еще и можно записать любой долг на счет семьи — живи да радуйся!

Я сунула мешочек обратно в тайник за кроватью, решив пока повременить с тратами. Все же распоряжаться чужими деньгами было боязно.

Глянула на часы — время двигаться в замок.

Когда я спустилась вниз, Кристиан уже ждал в форме февров, от которой у меня снова мороз пробежал по коже. Да уж, черный мундир братца точно не даст мне забыться и насладиться пребыванием на острове! Крис окинул меня быстрым взглядом.

— Тебе идет.

Я презрительно фыркнула, хотя внутри почему-то стало теплее.

— Я провожу тебя на уроки. К тому же, нам по пути.

— Ты тоже еще учишься? Ты ведь уже февр! — не сдержала я любопытства.

Легкая улыбка коснулась красивых губ парня.

— Феврам надо знать в десятки раз больше, чем обычным шейдам.

— Шейд? Это тот, кто открывал Дверь, но не стал двери-асом или февром, так?

— Так.

— И когда я стану хотя бы шейдом?

Кристиан повернулся к выходу.

— Скоро. Если успеешь подготовиться, конечно. А теперь хватит болтать и иди за мной, наставник Бладвин не любит опоздавших, запомни, Иви.

— У меня хорошая память, Кристиан, — с любезной улыбкой ответила я и заслужила недовольный взгляд. Но лишь повыше задрала подбородок, натянула перчатки и вышла на улицу.

Солнце уже пригревало остров, прогнав ночное ненастье и страх. Сейчас Двериндариум выглядел мирным и совершенно безопасным. Шустрые работники уже убирали последствия стихии — мусор и сломанные ветки, проверяли уличные фонари и приветливо кивали проходящим. Помимо нас из домов показались и другие учащиеся. Я увидела несколько парней, с любопытством глазеющих в мою сторону, и миловидную девушку. Но вредный Кристиан шел так быстро, что задержаться и перекинуться с кем-то хоть словом не было ни малейшей возможности. Сам он лишь раз кивнул хмурому мужчине в форме февра, а всех остальных просто проигнорировал.

Нырнув под арку, оплетенную красными лозами вьюнка и дикой розы, мы оказались на внутренней площади Вестхольда. Здесь уже толпился народ, поднимаясь по черным ступеням ко входу. Я запрокинула голову, мысленно приветствуя эту черную громадину и всех его каменных чудовищ во главе с Дзуликим Змеем. И снова поразила, что главный оплот силы украшает изображение лицемерного бога, которого выбрали своим символом преступники и отщепенцы. Разве не должен на фасаде Вестхольда сиять лик Божественного Привратника, давшего людям возможность сравниться с богами? Он открыл нам Дверь с ее Дарами, и именно он должен приветствовать у этих стен своим каменным изображением.

Но стоило мне войти в огромный зал Вестхольда, как мои размышления оборвались. Под высоченным потолком нас встречало мраморное изваяние того, о ком я только что думала. Люстра с тысячью огней освещала статую потоком белого света. Я всмотрелась в

знакомую с детства фигуру. Тело Привратника скрывала мантия, лицо пряталось под капюшоном. Мягкие фалды стекали вниз, создавая ощущение невесомости и легкости. Обнаженные ладони — единственные части тела не скрытые тканью, складывались в замысловатый знак. Несомненно, эту статую сделал не просто искусный мастер, а величайший двери-ас. Потому что фигура из белого камня жила и дышала. Казалось — всмотришься чуть дольше, и мраморное изваяние сделает шаг навстречу. Покажется из-под тяжелого бархатного одеяния голая стопа. А после Привратник расцепит пальцы и откинёт с лица капюшон. И я увижу его лицо. Каким оно будет? Старым или молодым? Невероятно красивым или совершенно обыкновенным? А может, и вовсе безобразным? Никто не знает, как выглядел тот человек, что первым обнаружил Дверь и сумел получить ее Дар. Хроники сохранили лишь вот это изображение, выполненное в камне. Оно же стало каноническим и после появилось в каждом доме Империи.

Я очнулась, поняв, что уже несколько минут таращусь на изваяние, а Кристиан стоит рядом. И что нас обтекает толпа, потому что я остановилась на проходе!

— А это правда, что пальцы Привратника показывают символический ключ? — повернулась я к февру. — Что если разгадать знак, который он изображает, и найти его, можно будет открыть другие Двери в Мертвомир?

Кристиан приблизился, потому что со всех сторон шли ученики, а мы мешали движению. И я снова почувствовала тепло его тела.

— Это лишь легенда, Иви, — усмехнулся «брат». — За сотни лет никто не нашел ключ. Знаешь, почему?

— Почему? — мое дыхание сбилось. Может, в ожидании страшной тайны. А может, от того, что Крис

наклонился, и черная прядь его волос коснулась моей щеки.

— Потому что ключа не существует, — усмехнулся он и сделал шаг назад.

— Наверняка, просто искали не там, недотепы, — фыркнула я.

— Ну конечно, — снисходительно произнес «брат». — Мертвомир раскроет тебе все свои секреты, стоит тебе лишь пожелать. Ты ведь сама Иви-Арденa Левингстон!

— Так и будет!

— Жду не дождусь, — издевательски склонил голову Кристиан. — Твой урок на втором этаже, зеленая дверь. И не забывай о правилах, Иви. Я их не отменял.

Резко развернувшись, фебр растворился в толпе. Я удержала желание плюнуть ему в след и отправилась искать указанную дверь.

Признаться, предстоящий урок не вызывал у меня добрых чувств. В приюте, пытаясь вбить в наши пустые головы крохи знаний, всех «выкормышей» сгоняли в плохо освещенное и холодное помещение, где стояли грубо сколоченные столы и лавки. В ученической пахло плесенью и копотью светильников, а на лице наставника всегда были непонимание и досада. Он явно недоумевал, для чего вообще эти никчемные попытки хоть чему-то нас научить. Азы счета, письма и грамоты подкреплялись активными ударами хлесткого прута по спинам и пальцам нерадивых учеников. Сами приютские считали чтение книг делом недостойным и даже позорным, так что никто не торопился овладеть сложной наукой.

Мне повезло попасть после распределения к вдове Фитцильям, которая сумела изменить мое мнение о книгах. Но на урок я все равно шла с опаской. Паника перед разоблачением смешивалась с детским страхом перед обучением.

Стиснув зубы, я толкнула зеленую дверь с надписью «Лекторная», вошла и осмотрелась.

Эта комната не имела ничего общего с ученической приюта. Здесь были высокие и узкие окна, верхнюю часть которых украшали цветные стеклышки, создавая розовато-оранжевое освещение. Панели из красных и белых лакированных дощечек покрывали стены, а в промежутках темнел черный камень Вестхолда и дорогие шелковые панно с изображением пейзажей и битв. Изящные настенные светильники рассыпали белые искры огня.

Здесь были красивые столы с резными ножками, удобные стулья с бархатными спинками и коваными подставками для ног, и дорогие писчие наборы на столешницах. Я осторожно взяла в руки хрустальное перо. Внутри граней рассыпала искры золотая замочная скважина. Это дорожущее перо не имело ничего общего с обыкновенным гусиным или дешевой деревянной палочкой, которая рвет бумагу. И к которой привыкли мои пальцы.

Украдкой я погладила бювар и замшевые обложки своих тетрадей. Изумительно!

Но что особенно поразило меня в этой лекторной — резной столик, на котором разместились хрустальный графин с водой, вазы с орехами и сухофруктами и корзинка спелых яблок. Их сочный осенний аромат дразнил обоняние, и я с трудом удержалась от желания немедленно схватить фрукт и припрятать на будущее. Что ж, кажется, обучение в Двериндариуме — это действительно нечто невероятное!

На невысоком подиуме находилась меловая доска и стол пока отсутствующего учителя. Я окинула быстрым взглядом учеников, всего их было около двух десятков. Почти все места уже оказались заняты, за первым столом я увидела Итана, но лишь холодно кивнула на его приветливую улыбку.

Радость парня резко убавилась, он смутился и огорченно сел на свой стул. В добродушных глазах, осененных длинными ресницами, явно читалась растерянность. Я устроилась у окна и осмотрелась. Слева от Итана, склонившись над листами бумаги, сидела девушка. Лица я не рассмотрела, лишь пушистую каштановую косу и завитки волос, прячущие профиль. Справа ссутулился мрачный темноволосый парень. По сторонам он не смотрел, таращился на свои огромные руки, словно не понимал, куда их деть. На меня он глянул лишь раз, и я успела увидеть черные вороны глаза, в которых затаилась злость. Парень явно нервничал. Он кусал губы, отчего они покраснели и покрылись коркой. Жесткая форма, кажется, ему мешала, словно он привык к свободной рубаше лесоруба. Парень был не похож на богача. Слишком нервный и дерганый, да и волосы острижены слишком коротко.

Во втором ряду расположились северяне — брат и сестра. Их схожесть была столь явной, а внешность столь удивительной, что на них косились все, хоть и пытались скрыть свой интерес. Я тоже не удержалась, все же в Империи мало истинных бесцветных, проживающих на далеком Колючем Архипелаге — северной границе наших земель. У близнецов была одинаковая белоснежная кожа и такие же, абсолютно лишенные цвета волосы. Даже их бровям не досталось ни единой капли цвета. Лишь радужки радовали красноватыми отблесками, жутковатыми на фоне метельных ресниц. Темно-зеленая форма девушки и темно-синяя парня казались слишком яркими на фоне этой абсолютной снежности. Спины обоих были выпрямлены до хруста, а взгляды кололи морозом их родины. Длинные волосы обоих были уложены в сложные прически со множеством косичек, связанных между собой. И украшены яркими красными камнями.

Такие же сверкали в брошах, многочисленных кольцах и ожерельях. Я не разбиралась в самоцветах, но и приютскому выкормышу ясно, что такое богатство могут позволить себе лишь лорды севера. Похоже, обучаться со мной будут знатные пташки. Не могу сказать, что рада и такому соседству.

Сразу за близнецами вольготно расположился светловолосый красавчик. Этот парень рассматривал всех с ухмылкой, на его лице застыло выражение веселой снисходительности. Поймав мой взгляд, он подмигнул и широко улыбнулся.

Я ответила поджатыми губами и отвернулась, давая понять, что его поведение недостойно. Но в ответ услышала лишь смех.

Рассмотреть остальных я не успела, так как внутренняя дверь резко распахнулась, впуская молодого мужчину в белой мантии. Мы жадно уставились на учителя, который откроет нам тайны Двериндариума. Мужественное лицо с крупным, орлиным носом, глубоко посаженные серые глаза и почти такого же цвета волосы. Наставник окинул нас строгим взглядом, и все притихли.

— Итак, все в сборе. Начнем. Мое имя — наставник Люкас Бладвин, я преподаю «Науку о Дарах». Это теоретическая часть знаний, необходимых вам, чтобы успешно открыть Дверь и получить Дар. Практикой займутся иные наставники. Все ученики, приезжающие на Остров, прежде всего попадают ко мне. Я видел уже тысячи лиц, так что можете не сомневаться — вы в надежных руках.

На лице наставника появилась усмешка, когда он заметил удивление в наших глазах.

— И ваш невысказанный вопрос я тоже знаю наперед. Вы думаете: не слишком ли молод наставник, чтобы говорить об опыте. Что ж, сразу развею ваши сомнения. Таким, — он указал на свою лицо, — я

выглядел почти пятьдесят лет назад, когда впервые открыл Дверь.

Лицо наставника вдруг сморщилось и поплыло, словно на него плеснули жидким тестом. А потом застыло, явив лицо старика.

Мы дружно ахнули, а наставник хмыкнул и снова стал молодым.

— Дверь даровала вам вечную молодость? — с придыханием произнесла девушка с косой. И я увидела ее профиль — некрасивый, большеносый.

— Нет, Сильвия. Лишь возможность возвращать свою внешность в ту временную точку, когда я открыл Дверь. Я могу выглядеть двадцатилетним, если хочу этого. Как вы понимаете, я хочу.

Ученики рассмеялись, даже бесцветные близнецы изобразили снисходительные улыбки.

— Итак, поговорим о Дарах Двери. Именно ради них мы все тут собрались, не так ли?

Снова легкие смешки. Что ж, наставник умел располагать к себе слушателей. Ученики расслабились и даже хмурый лесоруб, кажется, успокоился.

— Я не буду рассказывать вам о том, что Дверь в Мертвомир является величайшим достоянием нашей Империи. С этим богатством не сравнятся ни алые рубины севера, ни золотые жилы юга, ни пряные оазисы пустыни или поющие тростники долин. Благодаря Двери и феврам Империя приобрела неоспоримую мощь и смогла соединить сотни разрозненных королевств, став единой и неделимой страной. Дверь и ее Дары — это власть и сила. Разные Дары, очень разные...

Я подалась вперед, почти забыв, что не одна в этой лекторной. От предвкушения тайн мурашки побежали по коже.

— Дары бывают как чрезвычайно полезными и нужными, так и странными, и даже опасными. Порой они удивляют, порой пугают. Всех о-даренных вносят в

каталог Белого Архива, подробно описывают исходные данные и те способности, которые получил человек. На протяжении столетий мы изучаем Дары и смогли составить их реестр. Большинство Даров повторяются, и мы вывели закономерности, позволяющие их получить. Скажу честно — правила работают не всегда, но вам стоит их изучить, чтобы не попасть впросак и не получить пустышку. Так мы называем нулевое открытие Двери, бесполезное. Можно пройти сквозь Дверь, но вернуться без Дара. К сожалению.

— И как часто такое случается? — переглянулись бесцветные близнецы.

Наставник поморщился.

— Я не занимаюсь такими исследованиями, — ушел он от ответа. — Чем лучше вы изучите теорию и овладеете практикой, тем больше у вас будет шансов, господа. Итак, Дары. Порой они полезны. Все мы знаем об ускорителях. Этот Дар используется в земледелии и садоводстве, чтобы влиять на рост растений. Используется в двигателях наших мехомобилей. Иногда его применяют и на людях, наверняка, наши милые девушки слышали об умельцах, ускоряющих рост волос или ногтей. Так что это очень полезный Дар!

Я хмыкнула — ну да, а кто-то даже испытал это умение на себе!

— Второй пример полезного Дара — пустота. Такие мастера создают пространственную пустоту, которую потом успешно размещают в домах или сумках, создавая необходимый карман для хранения вещей. Есть мастера-создатели, к которым относят всех дверисов, способных творить. Художники, музыканты, скульпторы, ювелиры, портные и камнетесы — их творения наполнены особой силой. Они дарят эмоции: радость, счастье, интерес, вдохновляют и успокаивают. В качестве примера могу привести всем известные душевные чашки, кольца любви или статую

Божественного Привратника в главном зале. Ее сделал первый творец, получивший Дар, ученик самого привратника и его друг. Порой люди получают Дары необычные. Например, десять лет назад один господин получил странную способность обращать камень в тарелку.

— Только в тарелку? — заинтересовался Итан.

— Только в тарелку. Все камни в его руках становились тарелками. Совершенно одинаковыми по размеру и форме, с крошечной щербинкой на краю. И что только не делал о-даренный. Менял камни и породу, погружался в воду, висел вверх ногами, надеясь извлечь хоть что-то иное. Бесполезно! Тарелки. Только тарелки.

Наставник подмигнул.

— Вы, наверняка, слышали о мануфактуре Велайс. А возможно, тарелки этого предприимчивого господина даже есть в вашем доме. Господин Велайс открыл Дверь лишь раз и смог очень выгодно распорядиться своим Даром. Правда, не все способности столь приятны.

Наставник помолчал.

— Дары бывают и опасными, и губительными. Ведь порой человек получает не умение, а знания... Я видел девушку, которая узнала, сколько звезд на небе, и не вынесла этого знания, ее разум сломался. А Харди Дэфф получил знание имен живых и мертвых. Всех живых и мертвых на земле. От Ледяного Предела до Пустоши. И каждый день его Дар мучает Харди, давая все новые и новые сведения о родившихся и умерших.

Я вздрогнула, представив себе такую ношу, б-р-р... Надо молиться Привратнику, чтобы уберечь от подобных подарков!

Бесцветный северянин небрежно махнул рукой, привлекая к себе внимание.

— Но разве Двериндариум не научился запирать ненужные способности? Разве ваши мастера не делают закрывающие браслеты?

— К сожалению, не все Дары можно запереть браслетом, лорд Аскелан, — с легким недовольством произнес наставник Бладвин. — Не все.

И улыбнулся, словно показывая — уж вам-то точно нечего бояться, с вами подобного не случится.

Но серые и старые глаза на молодом лице остались холодными.

А я неожиданно для себя подняла руку.

— Наставник Бладвин, а что стало с этим господином? Который знает имена живых и мертвых?

— О, вы с ним познакомитесь, госпожа Левингстон. Он служит архивариусом в Черном Архиве Двериндариума. Правда, он несколько... своеобразен. Но это можно понять, не так ли? Но все, что я сейчас рассказал — лишь малая кроха удивительных знаний о Дарах и Двериндариуме. Вам предстоит узнать гораздо больше. Но прежде мы приступим к очень важному этапу, господа. Лишь после него начнется ваше настоящее обучение.

— И что же это? — вскинулся мрачный парень.

— Печать, — с усмешкой протянул наставник. — Печать, после которой никто из вас не сможет рассказать о тайнах Двериндариума.

Не успела я испугаться, как наставник вытащил каменную шкатулку, торжественно откинул крышку и мы, вытянув шеи, увидели внутри осколок камня.

— Итак, кто будет первым? — Люкас Бладвин осмотрел притихших учеников. — Может, вы, лорд Аскелан? Лордам Колючих Земель неведом страх, как утверждают легенды.

В словах молодого старика прозвучала явная насмешка, и бесцветные близнецы вскинулись, переглянулись. Красноты в их пугающих глазах стало

больше. Парень поднялся и решительно шагнул к столу преподавателя.

— Легенды не врут, наставник Бладвин, — высокомерно произнес он. — Север закаляет наши характеры и замораживает страхи. Я знаю слова клятвы, можете не утруждать себя повторением. — Он оттянул рукав формы и шелковой рубашки, показав белоснежное запястье, проговорил четко: — Я, лорд Киар Аскелан, прямой потомок Эйва-Завоевателя, подданный Империи и Колючего Архипелага, даю клятву неразглашения и молчания. Все, что имеет отношение к Двериндариуму и тайне Двери, отныне останется со мной, каким бы мукам меня не подвергли.

И решительно положил ладонь на камень. Ученики привстали, пытаюсь понять, что происходит. Бесцветный лорд резко сжал зубы, в его глазах мелькнула боль. Но длилось это лишь мгновение.

— Клятва принята. Благо Двери, лорд Аскелан, — протянул наставник.

Бесцветный задумчиво глянул на свое запястье и вернулся на место.

Следующей поднялась его сестра — Рейна.

За ней потянулись остальные ученики, кто-то — бодро улыбаясь, кто-то — хмурясь. А кто-то — дрожа, словно заячий хвост, и это была я. Неизвестные свойства камня меня пугали, а ну как за попытку назваться чужим именем в мой лоб прилетит молния?

Но деваться было некуда, пришла и моя очередь. Ожидая худшего, я повторила слова клятвы, пробубнила имя и положила ладонь на булыжник. Пальцы обожгло болью, и на запястье зазолотился полукруг — знак Двериндариума. Он вспыхнул и погас, но я нутром чувствовала — обет связал меня навсегда.

— Клятва принята, госпожа Левингстон, — сказал наставник, потому что я продолжала стоять на подиуме и таращиться на свою руку.

Чуть ли не вприпрыжку я вернулась на свое место и увидела лист бумаги, лежащий на столе.

«Эта форма скрывает слишком многое, Ардена. А жаль...»

Строчки поплыли перед глазами. Я уставилась на белый лист, словно передо мной лежал ядовитый слизняк. Шею закололо — верный признак чужого пристального взгляда. Медленно повернулась и прищурилась. На меня с улыбкой смотрел светловолосый красавчик. В его левой мочке сверкнул зеленый камушек, вторя цвету глаз. Я вспомнила имя, которое он произнес, давая клятву — Альф Нордвиг, третий сын кого-то там и житель столицы. Ну и судя по наглой улыбке — знакомый истинной Ардены, будь она неладна!

Альф поднял бровь и послал мне воздушный поцелуй. Я в ответ демонстративно разорвала его записку и отвернулась, успев увидеть, как парень нахмурился. Но я на него больше не смотрела, сосредоточив внимание на учениках.

Самыми родовитыми, как я и думала, оказались бесцветные близнецы. По значимости рода к ним приближалась темноволосая красавица Каприс-Ливентия Осхар, тот самый Альф-Стефан Нордвиг и... я.

Остальные ученики были попроще. Уже знакомый мне Итан Клейт — сын состоятельных, но неродовитых промышленников, Сильвия Уит — дочь известного кораблестроителя, остальные — дети богатых торговцев и промышленников.

Из общего ряда выбивались лишь двое.

Первая — худенькая девушка, больше похожая на испуганного воробья, Мелания Верес. Красивое имя — единственное, что досталось девушке от погибших родителей. Она выросла в монастыре Святой Ингрид — древней великомученицы, которой поклоняются за Перевалом. Монастырь и отправил девушку в

Двериндариум. На миг я даже испытала что-то вроде уважения к монахам, позаботившимся о сироте.

Вторым был мрачный темноволосый гигант с вороньими глазами. Он оказался безродным жителем Эхверского Ущелья, где в каменных лесах добывали ценную руду. В этих местах проживали шахтеры, туда же ссылали на рудники неугодных и преступников. Темноволосая красавица Ливентия презрительно скривилась, когда парень хрипло пояснил:

— Ринг. Меня зовут Ринг. Только имя, потому что я сын ссыльного. У нас есть только имена.

— Отвратительно, — хмыкнула красавица Ливентия, блестя влажными карими глазами. У нее были изумительно длинные ресницы, в волосах синели лиловые прядки, а шею украшали ряды сапфиров. На нее хотелось любоваться, как на картину, вот только презрение на прекрасном личике портило впечатление.

— Откуда у сына преступника деньги на Двериндариум? Наверняка, они тоже добыты нечестным путем! Наставник Бладвин, вы уверены, что подобное соседство... безопасно для нас?

Ринг на подиуме сжал огромные кулаки, с ненавистью глянул в сторону красавицы, отчего та отшатнулась. Выпрямившись в полный рост, этот парень оказался настоящим гигантом.

Серые старческие глаза наставника внезапно стали острее стекла.

— В Двериндариуме мы все равны, госпожа Осхар. Вам стоит это запомнить прежде, чем вы откроете Дверь в Мертвомир. Потому что там не имеет значения ваш род и ваше богатство. Ничего из этого вы не сможете взять, ступая за Дверь. И ничто из этого вам там не поможет. Садитесь, Ринг. Ваша клятва принята.

От слов наставника в лекторной повисла напряженная тишина. Сильвия — большеносая девушка с пушистой косой — подняла ладонь.

— Вы хотите сказать, что за Дверью опасно, наставник?

— Вы знали это и раньше, — молодой старик обвел взглядом притихших учеников. — Дары надо заслужить. Иногда это бывает непросто. И наша задача вас подготовить. Поэтому возьмите чистый лист и начинайте записывать. Дары делятся на три категории. Дар Умения, Дар Знания и самый удивительный — Дар Преображения. Начнем с Даров Умения. Запишите...

Ученики ожили, придвинули к себе листы и взялись за перья. Скопив глаза, я заметила, что Альф снова меня рассматривает, но сделала вид, что не вижу его настойчивого внимания.

А потом наставник принялся сыпать сведениями, так что мне пришлось забыть обо всем и постараться ничего не упустить.

ГЛАВА 9. Осложнения

Из лекторной я выползала уставшая, словно поле вскопала! Моих навыков письма не хватало, пальцы слишком быстро уставали, запястье ломило, а каракули выходили совершенно нечитаемыми. Иногда я путала буквы, не знала, как пишутся некоторые слова, и жарко краснела от стыда, если рядом останавливался наставник Бладвин и кидал взгляд на мои записи.

Но учитель лишь молча проходил дальше, я выдыхала и торопливо пыталась записать следующее предложение. От усердия несколько раз кусала перо, а потом опомнившись, радовалась, что оно не оставляет пятен, иначе лекторную я покинула бы не только уставшая, но перемазанная чернилами.

Но стило мне вывалиться в коридор, как образовалась новая проблема в виде настойчивого поклонника.

Альф Нордвиг дернул меня за рукав, увлекая за мраморную статую какого-то великого февра, и жарко прижал к себе.

— Я едва выдержал этот скучный урок, Ардена! — выдохнул он, пока я барахталась в его руках. — Ты невероятно похорошела с нашей последней встречи! Какая удача оказаться вместе в этом отстойнике, согласишься? Теперь я начинаю верить, что это проклятое заключение вдали от столицы будет хоть немного занимательным! Ну же, скажи, что рада мне! Да что с тобой?

— Пусти! — я наконец отпихнула парня и уставилась в его удивленное лицо. — Не смей ко мне прикасаться!

— Но почему? — теперь он выглядел уязвленным. — Нам было хорошо вместе, разве не так, крошка?

— Было и сплыло, — буркнула я, делая шаг назад. Но за спиной находилась стена, в которую я и уткнулась. И произнесла осторожно, пытаюсь нащупать почву: — Мы давно не виделись.

— Два года — не срок для любви, — промурлыкал Альф. Сейчас он напоминал сытого зеленоглазого кота, который вдруг обнаружил живую мышь.

Я выдохнула. Два года! Значит, знакомство состоялось до ссылки Ардены в Орвинскую Обитель.

— Ты так неожиданно исчезла, моя дорогая Ардена. Куда ты пропала? Агния утверждала, что ты подхватила смертельную болезнь, стала страшной и некрасивой и потому вынуждена скрываться в глуши. — Парень снисходительно рассмеялся, показывая, что думает об этих женских россказнях. — Думаю, она бы этого хотела. Агния всегда завидовала твоей золотой красоте, милая, — лукаво прошептал он. — Так где ты была?

— Как и утверждала Агния — в глуши, — оборвала я. — И эта глушь сделала меня совершенно иной. Так что советую забыть о прошлом... Альф!

— Разве можно тебя забыть, Ардена? — снова промурлыкал парень, улыбаясь. Зеленый камушек в его ухе подмигнул бликом. — Кажется, ты сама меня соблазняла, разве нет? Я готов снова... поиграть в твою любимую игру. Тем более что здесь больше нечем заняться, скука смертная.

Я мысленно помянула добрым словом наследницу Левингстонов. Ох, не зря отец отправил ее в Орвинскую обитель! Совсем не зря!

— Это в прошлом, больше никаких игр, — процедила я. — Дай пройти!

— Нашла себе более интересный объект? — протянул Альф, прищурившись. — Неужели решила поточить коготки об этого бесцветного лорда? Брось, он совсем не в твоём вкусе! Даже на вид он холоднее мороженой трески!

Я попыталась прошмыгнуть мимо, но наглец уперся рукой в стену, не давая пройти.

— Я сказала — прочь с дороги. Иначе — пожалеешь, — прошипела я.

— Ах, как страшно, крошка. Это новая игра? Ты убегаешь, я догоняю? — рассмеялся Альф, показывая великолепные зубы. — Я предпочитаю поцелуи. Для начала... Ну же, не упрячься...

«Всегда будут те, кто захочет тебя обидеть, мелкая, — вспомнила я слова Ржавчины. — Ты должна научиться убегать. И бить».

Вдох — и я прикидываю шансы. Я встречала таких, как этот Альф. На улицах Лурдена находились желающие «пообщаться» с юной и одинокой приютской девчонкой. Несомненно, те пристава­лы были гораздо беднее моего теперешнего собеседника, не так привлекательны и надушены, да и родовитостью не блистали, но нутро мне было знакомо. Я знала таких, как он. Альф Нордвиг привык получать свое. И не отстанет, что бы я ни говорила. На таких как он, действует лишь один аргумент.

Я быстро глянула за плечо Альфа, но коридор был пуст, ученики уже дошли до лестниц. Холодно оценила парня. Жилистый, крепкий, бесшабашный. Небрежно распахнутая жесткая форма открывает шелковую рубашку с пеной кружев. У горла блестит самоцветами драгоценная булавка. Слишком опасно — может впиться в кадык... Значит...

Выдохнула и резко двинула парню кулаком в живот, одновременно наступив каблуком на ногу. Красавчик согнулся пополам, натужно пытаюсь вдохнуть и вытаращив глаза, которые сейчас напоминали две плоскости. Неопи­суемое выражение изумления на красивом лице подняло мне настроение.

— Уже не так весело? — прошипела я ему в лицо. — Не приближайся ко мне, Альф.

Вытащила из сумки яблоко, которое все-таки стащила из лекторной, откусила.

И оттолкнув парня, выбралась из-за статуи. И тут же споткнулась. Возле узкого окна стоял мрачный гигант Ринг. Его черные вороны глаза внимательно смотрели в мою сторону. И несомненно, с его места была прекрасно видна разыгравшаяся сцена. На миг наши взгляды встретились и сцепились. Так смотрят друг на друга бродячие собаки, столкнувшиеся на узкой тропе. Безмолвно и жестко, решая, кто отступит первым.

Ринг склонил голову набок и хмыкнул.

Я развернулась и пошла к лестнице, размышляя, от кого будет больше проблем. От моего «брата», от обозленного Альфа или от этого странного Ринга?

Ворованное яблоко оказалось червивым, но я все равно его съела, не оставив и огрызка.

* * *

Судя по выданному всем ученикам расписанию, следующий урок состоится на первом этаже, где-то в южном крыле Вестхолда. Древний замок внутри напоминал лабиринт, от хорошо освещенного центрального холла со статуей расходилась сеть узких коридоров, ведущих в неизвестность. Так что я обрадовалась, когда заметила белоснежные волосы бесцветных близнецов. Лорды колючего Архипелага двигались сквозь людей, как две острые льдины сквозь морские воды. Не обращая внимания ни на взгляды, ни на препятствия в виде человеческих тел. Одинаково узкие спины брата и сестры, затянутые в жесткую форму, отличались лишь цветом. Длинные белые волосы и россыпь рубинов в них притягивали внимание. Близнецы двигались уверенно, так что я пристроилась за ними, радуясь, что нашла столь приметных

проводников. И подумала, что надо и впредь держаться ближе к бесцветным, похоже, они знают, что делают.

«Льдины» вывели меня к черной двери, за ней обнаружился просторный зал. Здесь не было ни столов, ни резных подножек, ни шелковых панно. Черные камни стен оказались увешены оружием, в углах громоздились булыжники и горы палок. Несомненно, это была тренировочная, и похоже, на этом уроке перья и бумага нам не понадобятся.

Здесь же уже собрались знакомые мне ученики. К моему удивлению, Ринг оказался в зале раньше меня и уже подпирал могучим плечом черную колонну зала. А я ведь считала, что Ринг остался за спиной, однако тренировочную он нашел раньше. Впрочем, неудивительно. Если парень вырос в Эхверском Ущелье — лабиринтами и темными ходами его точно не удивить. В мою сторону сын каторжника не посмотрел, но я не знала, стоит ли этому радоваться.

Альф вошел последним и двинулся в мою сторону, расталкивая всех, кто попадался на его пути. Я благоразумно переместилась подальше, и неизвестно, чем бы закончились наши догонялки, но в тренировочном зале появился наставник. И все головы повернулись в его сторону.

Моя — тоже.

Но Кристиан лишь скользнул по мне взглядом и отвернулся.

Вместо жесткой формы февра на нем была ее легкая копия — свободные штаны и мундир-халат из мягкой ткани, не стесняющий движения и снабженный поясом. Обuvi не было, как и оружия. Впрочем, его хватало на стенах вокруг нас.

Кристиан наклонил голову в приветствии.

— Я — февр Стит, и с сегодняшнего дня ваш наставник по практическим занятиям.

Я сдержала улыбку. Ну, хвала Привратнику, хоть буду знать, как зовут брата!

— Именно я отвечаю за вашу боевую подготовку. Сегодня я проверю, насколько каждый из вас готов открыть Дверь.

— Я могу сделать это прямо сейчас! Я готов и прошу вас, февр Стит, подтвердить это. Защищайтесь, — шагнул вперед Киар Аскелан. Еще шаг — и сбросил мундир формы, оставшись лишь в брюках и рубашке. А после сорвал со стены двойные клинки идар. Два узких лезвия сверкнули, рукояти слабо засветились.

Мелания Верес тихо ахнула, парни напряглись.

Я замороженно уставилась на два лезвия в руках бесцветного. Про идары знаю даже я, в приюте мальчишки бредили этим оружием. Я помню, как в детстве мы дрались на палках, воображая, что в наших руках легендарные обоюдоострые мечи. На самом деле, вживую я их даже не видела. Идары — оружие аристократов, говорят, что рукоять из рога морского чудовища светится, признавая старший род, и лишь такому воину подчиняются идары. И сейчас мы все видели слабое свечение, охватившее рукоять и запястья северного лорда. Свет погас, но связка с оружием уже состоялась.

Лицо Кристиана осталось бесстрастным, словно вызов бесцветного его даже не удивил. Он неторопливо снял со стены вторую пару клинков, и слабое сияние связало его руки с оружием.

Лорд Аскелан атаковал первым. Стремительно и четко, норовя выбить клинки из рук Кристиана. Но тот легко уклонился, левой рукой обводя вокруг лезвия противника, правой — атакуя. Мы все затаили дыхание, глядя на поединок. Февр и бесцветный лорд казались полными противоположностями. Темноволосый, смуглый и голубоглазый Крис против беловолосого и красноглазого Киара. Оба высокие и хорошо

сложенные, но северный лорд кажется более худощавым и гибким. И нападает он чаще, в то время как Кристиан пока лишь спокойно сдерживает атаку, не переходя в наступление. Но одно было точно. Оба парня являлись искуснейшими воинами. Идары в их руках пели свою смертельную песню, а движения сильных тел завораживали.

Все взгляды сейчас были прикованы лишь к этим двоим. Даже Альф забыл про меня и напряженно следил за поединком. У девушек были приоткрыты рты и округлены глаза, кажется, Ливентия и вовсе не могла дышать, жадно рассматривая парней.

И я ее понимала. Мне казалось, что я вижу танец двух хищников или смертоносных кобр. Это было слишком опасно и слишком красиво, чтобы не любоваться. И я смотрела. На... Кристиана. На его движения, темные вьющиеся волосы, яркие глаза. На крепкие запястья и пальцы, обхватывающие рукояти клинков. На мужское тело — гибкое, сильное, совершенное. Я пялилась совершенно откровенно, жадно подмечая каждую деталь. Двигающиеся под шелком мышцы, напряженную шею, стойки, удары, выпады. Мне хотелось влезть ему под кожу, чтобы научиться тому, что умел он! Я смотрела и не могла удержать восхищения. Хотела бы я так сражаться! Так двигаться, так владеть своим телом! Божественный Привратник! Никто и никогда не посмел бы меня обидеть, если бы я умела так биться! Мне даже дышать стало нечем, глядя на Кристиана.

В приюте дрались постоянно, но те схватки были обычными грязными потасовками и заканчивались расквашенными носами и кровавыми плевками. В них не было ни красоты, ни притягательности. Я много раз видела, как дерется Ржавчина. Видела, как двигается его тело — напористо и грубо. Но Кристиан... Это было нечто совершенно иное. Он был иным. Я не знала, дело

в его Дарах или же в нем самом, но при взгляде на него внутри рождалось что-то новое. Странное.

В какой-то момент лорд Аскелан бросился вперед с удвоенной яростью, пытаясь сокрушить противника. И показалось, что у него получится. Что блестящие обоюдоострые клинки войдут в тело Кристиана, распорют его сверху донизу. Кто-то вскрикнул, кажется, Ливентия...

Я же просто застыла, давя в себе безотчетное желание броситься вперед. И вдруг Крис посмотрел в мою сторону. Лишь на миг. На столь краткий миг, что его след на часах мироздания был бы ничтожным, словно пыльца. И все же мне его хватило. Чтобы понять — февр лишь играет. Что он даже не вспотел, сдерживая яростные атаки северного лорда. И стоило мне это понять, Кристиан сделал что-то невероятное. Его левая и правая рука словно принадлежали разным телам и действовали совершенно независимо друг от друга. Молниеносное обманное движение левой, атака правой, и клинки лорда Аскелана выбиты из рук. А сам Киар ошеломленно смотрит на февра.

Парни взорвались одобрителными хлопками, девушки выдохнули. Рейна хмурилась, но выглядела удивленной.

Кристиан сделал шаг назад и склонил голову, признавая мастерство соперника.

— Я слышан о вашем умении, лорд Аскелан, — с улыбкой проговорил он. — И слухи не врут. Вероятно, вы один из самых искусных мечников Империи.

— И все же именно мои идары валяются на полу! — возразил бесцветный. Белоснежные пряди выбились из тугой косы, а на бледных щеках даже появился румянец. Глаза отливали багровым, и выглядело это жутковато.

— Самый искусный среди людей, — поправил Кристиан. — Не среди февров.

— Так дайте разрешение открыть Дверь, чтобы я скорее стал им! — процедил Киар. — Меня не страшит Мертвомир, вы видели, на что я способен с оружием в руках!

Кристиан протер идары мягкой тряпочкой и вернул на стену. Повернулся к нам.

— Проблема в том, что в Мертвомир вы войдете без оружия, лорд.

— Что?

— Мы пойдем за Дверь с голыми руками? — возмутилась Рейна. — Я не войду без моего кинжала!

На лице Кристиана мелькнула странная улыбка. Я нахмурилась, пытаюсь понять, в чем дело. Подвох. Во всем этом точно был какой-то подвох! Вот только нам не собирались о нем говорить! И это нравилось мне все меньше.

— В Мертвомир вы войдете с пустыми руками, — подтвердил Кристиан. — И сможете рассчитывать лишь на силу и ловкость своего тела.

— Мне это подходит, — ухмыльнулся гигант Ринг, сжимая огромные кулаки.

Я содрогнулась. Склирз ползучий, да он может раздавить человеческую голову, не прилагая особых усилий! Жуть!

— Для начала я должен понять, на что каждый из вас способен, — Кристиан заложил руки за спину, осматривая притихших учеников. — Прошу вас снять верхние мундиры. В следующий раз для тренировки вам выдадут форму, похожую на мою. Сегодня я лишь проверю ваши возможности.

Я пожала плечами и расстегнула жесткую ткань. В Двериндариуме и парни, и девушки были одеты одинаково. Узкие брюки, заправленные в сапоги, рубашки и сверху — мундир зеленого или синего цвета. Он походил на платье до колен и отлично скрывал формы. Но сейчас мы разоблачились, ощущая себя

моллюсками, оставшимися без жесткого панциря. Мелания покраснела и топталась на месте, испуганно пряча глаза. Рейна стояла, по обыкновению гордо выпрямив спину. Впрочем, смущаться ей было нечего, ее фигура была такой же гибкой и ладной, как и у брата. Ливентия на миг закусил губу, но тоже сняла мундир, и Ринг уставился на ее пышную грудь, обтянутую белым шелком рубашки.

— Не смей на меня глазеть, отребье, — прошипела красавица.

Ринг отшатнулся, восхищение ушло из его темных глаз, и они снова стали злыми. Он молча отвернулся.

Я ощущала мужские взгляды и на своем теле, но меня они совершенно не трогали. Равнодушно пройдя мимо парней, я встала в круг.

Нас выстроили парами, лицом друг к другу.

— Атакующий и защитник, — пояснил Кристиан, двигаясь внутри круга. — Первый пытается ударить, второй блокирует. По моему сигналу пара меняется. Начали!

Я подавила веселье. Ну вот! А я врезала Альфу тайком, знала бы, что мы будем делать это по приказу наставника, дождалась бы тренировки!

Напротив меня встала Мелания.

— Ты атакуешь, — подсказала я, потому что девушка бледнела, краснела и ничего не делала. — Давай же, ударь меня.

— Я не могу, — с отчаянием прошептала она.

— Еще как можешь! Давай, просто сожми кулак и врежь мне!

— Нет! — в глазах Мелании отразился такой ужас, что, казалось, она сейчас грохнется в обморок. — Я послушница Святой Ингрид! Мы против насилия! Я не могу ударить... живое существо!

Я покачала головой. Да уж, вот так повезло девчонке!

— Если ты не ударишь, то тебе не разрешат открыть Дверь, — торопливо проговорила я, кожей ощущая взгляд Кристиана. Он смотрел в нашу сторону, но пока не приближался. — И все усилия твоего монастыря окажутся напрасными. Монеты вам уже не вернут, а ты останешься без Дара.

— Но я не могу... — залепетала Мелания. — Насилие — зло... Нельзя его множить, нельзя способствовать... Каждое зло разрастается подобно опухоли и плодит новое зло...

Я закатила глаза, обрывая эту проповедь. В приют заходили странствующие монахи Святой Ингрид, и каждый раз мы с Ржавчиной благополучно засыпали во время их нудных вещаний.

— Ты либо ударишь, либо покинешь Двериндариум, — буркнула я.

Глаза девушки наполнились слезами, и я досадливо вздохнула. Вот же повезло с первой напарницей!

— Слушай, представь, что я дерево. Просто представь!

— Деревья живые и тоже чувствуют...

— Вот же засада... — я попыталась вспомнить хоть что-нибудь о великомученице Ингрид. — Слушай, твоя святая права, и все такое, но ведь и она делала зло, если оно было во благо, верно? Иногда одно маленькое насилие необходимо, чтобы свершилось большое и благое дело! Понимаешь?

— Есть сказание об Ирхемоне, которого Ингрид убила, дабы спасти город... — неуверенно произнесла Мелания.

— Отлично! — обрадовалась я. — Считай, что ты сейчас тоже совершаешь насилие ради спасения вашего монастыря.

— И все же это неверно....

Я закатила глаза.

— Думать будешь потом! Давай, просто ткни в меня кулаком — и разойдемся!

Мелания зажмурилась, выдохнула и почти неощутимо ударила меня в живот.

— Отлично, — подбодрила я. — Вот видишь, молния тебя не поразила, а я жива-здорова. Двигай к следующему и помни, зачем ты здесь.

Ошеломленная послушница шагнула влево, а напротив меня встала Ливентия. Мы покосились друг на друга и обменялись вялыми осторожными шлепками. Детей богачей учат сражаться, это все знают. И Ливентия, и настоящая Ардена должны были учиться искусству боя. Но судя по сегодняшней тренировке, девушки считали эти уроки лишь досадным недоразумением.

И снова я ощутила взгляд Кристиана. Он наблюдал за мной. Почему? Страх холодом стек по спине. Неужели подозревает, что я способна на большее? Но я ни за что себя не выдам! Буду размахивать руками, как Ливентия, делая вид, что ни разу в жизни даже не видела реальной драки.

Пышногрудая красавица сменилась тощим парнем, имени которого я не запомнила. Этот и вовсе боялся ко мне прикоснуться, и мы ограничились короткими безболезненными тычками. Потом его место занял привлекательный шатен, но и он лишь улыбнулся и ушел, не причинив мне вреда. Краем глаза я видела другие пары. Альф против Ринга — и серия неплохих ударов. Итан против Киара — и кровь на губах первого...

Пары снова сменились. Мелькнула белоснежная прядь. И в мою голову полетел сжатый кулак. С силой, способной отправить меня в беспамятство. Мое тело отреагировало раньше, чем разум осознал атаку. Я уклонилась от руки Рейны, уходя влево. Но гибкая, словно змея, бесцветная ударила другой рукой. Почти

без паузы. Тоже метя в голову. Этот удар я почти пропустила, сумев уйти от него в самый последний момент. Склиз! Она что же, решила меня убить? Новое нападение — и кулак Рейны скользнул по моим ребрам, обжигая болью. Ярость вспыхнула внутри. Я ненавижу, когда меня бьют. Ненавижу столь сильно, что эта ненависть меня меняет. Делает способной на убийство. Еще один удар, от которого я ушла, нырнув под руку бесцветной. Вывернулась, схватила ее за белую косу, дернула, почти сдирая скальп. Обернула вокруг своего кулака и сделала подножку, повалив девушку на пол. Она вскочила почти мгновенно, она была действительно сильной. Но я была злой. И еще леди Колючего Архипелага явно никогда не дралась со сворой приютских мальчишек. Ее движения были рассчитанными и выверенными. Мои — инстинктивными и грязными.

«Никаких правил, мелкая, — шепнул в голове Ржавчина. — Бей сразу и изо всех сил. Второго шанса может не быть...»

Белая коса в моей руке... красные глаза, в которых внезапно появляется страх... Рассыпанные по полу алые рубины. И кровь... Чья? И холодный кинжал, распарывающий воздух рядом с моим горлом...

— Хватит!

Рейна отлетает в сторону, ее клинок катится по полу. Я стою на коленях, все еще готовая броситься в атаку. Медленно обвожу взглядом лица. И вижу изумление, страх... восхищение. И еще что-то, чему пока не могу дать названия.

Вскочила. И ощутила легкое жжение в ноге. Опустила взгляд. Моя штанина распорота на бедре, и кровь сочится сквозь ткань.

— Леди Аскелан, вы сейчас же отправитесь к верховному наставнику Вестхольда и попытаетесь объяснить свое поведение! — рывкает Кристиан. Его

лицо кажется спокойным, но зрачки сужены в точки, а на шее яростно пульсирует голубая жила. — Что вы тут устроили? Я приказал убрать оружие! Вы проигнорировали приказ наставника и за это можете быть отчислены из Двериндариума!

Лорд Аскелан, нахмурившись, шагнул к сестре и сжал ее предплечье.

— Идем, Рейна, — приказал он.

Сестра сбросила его руку и сама пошла к выходу.

Но проходя мимо меня, обернулась.

— Не смей даже смотреть на моего брата, — выплюнула она.

Я опешила. Что? Смотреть на Киара? Да о чем она?

Понимание окатило водой. Великий Привратник! Да эта бесцветная дрянь заметила мой взгляд во время поединка! И решила, что я глазею на ее брата. Но ведь я смотрела на... своего!

Смотрела с жадным восхищением и даже страстью, мечтая научиться так сражаться!

Вот только северная леди явно расценила мой взгляд по-своему! Ну конечно, не могла ведь я так пялиться на своего родственника! А может... Может, она слышала предположение Альфа о том, что я возжелала лорда Аскелана? И решила преподнести мне урок? Вот же ненормальная! Да она чуть не прирезала меня!

— Идем, тебя надо перевязать, — оказывается, рядом стоял Кристиан. — Остальным — оставаться на месте! Меня заменит наставник Нейл.

Он быстро отдал распоряжения и протянул мне руку, но я проигнорировала.

— Сейчас не время для наших распрей, — вспыхнул февр и сжал мою руку. — И прекрати дергаться! Проклятие!

За колоннами была еще одна дверь, ведущая в узкое помещение. Здесь стоял стол, на который Крис меня и

усадила. Я поежилась. Ярость битвы схлынула, оставляя понимание и страх. Нет, не страх. Ужас! Я дралась, да еще и прилюдно. Схватила Рейну за волосы, треснула ее коленом... Что теперь будет? Крис понял, что я самозванка? Он догадался? Почему он молчит? Может, уже через минуту сюда ворвутся другие февры и меня отведут в казематы? Запрут за решеткой, пока не выяснят правду?

Надо бежать... Бежать!

Кристиан как раз вытащил склянку и развернулся ко мне, когда я спрыгнула со стола. Рана обожгла болью.

— Что ты творишь! — рявкнул февр. — Куда это ты собралась? Да что за проклятие... Ардена! Сядь на стол!

Я выдохнула, ощущая холодную испарину на висках. Ардена? Сердце стало стучать чуть тише. Немного.

— Прекрати так дрожать, порез совсем неглубокий, — буркнул Кристиан. Он вклинился между моих ног и осторожно разрезал ткань, обнажая рану. Осмотрел и приложил смоченную каким-то настоем ткань.

Я поморщилась от неприятных ощущений.

— Похоже, ты не понравилась этой бесцветной северянке.

— Да она сумасшедшая! Их колючий архипелаг выстужает не только страх, но и мозги! Чокнутая! Она решила, что я жажду заполучить ее брата, — возмутилась я. — Нужен он мне сто лет!

— Вероятно, она слышала о разбитых сердцах, которые устилают дорогу позади Ардены Левингстон, — холодно произнес февр и поднял голову.

Наши взгляды встретились. И я вдруг ощутила желание отодвинуться. Или наоборот — придвинуться ближе. Это чувство тоже было странным и доставляло мне неудобство. Мне оно не нравилось. Я нахмурилась и отвернулась.

— Я не могу изменить свое прошлое, — бросила со злостью. — Но меня теперь всегда будут за него судить, так? Все вокруг. И знаешь, когда все считают меня дрянью, уже не хочется меняться. Пусть будет так! Считай меня, кем хочешь, мне наплевать!

Наплевать не было. Но я лишь задрала повыше нос, сдерживая дрожь.

Кристиан тоже нахмурился. Он промыл мой порез и наложил чистую повязку. Я опустила взгляд. Рукава тренировочной накидки февр закатал, обнажая запястья. Правое обвивал черный рисунок, прячась под широким кожаным браслетом с серебряными нашлепками-шипами и застежками, некоторые из которых были открыты.

Я завороченно уставилась на пугающее украшение. Неужели это запирающий браслет?

Хотелось рассмотреть подробнее, а еще лучше — потрогать. Провести пальцем по острым шипам и по черным линиям на руке. Что они значат? И что изображено на груди парня, черным хвостом выглядывая из-за выреза рубашки?

Но конечно, я не стала ни трогать, ни спрашивать.

Странное украшение притягивало взгляд и почему-то отлично сочеталось с Кристианом. И эта мысль мне тоже не понравилась. Она была какой-то... опасной.

Руки февра замедлились на моей ноге. Он как-то странно дернул головой и втянул воздух, словно принюхиваясь. Ну да, обеззараживающая настойка пахнет не слишком приятно.

— А у тебя хорошая реакция. И неплохой удар, — вдруг произнес Кристиан. — Я не знал.

Липкий страх обнял щупальцами, но я тряхнула головой, прогоняя его.

— А ты способен порезать на куски даже такого выдающегося мечника, как северный лорд. И я тоже не знала. Кто ты, Кристиан?

Он поднял голову, внимательно глядя в мое лицо.

— Мы многое не знаем друг о друге, — задумчиво протянул парень. — Ты... удивляешь.

— Ты тоже не совсем чудовище, — буркнула я. Окинула его пристальным взглядом. — Хотя, что это я... верно, ударилась головой! Конечно, ты чудовище. Даже смотреть противно!

Кристиан втянул воздух. И вдруг рассмеялся. По-настоящему. Смех у него оказался раскатистый, красивый, какой-то слишком живой. Он забирался под кожу и вплавлялся в вены. Я ощутила, как краснеют щеки.

— Ты совершенно невыносима... Иви.

— Придется потерпеть, Кристиан, — промурлыкала я. Оттолкнула его руки, все еще лежащие на моем бедре, и слезла со стола. — Да! И даже не надейся, что стану называть тебя Стит! Мне не нравится это имя.

— Я знаю, Иви, — насмешливо отозвался он.

— Мог бы и предупредить, что ты один из наставников.

— Это временно. Пришлось заменить наставника Филда.

— А что с ним случилось?

По лицу Криса словно рябь прошла. Мой невинный вопрос ему не понравился, и я задумалась, почему.

— Он... погиб.

Дверь открылась, впуская хрупкую женщину с целительским саквояжем в руках и прерывая наш разговор.

— Иви, познакомься с главной врачевательницей Вестхольда, Самантой Куартис, — представил ее Кристиан.

Мой рот, кажется, открылся.

— Леди Куартис? Та самая? Самый сильный целительский Дар в Империи? Но разве вы не живете во дворце императора?

Крошечная женщина весело рассмеялась.

— Император слишком редко болеет, мне с ним невыносимо скучно! Рада знакомству, Ардена, хоть и при таких обстоятельствах. Давайте я посмотрю, что с вами, думаю, здесь ничего страшного...

Я удивленно ахнула, когда целительница взяла мою руку и прикрыла глаза.

— Так-так... все понятно. Как я и думала, порез неглубокий и чистый, никаких ядов. Вам надо лучше питаться, дорогая, и меньше переживать. Хотя понимаю, в Двериндариуме это непросто!

— Вы ощущаете мою рану? — изумилась я.

— Весь ваш организм. Не переживайте, Ардена, с ней легко справится моя мазь.

Поверх плеча врачевательницы я посмотрела на Кристина и насмешливо улыбнулась.

— С некоторых пор я предпочитаю имя Иви, госпожа Куартис.

Февр хмыкнул и вышел за дверь, оставив меня наедине с целительницей.

ГЛАВА 10. Сны и чувства

Остаток дня пролетел незаметно.

Врачевательница наложила на порез какую-то воняющую мазь, отчего боль почти прошла, перевязала рану и отправила меня отдыхать.

— К утру порез затянется, ты сможешь отправиться на занятия, — сказала целительница

Хотя ее чудодейственное средство работало, я прихрамывала, но почти не ощущала боли, когда шла к дому.

Он встретил меня пустой тишиной, Кристиана не было. И я ощутила облегчение. Странное чувство, которое я к нему иногда испытывала — пугало. Я не хотела его. Нутром ощущая, что это слишком опасно, я даже не желала дать этому чувству имя.

На кухне, под полотенцем, обнаружилось в кастрюльке мясное рагу, теплый хлеб и свежие овощи — настоящий пир! Я с удовольствием поела, вымыла за собой тарелку и поднялась в свою комнату, прихватив из гостиной какую-то книгу. Это оказался сборник мифов, но читала я без интереса. Мысли сбивались. То на размышления о Двери, то на новых учеников, то на Кристиана. Моя жизнь так резко изменилась, что я не была уверена, как относиться ко всему происходящему.

— Надо просто выжить, — прошептала я, глядя в медленно гаснущее окно. — Получить Дары и выжить!

От тяжелых мыслей разболелась голова, и я решила, что лучшее, что могу сегодня сделать — это как следует выспаться. Переоделась в шелковую сорочку, распустила волосы и забралась в постель.

Завтра будет новый день. И пусть он будет хорошим!

...Чудовище смотрело на меня. Пристально. Остро. Оно было там — на крыше соседнего дома. Уродливое, крылатое, жуткое. Это чудовище ночного кошмара, порождение тьмы и ужаса. Это старшее дитя Двуликого Змея — эфрим, монстр, которому не нашлось места на земле. И теперь оно приходит во мраке, прорываясь из бездны, чтобы утащить за собой....

А я такая маленькая.

Я лежу на узкой приютской койке, сжимая в кулаке осколок стекла. Я буду драться с эфримом и не позволю разгрызть мне горло, не дам утащить меня во тьму. Наставники говорят, что эфримов не существует, но все приютские дети знают, что они врут. Конечно, змеевы дети реальны. Они живут во тьме и приходят за нами. Они утащили Китти и Люка. Однажды я видела его своими глазами — жуткого эфрима, но мне никто не поверил... И только Ржавчина может меня спасти от крылатого чудовища. Ему нельзя приходить в спальню девочек, я знаю, что Ржавчину накажут, если поймают здесь. Но он все равно приходит, ложится на бок, лицом ко мне. Между его телом и стеной остается крошечное пространство, ведь приютские койки совсем узкие. Но только в этой тесноте, на кусочке тощего матраса, между холодной стеной и горячим телом, я ощущаю себя в безопасности.

«Я здесь. Я прогнал чудовищ. Спи», — говорит Ржавчина.

И я закрываю глаза...

Но так было раньше. Потому что больше Ржавчина не приходит. Я вжимаюсь спиной в холодную стену, вдыхаю запах сырости. Вслушиваюсь в тишину. И не могу уснуть.

Я сжимаю осколок стекла, надеясь, что Ржавчина все же придет. Вот только Ржавчина пропал. Исчез, как Хромоножка Китти, Плесень Люк и Башмак. Обещал забрать меня с собой, но больше не появился.

Я осталась одна.

И нет больше спасения от тьмы... Нет защиты... Лишь осколок стекла, которым я режу свои собственные пальцы...

Сильные руки рывком прижимают меня к горячему телу.

— Тише... не плачь...

Он вернулся? Ржавчина вернулся? Пришел за мной?

Я утыкаюсь носом в его шею, обхватываю руками и ногами. Обвиваюсь, словно вьюнок вокруг дуба, желаю врасти. Лихорадочно трогаю широкие плечи, цепляюсь за руки... Шепчу бессвязно, касаясь губами горячей кожи:

— Не уходи... не уходи больше... Мне страшно одной...

Мои глаза мокрые от слез, и я прячу лицо, утыкаюсь в его шею. Мужская ладонь гладит меня по волосам и спине. От шейной косточки до поясницы. А вторая рука прижимает к обнаженной груди. Под моими губами частит ток чужой крови, чужое сердце стучит мне в ладонь... И кожаный браслет царапает шипами шелк моей сорочки...

Распахнула глаза и замерла. И он — тоже.

Кристиан. Конечно, это был он. Не Ржавчина.

Я в Двериндариуме, мне просто приснился дурной сон.

Резко отодвинулась.

Ночной полумрак скрывал его глаза, а лунный свет струился в незашторенное окно, вырисовывая контуры мужского тела. На Кристиане были лишь свободные штаны... А я практически сидела на его коленях, прижимаясь так, словно желала забраться под кожу.

— Прости... — от волнения стало нечем дышать. — Я... что случилось?

— Тебе приснился кошмар.

Голос у Кристиана недовольный и хриплый. Похоже, я его разбудила.

Потерла лоб, пытаюсь отделить кошмар от реальности. Мне все еще казалось, что я ощущаю взгляд крылатого эфрима. Но конечно, это лишь жуткий сон.

— Похоже, в мазь госпожи врачевательницы добавлена какая-то гадость, — сипло пробормотала я, кутаясь в одеяло. — Мне приснилось что-то отвратительное. Извини, что разбудила тебя. Скоро рассвет?

— Через два часа, — Крис отошел от моей кровати и сейчас тоже казался лишь тенью. — Постарайся снова... уснуть.

— Да, конечно, — растерянно сказал я, не понимая, как вести себя. Крис тоже казался странным, другим. Больше ничего не сказав, он вышел из моей комнаты, тихо прикрыв дверь. Я посмотрела на светлый квадрат окна. Надо не забывать закрывать эти проклятые шторы! Потому что ночью так и чудится, что на крышах Двериндариума притаились чудовища.

* * *

Несоответствие.

Это могло бы стать именем моей сестры. И это то, что я ощущаю каждый раз, когда думаю о ней.

Проклятое несоответствие!

Моим представлениям, моим мыслям, моим чувствам? Какого склирза? Почему она так катастрофически не укладывается в рамки моих представлений о ней?

И ведь правда, все правда... Если бы не мой Дар, если бы не способность ощущать чувства Ардены, я решил бы, что сестра — самая искусная лицедейка из всех возможных. И что ее действия — продуманный план, призванный внушить мне симпатию или даже нечто большее.

Ее внимание и интерес, ее тревога, изменившееся лицо во время моего поединка с северным лордом, ее бравада после ранения и объятия ночью... Это все выглядит циничным планом прожженной соблазнительницы, которой Ардена и является. Она порочная и эгоистичная, так почему же...

Почему вызывает у меня совсем иные чувства?

Все дело в запахе ее эмоций. Ежевика и что-то еще, чему я не знаю названия. Эмоции не врут, а Дар не ошибается. Ардене интересно общение, она испугалась за меня на поединке, она терпела боль и улыбалась, а ночью — испытала ужас. Что бы ей ни приснилось, но это не было притворством.

Я вернулся поздно — верховный наставник снова отправил отряд прочесывать окрестности. Пришел уставший, желая лишь кинуть в рот что-нибудь съедобное и завалиться спать. На миг мелькнула мысль, что стоит зайти к Ардене — попытаться найти на теле спящей девушки амулет. Но сил на это не осталось. В конце концов, никуда сестра не денется, а мне и без нее забот хватает.

До рассвета осталась лишь пара часов, а ведь утром снова уроки, тренировки и осмотр Острова.

Пожалуй, еда тоже подождет до утра, спать хотелось невероятно.

Одежду стянул на ходу, сбросил мундир и рубашку, потянулся к ремню штанов... и тут меня ударило. Чужими эмоциями.словно волна густой черной жижи, вываленной на голову, вонючей и липкой. Я знаю название этим чувствам. Страх. Ужас. Беспомощность.

Чужие чувства буквально обездвижили, но лишь на миг. А потом я рванул дверь в комнату Ардены. Она спала. И ей снился кошмар. И, несмотря на волну страха, которую я чувствовал — сестра молчала. Не плакала, не стонала. Лишь дышала слишком часто и мелко вздрагивала.

Мгновение я стоял около кровати, глотая ее ужас. А потом внутри что-то дрогнуло, и я сел, сгреб Ардену, прижал к себе. Она все еще спала, но прижалась, обхватила руками, вряд ли понимая, что делает. Оковы кошмара не отпускали ее, но запах страха размылся новыми нотами. Облегчение. Радость. Защищенность.

Она цеплялась за меня, как слепой котенок, тыкалась губами в шею, прижималась. А я вслушивался в нарастающее чувство защищенности, которое поглощало сестру, вытесняя кошмар. И ни единой ноты фальши. Никакого притворства. Она испугалась — сильно, глубинно, и успокоилась лишь в моих руках.

И это было... странно.

Слишком ново для меня.

Будило эмоции. Мои собственные. И они вдруг стали слишком сильны. Настолько, что за ними я перестал ощущать запах чувств Ардены. Мои собственные ощущения вдруг накрыли с головой, утаскивая на дно. На острое, скалистое дно пропасти, которую я вдруг увидел.

Потому что мои чувства оказались иными. Не такими, как я ожидал.

Несоответствие. Проклятое несоответствие.

Острая, болезненная, сладкая вспышка удовольствия. От ее беззащитности, от дрожи.

Я ощущал стройное тело и скользкий шелк сорочки. Гладкую кожу и теплые губы. Рассыпавшиеся по моим рукам мягкие волосы. Запах нагретой солнцем травы — благодарность... И то, как от всего этого перехватило мое горло...

Я забыл, что девушка, льнувшая ко мне в поисках тепла и защиты, моя сестра. На слишком длинный миг — забыл.

И тут же накатило отвращение от собственных мыслей.

Я бы хотел поверить, что все это было игрой, но нет. Дар не врет.

Или ее амулет сильнее, чем я думаю?

А потом Ардена открыла глаза. И сразу ударило ее отчуждением, растерянностью, снова страхом. Чего она испугалась на этот раз?

Поспать, конечно, не удалось.

Да я и не пытался — оделся и отправился обратно в замок. Вестхолд встретил тишиной узких коридоров. Вонючий слирз! Вместо отдыха я сбежал из собственного дома и теперь тащусь по узким коридорам замка, проклиная и себя, и Ардену! Проклятье!

Злость требовала выхода. Отвращение к себе требовало выхода.

Статуя Божественного Привратника в главном холле мягко светилась, но я лишь бросил на изваяние мрачный взгляд. Дошел до тренировочного зала, снял со стены идары. Закрыв глаза, чтобы лучше слышать окружающее пространство. И начал движение. Шаг влево, поворот, выпад... Шаг вправо, выпад, защита, поворот... снова и снова, приводя в порядок мечущиеся мысли.

Шаг влево... шаг вправо... поворот. И выпад! Открыл глаза.

Клинок застыл в пальце от шеи верховного наставника. Февр Квин усмехнулся.

— Ты в отличной форме, Стит. А я все еще надеюсь застать тебя врасплох. Но разве ты не отправился спать?

— Решил потренироваться, — уклончиво ответил я.

— Тебя что-то беспокоит, — как обычно, наставник не ошибся. — Смею предположить, что дело в... твоей сестре. Вы не смогли найти общий язык, и проживание в одном доме тяготит тебя?

— Да... и нет, — я задумчиво протер тряпочкой клинок. — Все сложнее, чем я думал.

Февр Квин окинул меня пронизательным взглядом. А я отметил, что верховный наставник тоже не ложился и даже не переоделся после рейда.

— Твоя сестра... хм... непростая личность, Стит. Не говоря уже о тебе.

Я презрительно хмыкнул, показывая, что думаю об этой «сложности».

— Непростая? Вы ей льстите, наставник. Ардена обыкновенная дрянь, — усмехнулся я. — Вернее... я всегда считал так...

— А теперь сомневаешься? — поднял брови наставник.

Я нахмурился, вспомнив, как Ардена уговаривала Меланию Верес ударить ее на тренировке. Уговаривала, искала доводы. И даже смогла убедить девчонку. Разве станет так делать эгоистка? Впрочем... У моей хитрой сестры и на это могли найтись причины. Ардена ничего не делает по доброте душевной.

Февр Квин заложил руки за спину, наблюдая за мной.

— Стит, ты можешь рассказать мне все, что тебя мучает. Ты взял на себя обязательства, связанные с Арденной, и несешь за нее полную ответственность. За все ее дела и поступки. Это было непростое для тебя решение, я это знаю. Но также знаю, кто ты, знаю твой характер. Порой мы делаем ошибки. Возможно, это именно тот случай...

— Все в порядке, февр Квин, — отчеканил я. — Я разберусь. Я просто не ожидал, что проживание в

одном доме повлечет за собой подобные трудности. Я не привык к... чужому присутствию.

Наставник поднял брови и явно собирался что-то возразить, но вздрогнул и осекся. Его глаза затянулись пленкой, как бывало каждый раз, когда срабатывал его Дар. На внутренней стороне рукава его мундира была застежка, и февр дернул ее, обнажая тыльную часть руки.

— Чужак! — выдохнул Верховный Наставник Вестхольда. Кожа на его руке покрылась черным рисунком вен и сосудов, складывающихся в замысловатую карту острова. Полоса леса, узкий водяной проток, мыс... И черные точки-люди,двигающиеся по коже. Таков был невероятный Дар февра Квина. Он был живым воплощением Двериндариума, его картой. И при желании мог ощутить каждого человека на Острове.

Неудивительно, что он почувствовал мое присутствие в тренировочной.

Я быстро забросил ножны идаров на спину, вложил клинки.

— Где?

— Северная часть острова, — выдохнул наставник. Карта под кожей частенько причиняла ему боль. — Недалеко от маяка. Там чужак... Без печати...

— Я возьму мехомобиль, — бросил я, уже направляясь к выходу.

— Надо собрать отряд!

— Нет времени, — отрезал я. — Мы снова упустим эту тварь! Каждая минута промедления слишком опасна.

— Хорошо, — выдохнул верховный. — Торопись, Стит. Я отправлю отряд тебе вслед. И... будь осторожен.

Я коротко кивнул и выбежал из тренировочной. И даже где-то в душе обрадовался внезапному

нападению. Предстоящая битва прогнала из головы все ненужные мысли о сестре.

ГЛАВА 11. Главный Закон Дара

Два часа до рассвета я пролежала, тщетно обманывая себя, что сплю.

Уснуть, конечно, не получилось. Отступивший кошмар оставил после себя липкое ощущение беспомощности. А пробуждение — растерянности и еще чего-то, пока не понятого мною, но беспокоящего. Хитрое сознание пыталось увильнуть и не думать о том, как я очнулась в объятиях февраля. Потому что думать об этом было страшно. А если я ляпнула во сне нечто ужасное? Вдруг я звала Ржавчину вслух? Вдруг догадается? Паника перед разоблачением заставила меня накрыться с головой одеялом в детской попытке спрятаться и пересидеть в теплом коконе неприятности. Но потом разумная часть меня взяла верх, заставив сползти с кровати, накинуть бархатный длиннополый халат и осторожно высунуть нос в коридор.

Но в доме было тихо. Вероятно, Кристиан уснул, я и так потревожила его среди ночи. На носочках я прокралась в купальню, умылась, расчесалась и начистила зубы. Вернулась в свою комнату, все так же чутко прислушиваясь к звукам дома. Но они радовали лишь тиканьем напольных часов в гостиной.

Натянув тренировочный костюм, я спустилась вниз и сунула в рот кусок хлеба. Запила водой. Посмотрела на лестницу, потом на часы. Но «брат» так и не появился. Может, проспал?

Крадучись и тихо ругая скрипящие ступеньки, я поднялась на второй этаж и приложила ухо к двери Кристиана. Но за ней было тихо. Я осторожно нажала на

ручку, и она неожиданно поддалась. Дверь распахнулась, показав пустую комнату и аккуратно заправленную постель, на которую сегодня явно не ложились. Обстановка была довольно скромная, помимо кровати — широкий письменный стол, кресло с темно-синей обивкой и вещевой шкаф. Ковра, как в моей комнате, или балдахина здесь не было. Зато на лакированной столешнице лежали книги и тетради, так что я испытала искушение войти и посмотреть, что в них написано.

Но приютская жизнь научила осторожности. И прежде чем сделать шаг, я внимательно посмотрела на дверной наличник. На нем еле заметно темнели знаки защиты, и я удовлетворенно хмыкнула. А мой «братец», похоже, не прост. И помимо замка, защитил свои владения еще и изменением! Пересечешь такую зачарованную линию — и ударит искусственной молнией, а то и вовсе лишишься чувств до самого вечера! Защита бывает разной, но ее последствия всегда болезненны и неприятны. В приюте такие знаки красовались на дверях настоятелей, правда, те не учли, что от «выкормышей» надо защищать и окна — даже на втором этаже!

А вот Кристиан оказался умнее. И даже по подоконнику его комнаты плелись защитные узоры. Родственник явно не любил вмешательства в свою личную жизнь.

Хмыкнув, я закрыла дверь, а после покинула дом. Решила, что раз уж встала в такую рань и оделась — пробегусь.

Небо над островом затянулось низкими серыми тучами. Вчерашнее солнце исчезло, а усиливающийся ветер напоминал о скорой зиме. Я вяло трусила вдоль спящих домов, размышляя, почему мне не лежит в теплой постельке. Заря лишь едва окрасила мир

золотом, улицы были пусты. Без азарта я добежала до конюшни и сделала круг вокруг колодца.

В стороне пенилось Взморье, темной полосой тянулся лес, а маяк светился алым.

Что?

Я прищурилась, всматриваясь вдаль. Разве маяк не разрушен? Да и зачем ему светиться, в Двериндариуме нет порта, и ни один корабль не пройдет сквозь каменные пики вдоль побережья. Однако белая башня была охвачена алым сиянием.

Я моргнула. И свет пропал. Может, это был отблеск восходящего солнца?

Шрамы у ребер внезапно заныли. Я охнула и приложила к боку ладонь, не понимая, что происходит. Почему в Двериндариуме рисунок из шрамов начал ощущаться? Раньше я ничего подобного не чувствовала...

Вот только жаль, что ответов у меня нет.

Хмурясь, я отправилась обратно к дому.

И чтобы заглушить тревогу, принялась бормотать знакомую с детства считалочку. Она всегда меня успокаивала.

«Не называй свое имя, мелкая... И змеевы дети не смогут тебя забрать... Не называй свое имя...»

Ботинки мягко ступали на брусчатку в такт моим словам.

— Хромоножка, Черный Дрозд, Ржавчина, Проныра...

Лисий Нос и Серый Пес...

Корочка от сыра...

Дождь и Ветер...

Плесень. Мор.

Тень. Башмак...

И Третий.

Все мы здесь. И вот вопрос...

Кто за всех в ответе?

Вот и вся моя семья.

Угадай же, кто здесь я?

Дорога закончилась, и считалочка — тоже.

Кристиан так и не появился, даже когда я закрывала дверь, уходя на занятия.

* * *

Бесцветные близнецы восседали на своем вчерашнем месте. Когда я вошла, Рейна окинула меня злым взглядом и отвернулась. Ее брат остался недвижим, словно снежная статуя. Ну вот! А я так надеялась, что эту парочку отправят обратно на их Архипелаг. Я хорошо понимаю, что бесцветные слишком сильные соперники, чтобы с ними враждовать. Это может погубить меня. А судя по вчерашней тренировке, Рейна не питает ко мне добрых чувств. Да, мне было бы куда спокойнее без их красных глаз. Но, увы, близнецы все еще здесь, по-прежнему бледнолицые и высокомерные.

Зато у меня, кажется, появились союзники.

Стоило войти в лекторную, и ко мне подбежала Мелания.

— Ардена! Как ты себя чувствуешь? Как нога? Я за тебя переживала! Смотри, я принесла тебе сбор трав из моего монастыря, он обладает целебной силой!

— Иви, — поправила я, слегка опешив от такой заботы. — Зови меня Иви. И... спасибо.

Мелания потопталась рядом, смутившись.

— Тебе спасибо, — тихо сказала она. — Я вчера растерялась. Но ночь в молитвах успокоила мой разум и душу. Святая Ингрид дала мне свое благословение на тренировки. Ты была права, иногда зло необходимо. Главное, не забывать, во имя чего мы его делаем.

— Угу, — буркнула я и, не сдержавшись, зевнула. — Это тебе поведала твоя святая? Вот так сама явилась и

сказала?

Мелания огорченно прикусила губу.

— Ты мне не веришь? Думаешь, я вру?

— Главное, чтобы верила ты, — успокоила я послушницу и улыбнулась. — И спасибо за чай.

Рядом с Меланией вырос Итан и тоже справился о моем здоровье. А потом возле меня оказался и Ринг, отчего я поперхнулась. Этому-то что надо?

— А у тебя неплохой хук, Золотинка, — подмигнул гигант, не обращая внимания на недовольное лицо Итана. — Знавал я ребят, которые били, как ты... и где только научилась, Золотинка? Расскажешь?

Я помрачнела, в упор глядя на Ринга. На что этот гавнюк намекает? Неужели понял, что таким приемчикам учит не дорогой наставник, а улица?

Парень усмехнулся и отошел, насвистывая веселый мотивчик. Зато подошел Альф. Я попыталась сделать вид, что его не замечаю. И плевать, что привлекательное лицо парня маячило почти впритык к моему.

— Нам надо поговорить, — отрывисто бросил он.

— Не могу, очень занята, — я полезла в свою сумку, тщетно пытаюсь избежать неприятного разговора. Но Альф твердо схватил меня за локоть.

— Эй, руки от нее убери, — выпалил Итан.

Мелания встревоженно переступила с ноги на ногу.

— Остынь, — снисходительно бросил Альф, даже не посмотрев в сторону Итана. — Мы с Арденной давние друзья. И она не против моих рук.

Мелания поперхнулась. Сидящие за столами ученики вытянули шеи, прислушиваясь к разговору. Ливентия пораженно ахнула и залилась румянцем.

А я сообразила, что этот гад меня только что публично назвал своей. Рука сжалась в кулак, уже готовая впечататься в нос наглеца. Но так поступают приютские девчонки. Не Ардена. И потому в последний

момент я разжала руку и вlepила Альфу пощечину. Звонкую, смачную, сильную.

— Только посмей еще хоть раз ко мне прикоснуться! — отчеканила я. — А за попытку опорочить мою репутацию будешь иметь дело с моим старшим братом!

— И кто же это? — хмыкнул Альф, потирая щеку. Выглядел он озадаченным. Словно до сих пор не мог поверить, что мои отказы — не игра.

— Февр Стит, — с наслаждением произнесла я. Лицо Альфа побелело, у остальных — вытянулись. Ринг присвистнул, бесцветные переглянулись.

— Наставник по боевой подготовке — твой брат? — изумленно протянула Ливентия. — Но вы совсем не похожи! И почему ты раньше молчала?

— Раньше — это когда? Я вас вижу второй раз в жизни.

Задрала повыше подбородок и гордо прошествовала к своему месту. Ливентия тут же оказалась рядом, склонилась к уху.

— Слушай, а я вчера подумала, что он на тебя виды имеет!

— С чего такие мысли?

— Февр Стит слишком переживал о твоём ранении. А потом так зыркал на всех, того и гляди — возьмет идары и покрошит, словно капусту... вот я и решила... А он... Значит, брат... — Ливентия кокетливо глянула из-под ресниц величиной с опaxала. Я даже засмотрелась. И подавилась, когда красавица продолжила: — Ты можешь познакомить нас поближе? Я могла бы прийти к вам в гости. Например, сегодня!

— Что?

— В гости, — взгляд Ливентии стал мечтательным, а прекрасные глаза повлажнели. — Я могу принести пирог с яблоками, надеюсь, на этом острове удастся купить приличные сладости. Думаю, февр Стит может

стать для меня отличной партией. Ты ведь мне поможешь?

Еще один кокетливый взгляд в мою сторону, и я закашлялась от такой наглости. Ну да, Кристиан принадлежит к старшей ветви, да еще и февр. Завидная партия!

Хотя и сама Ливентия не хуже — красивая, богатая, знатная. Чем не невеста для «брата»?

— Он такой мужественный, — промурлыкала Ливентия. — И опасный. Как посмотрит, так душа в пятки! Мне кажется, я влюбилась! Твой брат просто невероятный! Так я вечером загляну?

И хотя так и хотелось буркнуть: «ты не в его вкусе», я задумалась. Прошедшая ночь оставила внутри чувство тревоги и странного предвкушения. Воспоминание обожгло до самого нутра — горячие и сильные руки, гладящие мою спину и волосы, хриплый шепот и лунный свет, закручивающий вокруг нас свои серебряные вихри... Опасность. Вот название тому, что произошло. Февр подобрался слишком близко ко мне. Так что пусть мысли Кристиана будут заняты пышногрудой Ливентией, а не моими странностями. Так будет... лучше.

К тому же, мне не помешает союзница.

Словно ощутив мои сомнения, Ливентия склонилась ниже.

— Я умею быть благодарной, Иви.

Я помолчала минуту, заставляя девушку понервничать. И произнесла:

— Он любит песочные корзинки с ежевикой. Принеси их. И... еще. Да, еще. Заварные пирожные, конфеты с эйфорией, пирог с миндальным кремом и десяток слоеных пирожков!

Ливентия недоуменно моргнула.

— Это все для твоего брата? — изумилась она.

— Угу. Он у меня такая сладкоежка, — усмехнулась я, прикидывая, не заказать ли еще и торт. Но не буду жадничать. Хотя...

— И торт! С ягодами!

Качая головой и перечисляя сладости, Ливентия вернулась на свое место.

Ринг проводил ее мрачным взглядом и уткнулся в каракули на своих листах. Пожалуй, мы с ним могли потягаться, чей почерк хуже.

Альф направился в мою сторону, но в лекторную вошел наставник Бладвин. Стремительно пересек помещение и поставил на стол ящик.

— Господин Нордвик, займите свое место, урок начался, — велел он хмурому Альфу. Тот неохотно отвел от меня взгляд, а наставник продолжил: — С классификацией Даров вы уже познакомились, настало время перейти к основному и самому важному правилу. Главный Закон Дара, так он называется.

Ученики затаили дыхание, забыв о разногласиях. Я тоже поддалась вперед, жадно следя за молодым стариком. Он торжественно открыл ящик и наклонил, чтобы нам было видно.

— Что я принес вам, господа? Ну же, смелее!

— Это какие-то обломки, — протянул Итан. — Куски железа и стекла, проволока, кусок кирпича, тряпка... Мусор, вот что это!

Наставник Бладвин усмехнулся, поставил ящик и повернулся к доске.

— «Главный Закон Дара», — размашисто вывел он мелом, проговаривая слова. — Мертвое.

Положил мел и обернулся. Обвел взглядом недоумевающие лица учеников.

— Мертвое — вот теперь ваше главное слово, — жестко сказал наставник. — Ваша вера и ваш смысл. Как вы считаете, почему Мертвомир так назван?

— Потому что он погиб? — неуверенно произнесла Мелания.

— Прежде всего потому, что вынести оттуда можно лишь мертвое, — отрезал наставник. — Только его. Запомните это крепче, чем свое собственное имя. Любой мир — это замкнутая система, единое целое, если хотите. Более того, любой мир сопротивляется разрушению. С Мертвомиром — то же самое. Он не желает, чтобы мы выносили через Дверь его частицы. Взять можно лишь то, что гарантированно не жило и не оживет. Ясно?

Мы переглянулись.

— То есть, Дары — это мусор? — неуверенно протянул тощий паренек.

— Дары — это мертвая часть Мертвомира, — улыбнулся наставник. — Понимаю, для новичков это звучит... странно. Но такова реальность. Пройдя через Дверь, вы должны будете найти нечто, что можно взять. И что уверенно можно назвать мертвым. Никак иначе!

Альф разочарованно поморщился.

— И что же, никаких золотых слитков? Алмазов или сапфиров? Сияния и алтарей? Просто мусор? Мы пойдем через Дверь за каким-то хламом?

Наставник вытащил из ящика кусочек железа, подбросил на ладони.

— Что это, по-вашему, такое, господин Нордвик?

— Я не разбираюсь в барахле, наставник! Может, болт? Или что-то еще...

— Вы ошибаетесь, — отрезал февр. — Это не хлам, и не болт. Это мог бы быть Дар. Похожий кусок железа я вынес из Мертвомира много лет назад.

Наставник Бладвин подкинул железяку в воздух и взмахнул рукой. Из его ладони вырвалась тонкая сеть, оплела железо и сжала ее. Твердый кусок рассыпался пылью.

Все ахнули, Ринг восхищенно стукнул кулаком по столу, чуть не проломив столешницу. И зачем здоровяку Дар? Он и так может ломать деревья руками!

Наставник удовлетворенно улыбнулся, и сеть исчезла.

— Железо, вынесенное из Мертвомира, почти всегда означает оружие. Невероятное оружие, которое всегда будет с вами. Именно за ним охотились первые февры, и вы, наверняка, слышали сказания о Несокрушимом Легионе. Тысяча февров, тысяча непобедимых воинов. Им не было равных на этой земле. Все они вынесли из Мертвомира железо.

— Постойте, — сообразил Итан. — Но Несокрушимый Легион Первых существовал почти пять веков назад! И все это время каждый парень норовил вынести кусок железа, так?

— Так. Вам придется постараться, чтобы найти свой Дар.

— Или драться за него, — хмуро проговорил Альф.

Близнецы переглянулись. Рейна склонилась к уху брата и принялась что-то шептать. Наверняка о том, что прирежет любого, посмевшего встать на ее пути!

Однако услышанное заставляло задуматься. Получается, что Даров на той стороне не так уж и много. Думая о таинственных благах Мертвомира, я всегда представляла себе горы золота и накрытые вкусностями столы. Для приютской девчонки это казалось высшим чудом. А выходит, за Дар еще придется побороться?

Ученики настороженно переглядывались. Из почти друзей мы вдруг превратились в соперников.

— Продолжим, — оборвал наши размышления Бладвин. — Итак, железо — это почти всегда оружие. Бывали исключения, но они незначительны. Вынесенное из Мертвомира стекло чаще всего дарует знание, а кусочек ткани — способности. К целительству,

живописи, музыке или танцам. Узнать заранее невозможно, но почти всегда это творческие способности. Кирпич — не путать с обыкновенными камнями! — обычно дает невероятную силу, а засохшая глина — пластичность.

— А камни? Что дают они?

— К сожалению, чаще всего камни оказываются пустышками. И не дают своему владельцу никакого Дара. Хотя бывают исключения. Редко, но бывают. Так что мой вам совет — если не найдете ничего, хватайте хотя бы ближайший булыжник.

— Хватайте? — переспросил лорд Аскелан. — Наше время за Дверью ограничено?

— Да. Находиться в Мертвомире опасно. Он губит людей. Мучительно убивает. Это еще одно объяснение его названия. В первый раз у вас будет лишь полчаса.

— А после?

— К губительной среде можно привыкнуть. Немного. Опытные наставники могут находиться за Дверью около суток. Но всегда есть вероятность неправильно оценить свои возможности и погибнуть прежде, чем удастся вернуться. Но не волнуйтесь. Первое посещение будет с наставником.

— А после? — подняла белые брови Рейна.

— После и поговорим, леди Аскелан. Я напоминаю, что все наши правила — лишь перечень совпадений. Никто не знает наверняка, какой Дар вы получите, пройдя сквозь Дверь. Иногда даже вожаденное железо оказывается пустым или дарует какое-нибудь ненужное знание. Поэтому самое важное, что вы должны запомнить — это Главный Закон Дара. Мертвое. Этот закон срабатывает всегда. Только мертвое вы можете вынести из Мертвомира.

— Господин наставник, — робко поднял руку тощий вихрастый парень, имени которого я никак не могла

запомнить. — Но вы так и не сказали, что произойдет, если кто-то из нас возьмет живое?

— Разве это не очевидно, Майлз? Вы умрете. В жутких муках и страданиях. Мертвомир вас уничтожит.

Ученики переглянулись, а вихрастый Майлз заметно побледнел. Наставник же хлопнул в ладоши.

— Что ж, урок окончен, вас ожидает тренировка. Ах да, задание! К завтрашнему уроку вы по три сотни раз напишите слово «мертвое».

— Вы шутите?!..

— Нисколько. Вы должны запомнить Главный Закон Дара. Запомнить его крепко. Хм, я передумал. Пять сотен раз! Благо Двери!

— Благо Двери, наставник...

И, подхватив свой ящик, учитель торжественно удалился. А когда его белая мантия скрылась за дверью, ученики вскочили. Кто-то застонал, кто-то принялся ругаться. Иные сидели молча, переваривая новые знания. Я смотрела в окно и хмурилась. Первый раз у меня будет лишь полчаса, чтобы найти Дар. Час. Сумею ли я найти хоть что-то? Сколько учеников возвращаются с пустыми руками?

Прикусила щеку, не позволяя себе раскисать. Я найду. А если придется — буду драться! У меня будет Дар! Нет. У меня будут Дары!

ГЛАВА 12. Уроки и сладости

Урок и наставления Бладвина оставили учеников в раздумьях. В коридор я вышла вместе с Меланией, послушница заметно погрузнела.

— Выше нос, — сказала я ей. — Все не так плохо!

— Для тебя, — вздохнула девушка. — Ты смелая и быстрая, а я...

Она чихнула и потерла нос. Глянула виновато.

— Я не смогу драться за Дары, если придется это делать. Я не умею и не буду.

— И останешься ни с чем.

— Ну и пусть, — упрямо поджала губы Мелания. — Это недостойно и ужасно. Драться я не буду.

Я покачала головой, понимая, что спорить с послушницей бесполезно. Да и кто я такая, чтобы убеждать ее в чем-то? У каждого своя вера и своя жизнь.

Так что я лишь пожала плечами.

— Может, и не придется драться. Пойдешь с наставником и найдешь свой мертвый подарок. Ты что хочешь получить?

— Точно не оружие, — улыбнулась девушка, повеселев. — Так что железо мне ни к чему. А вот знания или умения пригодятся. Самое желанное — это способность лечить и исцелять, надеюсь, святая Ингрид поможет мне найти такой Дар! Я могу принести пользу людям, если научусь врачеванию. Матушка-настоятельница очень на меня рассчитывает.

Я покосилась на напряженную до хруста послушницу.

— Дела твоего монастыря плачевны, так? Поэтому тебя послали в Двериндариум? Если ты получишь Дар

врачевания, к вам потекут люди, а монастырь обретет силу. Ведь так?

Мелания горестно кивнула.

— Матушке-настоятельнице пришлось продать серебряный лик нашей святой, чтобы оплатить Двериндариум. Единственную реликвию монастыря! Святая Ингрид! Если об этом станет известно, то даже редкие паломники станут обходить нашу обитель стороной! Мы продали Святой Лик какому-то торговцу, он ощупывал его толстыми пальцами и чуть ли не кусал, чтобы подтвердить подлинность. Вопиющее святотатство! Матушка-настоятельница семь дней лежала с сердечной болезнью, так переживала! Я должна получить Дар и все исправить! Я каждый день молю святую Ингрид помочь мне. И верю, что она меня слышит!

Я промолчала, не желая разрушать трогательную веру Мелании. Потому что сама уже давно не верила ни в каких святых и их заступничество. Единственный, кто помогал мне в жизни — это Ржавчина. Это он спасал меня, учил драться, защищал от ночных кошмаров и крал для меня еду, когда живот сводило от голода. Он бил приютских мальчишек, когда они меня толкали или приставали. Он согревал, когда я мерзла. Он отучил меня плакать, чтобы сделать сильнее. Только он был рядом всю мою жизнь. А боги и святые оказались слишком глухи к просьбам приютского выкормыша.

— А какой Дар хочешь получить ты? — нарушила Мелания мои размышления.

И тут я растерялась. А правда, какой? Самое странное, что я ни разу об этом не задумывалась! Любой Дар означал для меня пропуск в лучшую жизнь, так какая разница? Или я просто до сих пор не верила, что все реально? Боялась мечтать, чтобы не спугнуть удачу?

К счастью, Мелания не требовала ответа.

— Думаешь, там очень страшно? — округлила она глаза. — За Дверью? У меня от одного названия Мертвомира мурашки бегут по коже. Жуть, правда?

— Думаю, что и в нашем прекрасном мире полно гадких мест, — фыркнула я. — А там, верно, всего лишь кучи старой рухляди и развалины, ничего страшного!

— Я боюсь развалин, в них водятся призраки... — пробормотала Мелания, и я покачала головой. В ее монастыре не нашлось более смелой послушницы?

Дальше мы шли молча. Но мои мысли не отпускали слова наставника. Даже в нашей лекторной была занята лишь треть столов. В коридорах Вестхольда я видела и другие помещения для уроков, но они стояли пустыми. Когда-то в этих черных стенах обучались легионы, а сейчас... Сейчас лишь ничтожное количество учеников. С каждым годом посещение Двериндариума становится все дороже.

Выходит, все дело в Дарах.

Их мало.

Катастрофически мало.

И с каждым разом становится все меньше!

Двуликий Змей! Так вот, что скрывает Двериндариум? Неудивительно, что все ученики дают обет молчания, а сам остров находится в изоляции! Власть Императора держится на феврах, а их сила — это сила Даров. Что будет, если Дары закончатся?

Я помотала головой, отбрасывая тревожные мысли.

В конце концов, меня мало волнует судьба империи. Все, что мне нужно — это продержаться на острове год, получить свои Дары и найти Ржавчину. А после купить домик возле озера да зажить мирной и радостной жизнью!

Перед практическим уроком все переоделись и в зал вошли в одинаковой тренировочной форме. Парни улыбались, рассматривая девушек в непривычной

одежде, мы же в ответ на их внимание фыркали и хмурились.

— Построиться! — скомандовал незнакомый февр, обрывая обмен любезностями. — Живо!

— А где февр Стит? — расстроено воскликнула Ливентия.

Я кивнула. И правда — где это носит моего «брatца»?

— Занятие проведу я, — недовольно буркнул новый наставник, сверля нас крохотными темными глазками. — Построиться! В ряд! Бегом! Живо! Лево! Лево!

Расхлябанной цепочкой мы посеменили друг за другом. Меня такая разминка лишь веселила, но вот Ливентия уже на втором круге начала шипеть, а на пятом — задыхаться. Краем глаза я уловила взгляд Рейны, беловолосая северянка бежала легко, успевая наблюдать за «соперниками». И я решила ее порадовать. Схватила за бок, начала петлять, словно ноги меня не несут. Даже изобразила отдышку. И отвернулась, скрыв усмешку, когда Рейна довольно улыбнулась и что-то шепнула брату. Киар ошпарил меня взглядом алых глаз, нахмурился. Но я сделала вид, что не замечаю. Лорд Колючего Архипелага вызывал во мне странные чувства. Если с Рейной все было ясно — она враг, и точка, то Киар пока виделся темной лошадкой, несмотря на всю его белоснежность.

Продолжая изображать усталость, я быстро осмотрела зал. И заметила взгляды остальных учеников. Теперь каждый оценивал другого, прикидывал свои и чужие силы. Одна Мелания бежала, опустив глаза в пол и, кажется, шепча молитвы. Надо бы объяснить девчонке, что во время бега лучше держать рот закрытым, а то ведь так и будет бормотать свои псалмы!

Закончив пробежку, наставник не позволил нам отдохнуть. И следующий час мы отжимались, прыгали, перекатывались, снова бежали и снова прыгали. Я забавлялась, изображая умирающую от усталости аристократку и надеясь, что это поможет исправить вчерашнюю промашку. А еще размышляла, куда делся Кристиан.

Хотя... пусть и вовсе исчезнет, мне же проще будет!

Из тренировочного зала нас выпустили освежиться в купальни и в столовую — на короткий обед, а после занятия продолжились. К счастью для некоторых, вечерние часы мы посвятили более простому делу. Учились определять время.

В Мертвом мире у нас будет ограниченное количество минут, задерживаться там слишком опасно.

Наставник вывел нас во внутренний двор Вестхольда. Перед нами расстилалась брусчатка, кое-где поросшая травой. Определять часы и минуты по расположению солнца, звезд или тени я научилась лет в пять, так что слушала вполуха, рассматривая каменные изваяния на стенах замка. Огромные статуи скалились с черных камней и, несмотря на покрывающий их мох, выглядели устрашающими. С парапета, распахнув крылья, был готов сорваться каменный эфрим, и я содрогнулась, глядя на жуткую вытянутую морду, лысый череп с прижатыми к нему ушами, оскаленную пасть и гротескное, отвратительное тело.

Мне казалось, что чудовище наблюдает за нами, застыв на балюстраде Вестхольда. Что его гранитное неподвижное тело — обман, и стоит отвести взор, эфрим бросится вниз и растерзает глупых людей, зашедших на его территорию.

«Страху надо смотреть в лицо, малявка», — прозвучал в голове голос Ржавчины. Так что я тайком показала чудовищам кулак и отвернулась, чтобы сосредоточиться на объяснениях наставника.

Уроки закончились, когда на небе загорелись тусклые осенние звезды. Ученики расползались уставшие и задумчивые, лишь Итан протянул напоследок:

— В Мертвомир нельзя взять оружие, в Мертвомир нельзя взять часы или хронометр... Что-то Мертвомир нравится мне все меньше!

— А когда он тебя сожрет, еще не так запоешь, — хохотнул Альф и подмигнул мне. — Мертвомир не для слабаков, птенчик. Я вот намерен вынести оттуда знатный кусок железа, так что лучше не вставать на моей дороге. А кому слишком тяжело — убирайтесь из Двериндариума.

Итан смерил Альфа злым взглядом, но отвечать не стал, развернулся и пошел к выходу. Остальные потянулись следом.

* * *

От усталости ломило затылок. А самое обидное, что все оказалось бесполезно. Тварь мы упустили. И прочесывание леса возле маяка не дало результатов. Где тварь могла спрятаться? Даже февр Квин больше не чувствовал чужака, карта на его теле показывала лишь наш отряд, бесполезно топчущий сапогами пожухлую траву и мох! Пришлось командовать отбой и возвращаться.

Я потер переносицу, ощущая зудящую боль в черепе. Чужой взгляд. Обернулся резко. Но увидел лишь темные стволы вековых елей, что безмолвными стражами застыли на подступах к маяку.

— Оно там, — выдохнул я, уловив вопросительный взгляд Лаверна. — Я чувствую.

— Слушай, Стит, я не сомневаюсь в твоих способностях, — хмыкнул напарник. — В конце концов,

именно они не раз спасали наши шкуры. Но мы осмотрели все. Я раскинул сеть от берега до холмов. Там нет тварей. Нет.

Я промолчал, продолжая всматриваться во тьму. Лаверн с его поисковой сетью — один из лучших ищеек Двериндариума. Но тварь есть. И сейчас она смотрит на меня. Это я знал точно. Ощущал злой взгляд. Чувствовал. Вот только найти не мог. Как тварь уходит от наших сетей и ищеек — неизвестно.

И еще я знал, что эту тварь поймаю. Рано или поздно.

— Идем, — окликнул Лаверн. — У меня живот прилип к хребту, так жрать хочется.

Я молча открыл дверь мехомобиля, напарник устроился рядом.

— Ты сегодня такой злой из-за сестренки? — вдруг хмыкнул он. — Уже успела достать своими выходками? Я слышал, она у тебя настоящая красавица. Может, познакомишь?

Я заставил себя разжать руки, вцепившиеся в руль мехомобиля до белых костяшек.

— Слышал? От кого, интересно.

— Да болтают, — Лаверн зевнул, не потрудившись прикрыть рот. — На Острове слухи распространяются быстро, ты же знаешь. В новом наборе всего несколько девушек, хотя есть интересные... экземпляры. Но твоя сестричка уже успела отличиться.

Лаверн хохотнул.

— Не понял? — равнодушно произнес я. И снова заставил себя не крошить руль.

— Твоя красавица целовалась с парнем в коридоре Вестхольда. Шустрая она у тебя, — Лаверн снова рассмеялся, а потом устало прикрыл глаза — поисковая сеть отнимала у фебра кучу сил.

— Целовалась?

— Да, их видел кто-то из наших. Кажется, парень из ее набора, смазливый юнец. Пожалуй, я вздремну, пока едем, разбуди меня возле замка, ладно?

Я не ответил. Завел мехомобиль и выехал на дорогу. Правда, вряд ли Лаверну удалось выспаться, я слишком небрежно вел, не обращая внимания на ямы и ухабы.

* * *

Моей надежде, что Ливентия устанет на занятиях и не придет, не суждено было сбыться. Распахнув дверь после звонка, я с недовольством уставилась на сияющую девушку. Удивительно, но задыхающаяся и бледная на тренировке Ливентия сейчас цвела и благоухала, словно вишневый сад! На красавице было светло-сиреневое платье и серебристый меховой палантин, темные волосы уложены затейливыми локонами, а невероятные глаза и чувственные губы подчеркнуты легкими мазками краски. Выглядела девушка потрясающе.

— А вот и я! — пропела гостья, входя в дом. Следом за ней всунулась служанка, нагруженная коробками и корзинками со сладостями. Последнее несколько усмирило мое недовольство. — А где же февр Стит?

— Он предпочитает имя Кристиан, — мстительно буркнула я и махнула в сторону гостиной. — Брат скоро будет.

Служанка гостьи шустро расставила на столе вазочки и разложила угощение. Потом заварила чай и, разлив ароматный напиток, застыла у стены. Я с вожделением оглядела сладости и схватила кремовое пирожное.

— А разве мы не должны дождаться твоего брата? — несколько опешила гостья.

— Не-а, — я сунула угощение в рот, облизнулась. — Думаю, надо попробовать эти пирожные. Вдруг Крису не понравится? Тогда все усилия будут напрасны! Подай мне пирожок... а ладно, я сама возьму!

— А где ваша служанка? — опомнилась Ливентия.

— Она лишь готовит еду, когда мы с Крисом на занятиях, а после уходит.

— Тогда кто помогает тебе одеваться? — изумилась гостья. — И укладывает твои волосы?

Я сунула в рот слоеный пирожок и промычала что-то невнятное. Но в этот момент хлопнула входная дверь, и в гостиную вошел Крис. В черной форме фэвров, с ножнами идаров на спине и кобурой на боку. Его темные волосы намокли от начавшегося дождя и завились кольцами, а бирюзовые глаза стали еще ярче. Верно, от злости, с которой он глянул на меня.

Ливентия восторженно вздохнула, а я застыла с набитым ртом.

— Что это такое? — процедил Кристиан.

Гостья бросила на меня умоляющий взгляд, но я в это время пыталась пережевать пирожок. Поднявшись с томной грацией сытой кошки, Ливентия снизу вверх взглянула на фэвра. Но он, кажется, не заметил, продолжая расчленять взглядом меня.

— Я задал вопрос... Иви, — слишком спокойно произнес он.

У меня от этого его угрожающего спокойствия пирожок снова застрял в горле.

С трудом проглотив, я сделала быстрый глоток чая, поперхнулась, откашлялась. И махнула рукой.

— Ливентия Осхар — моя подруга. Ты ведь ее помнишь? Она решила зайти к нам в гости...

— Вам не хватило занятий? — Кристиан прищурился. — Может, стоит пересмотреть ваше обучение и добавить уроков?

— Это просто дружеский визит! — вспылила я. Покосилась на ожидающие меня вкусоности и выдавила улыбку. — Перестань рычать, Кристиан. А то наша гостья решит, что ты ей не рад. Это будет очень невежливо, ведь так?

«Брат» наконец перевел взгляд на Ливентию, и я рухнула обратно в кресло. К счастью, девушке мои подсказки были не нужны. Стоило ей завладеть вниманием февра, ее лицо засияло, словно начищенная монета! Очаровательно улыбнувшись, Ливентия шагнула еще ближе.

— О, февр Стит! На этом острове так скучно, я подумала, что всем нам не помешает немного дружеских разговоров, ведь так? И когда Иви меня пригласила в гости, не стала отказываться. Вы ведь любите сладости? Я принесла немного...

— Я не ем сладкое, — отрезал Кристиан и снова посмотрел на меня.

Я в это время дожевывала кусок торта и сделала вид, что настойчивого взгляда не замечаю.

— Нет? — растерялась Ливентия. — Но Иви сказала... Ох! Верно, она ошиблась.

— Не думаю.

Я облизала губы, испачканные ванильным кремом, и потянулась к шоколадному печенью. Тяжелый взгляд Кристиана нарезал меня на лоскуты, но это не могло испортить мой аппетит.

— В детстве ты любил конфеты, — возразила я. Служанка Ливентии метнулась шустрой тенью и налила мне новую кружку чая.

— Мои вкусы с тех пор сильно изменились, — с ледяной угрозой произнес брат. И сел в кресло напротив.

Ливентия, помявшись, упала на свое место. Выглядела она слегка растерянной, явно не ожидая такого приема.

Я откусила миндальный эклер, прожевала и пожала плечами. Крис молчал, откинувшись на спинку кресла.

— А я беспокоилась о вас, февр Стит, — попыталась наладить беседу Ливентия. — Когда вы не пришли на наше занятие. На острове что-то случилось? Что-то... опасное?

Последнее слово она произнесла на выдохе, словно говорила о чем-то невероятно увлекательном. Крис наконец оторвал тяжелый взгляд от моего лица и посмотрел на незваную гостью.

— Вам не стоит беспокоиться, госпожа Осхар. С вами ничего не случится.

— Зовите меня Ливентия, — сладко пропела девушка, наклоняясь ближе в феверу. Ее меховой палантин скользнул по плечу, приоткрывая роскошное декольте. Взгляд Криса скользнул по шее и груди девушки, и мне внезапно захотелось выгнать красавицу взащей.

Но вместо этого я взяла еще одно пирожное и сунула его в рот. Прожевала.

— Кстати, Ливентия делает успехи, — решила я помочь беседе. — Сегодня она быстрее всех научилась определять время по тeneвым часам. Представляешь, Кристиан?

— Да неужели.

— Да. Ливентия — очень способная девушка. К тому же, принадлежит к старшему роду. И такая красавица! Ты согласен, Кристиан? Я помню, что в детстве ты обожал темноволосых девочек.

«Брат» медленно перевел взгляд на меня. Я нервно сунула в рот кусок медового теста, ощущая, как сгущаются над головой тучи. Кажется, в комнате стало темнее. Свет ламп потускнел и съежился, словно от страха.

— Ах, Иви, ты мне льстишь, — очаровательно рассмеялась Ливентия. Кристиан очаровываться

категорически не желал, и горечь поражения я решила заесть сладким малиновым муссом, пока Ливентия продолжала щебетать: — Меня учили танцевать, петь, обставлять дом или выбирать розы для гостинной, а не сражаться и бегать. Но, увы, блеснуть своими талантами в Двериндариуме мне не удастся. Мама говорит, что благородной госпоже нужны иные способности, а обучение девушек сражению лишь унижает благородные семьи! Сражаться должны мужчины! Вы согласны, февр Стит?

— Разве ваша мама не открывала Дверь, как представитель старшего рода? — произнес Кристиан.

— Мама родилась в Эйре, это свободное королевство. Нет, она не открывала Дверь. Наше поместье находится на юге, в Грандане. Но отец много времени проводит в столице, он императорский советник, вы знаете? — Ливентия многозначительно стрельнула глазами. — Но мама не желает покидать побережье, она не любит воздух столицы. Слишком холодный и сырой, так она говорит. А где живете вы, Кристиан?

— Здесь, — глухо произнес февр.

— Здесь? — не поняла Ливентия.

Я тоже перестала жевать, заинтересовавшись. К тому же, от сладкого меня начало подташнивать. Но я упрямо потянулась к очередному пирожному, усыпанному орешками. Когда еще доведется попробовать такие вкусности? Судя по поведению вредного «брата», пригласить Ливентию с корзиной пирожных снова — не удастся!

— Я живу на острове, — глядя на меня, сказал февр. Тяжелый взгляд снова скользнул по моему лицу — от глаз до губ. Задержался.

— И давно? — Ливентия попыталась снова завладеть его вниманием.

— Тринадцать лет, — усмехнулся Кристиан.

Я поперхнулась. Кажется, проклятый орешек застрял в моем горле и не желал проваливаться в набитый до отказа желудок! Я кашлянула. Раз, другой. Крис прищурился, не делая попыток спасти любимую сестру. Кажется, он скорее просто меня придушит.

— Тринадцать? — отмахнувшись от моего посиневшего лица, воскликнула Ливентия. — Это во сколько же вы... Но сюда можно попасть только после семнадцати лет! Это закон!

— Я исключение, — недобро улыбнулся Крис.

«Брат» встал и стукнул меня по спине. Кажется, сильнее, чем надо было, чтобы спасти от удушья!

— Благодарю, — прохрипела я, хватаясь за чашку с чаем.

— Но разве...

— Я думаю, вам пора идти, госпожа Осхар, — грубо оборвал Ливентию Кристиан. — У вас наверняка много важных дел.

— Нет, я...

— Я вас провожу.

— Но...

— А мне надо немедленно поговорить с моей сестрой. Похоже, она, в отличие от вас, совершенно необучаема.

И, практически вытолкав изумленную Ливентию и ее служанку в коридор, Кристиан захлопнул за гостями дверь.

Вернулся в гостиную.

В гнетущей тишине потянулся к ремням, крест-накрест стягивающим его грудь. Расстегнул. Снял идары и положил на узкий стол у стены. Так же неторопливо отстегнул кобуру и тоже убрал. Вытащил из голенища сапога нож. Второй. Сложил к остальному оружию.

И все это — не сводя с меня тяжелого, злого взгляда.

Я нервно вздохнула.

И некстати подумала, что Кристиан снимает оружие, чтобы ненароком меня не прирезать! Хотя что ему помешает придушить меня голыми руками?

Кристиан расстегнул пуговицы черного мундира. Стянул его, бросил на кресло. Закатал рукава рубашки, обнажая крепкие запястья и широкий кожаный браслет. Щелкнул на нем застёжкой.

И, несмотря на неторопливые, мучительно медленные движения февра, я совершенно ясно осознала, что он в ярости.

Дышать стало трудно.

— Хватит! — не выдержала я. — Я не знала, что ты так... м-м... расстроишься при виде гостя! Знаешь, ты мог бы вести себя с Ливентией повежливее! Разве она не красавица? Я, между прочим, для тебя старалась!

— Да что ты, — вкрадчиво протянул Кристиан. — Неужели для меня?

— Да! Пирожные вон тоже... Тебе не мешает немного сладкого! И женской ласки. Может, перестанешь на меня рычать!

— Так ты решила наладить и мою личную жизнь? Надо же, какая заботливая у меня сестра.

Кристиан медленно двинулся в мою сторону. Я шустро спряталась за кресло. И покосилась на сложенное оружие. Интересно, если дело дойдет до рукоприкладства, я успею добежать до ножа? И тут же одернула себя. Ну не станет ведь Кристиан меня бить? Ведь не станет же?

Еще один мягкий шаг февра — и мое отступление.

— Что в моих словах ты не поняла, Иви? — вкрадчиво произнес Кристиан. — Никаких гостей в этом доме. Никаких любовных связей на этом острове. Что именно тебе не ясно?

— Связи? — удивилась я. — Так дело не только в Ливентии? Но у меня не было никаких связей!

Его шаг влево, мой — торопливый — вправо. И нервная дрожь, пробегающая по хребту. Мне не нравился этот танец. Мне не нравились сгущающиеся по углам тени. Мне не нравился февр, следящий за каждым моим вдохом.

Все мое существо кричало: западня!

Бежать!

Только некуда.

Мой шаг вправо и... я оказалась прижата к стене! Склирз вонючий, я ведь держала дистанцию!

Только проклятый «братец» оказался быстрее.

— Так что ты не поняла в правилах, Иви? — протянул он.

— Катись ты со своими правилами! — выдохнула я. — Мне не за что оправдываться!

— Даже так? — с предвкушением протянул он. Волны его злости я ощущала почти физически.

— Да! Потому что я не сделала ничего дурного! Мог бы сказать спасибо за знакомство с красивой девушкой!

— Твои пылкие заигрывания в коридорах Вестхольда меня тоже должны порадовать?

— Не было никаких заигрываний! — рявкнула я. И смутилась. Вот же склирз! Кто-то увидел нашу с Альфом горячую «беседу» и донес. Интересно, кто?

— Врунья, — как-то ласково произнес Кристиан. — Врунья и лицемерка.

— Слушай, это просто нелепость...

— Раз ты не понимаешь слова, придется найти иной метод...

Он опустил руку, расстегнул пряжку на своих брюках и потянул ремень. Что... что этот гад задумал?! Змеево отродье! Я не позволю себя бить!

Зашипев, толкнула февра, поднырнула под его руку и почти удрала, но Кристиан ловко схватил меня за

волосы. Вот всегда знала, что длинные пряди — лишняя помеха! Намотав их на кулак, чудовище в лице человека дернуло меня к себе.

— Куда это ты собралась?

— Пусти! Ты не имеешь права!

— Еще как имею! Отец всегда был слишком мягок с тобой, и ты окончательно обнаглела! Я не позволю тебе позорить имя Левингстонов еще и в Двериндариуме! Не позволю!

— Только посмей меня тронуть! — я двинула ему кулаком в нос, но промазала. Мои волосы все еще были намотаны на его руку, не позволяя вырваться. Моя подсечка — и мы рухнули на пол. Извиваясь, я попыталась выползти из-под февра, но он прижал меня к полу. И, кажется, вообще не замечал моих тычков и ударов. Сволочь! Железный он, что ли? Я брыкнулась, желая сбросить тяжелое тело. Крис с силой втянул воздух.

— Пусти! Я не в чем не виновата! Отпусти меня!

— Не раньше, чем ты уяснишь правила.

— Чудовище! Не было никаких поцелуев, понял? Не было!

— Врешь.

— Это была случайность! Я вообще не хотела! Да мне противно было!

— Да что ты.

— Не трогай меня! Не смей! Я тебя ненавижу!

— И снова врешь, — хрипло протянул февр. — Ты... ты...

Он снова тяжело вздохнул, ослабил захват. И я смогла перевернуться на спину. Я на миг замерла, всматриваясь в его глаза с расширенными зрачками, ощущая его горячие руки, сжимающие мои запястья. Февр тоже замер, словно вдруг растеряв свою разрушительную ярость.

И тут накатило.

— Мне плохо... — прошептала я.

— Надеешься избежать наказания?

Я икнула. Еще раз. И зажала рот ладонью:

— Кажется, меня сейчас стошнит...

— Какого... — начал Кристиан и выругался сквозь зубы, вскочил, поднял меня. — Идиотка! Сколько пирожных ты съела?

— Не знаю, — простонала я. — Много...

Тошнота подкатила к горлу, внутри что-то забулькало. В глазах потемнело или это свет в гостиной погас? Я не понимала... Живот резало, словно съеденные пирожные отрастили ножи-идары и пытались вырваться на свободу!

— Проклятие, я умираю...

— От тебя дождешься!

Кристиан втащил меня в ванную и склонил над раковиной.

— Надо очистить желудок. Живо! Ты сама это сделаешь или мне помочь?

Что?

— Я не буду...

Новый приступ тошноты едва не свалил меня с ног.

Кристиан вытащил из навесного шкафчика склянку и, не церемонясь, дернул меня за волосы, заставляя откинуть голову. А потом нажал на щеки и влил горькое содержимое в мой рот. Нутро просто взорвалось, похоже, этот змей решил все-таки избавиться от сестренки и напоил отравой. Я едва успела добежать до раковины, как меня вывернуло. За спиной хлопнула дверь. Кристиан все же пощадил мое самолюбие и не стал смотреть на эти мучения.

В ванную я проторчала долго.

Когда же наконец вернулась в гостиную, там горела лишь одна лампа, а стол оказался пустым. Крис стоял у окна, оружие исчезло. А жаль, я бы хотела рассмотреть ближе его ножи и кинжалы.

— Только не говори, что ты все выкинул сладости, — слабым голосом пробормотала я.

Парень покачал головой.

— Тебе мало? Оказывается, ты еще и редкая обжора. Глядя на тебя, никогда бы не подумал.

Я слегка смутилась. Не говорить же, что подобных сладостей я в жизни не видела. И не знала, что от их обилия может стать настолько плохо.

Покосилась на Криса. Он смотрел в окно, словно не желал глядеть на любимую сестру. Его злость улеглась, словно буря, оставив после себя пустоту и разрушения. И странно, в запале ссоры я кричала на него и ругалась, а сейчас почему-то не могла даже смотреть на его напряженную спину.

— Если мы все выяснили, то я пойду спать, — сконфуженно пробормотала я.

Он посмотрел через плечо. Внимательно так.

— Еще раз ослушаешься — и разговор будет иным, Иви. Можешь благодарить эти проклятые пирожные за то, что избежала наказания.

Крис отвернулся, а я состроила гримасу и показала язык его спине.

И лишь в комнате наверху до меня дошло, что «брат» прекрасно меня видел в отражении стекла!

ГЛАВА 13. Черный и Белый Архив

Над островом снова бушевала непогода. Потоки дождя змеились по стеклу, незваным гостем стучал в окно ветер. И мне не спалось.

Самое смешное, что в глубине души я была согласна с Кристианом в отношении Ардены. Судя по всему, этой богачке не помешала бы небольшая порка! Вот только подставлять для наказания свою шкуру и отвечать за грехи Ардены я категорически не желала.

Не потому ли хитрая бестия и затеяла подмену? Чем больше я узнавала о госпоже Левингстон, тем сильнее сомневалась в правдивости ее слов.

Вот только теперь Ардена Левингстон — это я. И быть ею становится все труднее.

Расстроенная, я подергала себя за пряди золотых волос, покосилась на закрытую дверь. Вытащила ножницы и подрезала кончики. Все-таки столь длинные локоны — сущее наказание!

Потом переоделась в сорочку и дважды обошла против часовой стрелки комнату, потрясла занавесками и покрывалом, чтобы изгнать призрачных шутих, которые насылают кошмары и бессонницу. Но и этот привычный с детства ритуал не помогал. Стоило закрыть глаза — и мне чудился бирюзовый взгляд и черная форма с ремнями, скрещивающимися на груди...

И тут же образ темнел, наливался сумраком, а на его место вставал другой — из прошлого. И бирюзовый взгляд заменялся рыжим...

... В детстве Башмак был тощим, хмурым и неразговорчивым. Вечно сидел в углу, прятал на ночь свои огромные башмаки, доставшиеся от отца и

бережно хранимые, несмотря на давно стоптанные подошвы. А одним летом вдруг как-то вытянулся и возмужал, превратившись из тощего подростка в молодого парня. И весьма привлекательного, что странно. Даже наша признанная красавица — Корочка от Сыра или просто Сырок — засматривалась на парня. Раздобыла где-то розовую краску, мазала губы, томно вздыхала. И тем удивительнее было, что Башмак не обращал на девчонку никакого внимания. Не замечал ни ее волосы цвета топленого молока, ни ее золотистую кожу. Ни даже таких сочных подкрашенных губ. И все потому, что Башмак смотрел в другую сторону. В мою.

И это было странно. Ведь у меня не было ни светлых волос, ни красок... Лишь глаза — штормовые, как говорил Ржавчина. И непонятно, почему Башмак вечно торчал на моей дороге, краснел и таскал украдкой подарки. То гладкий камушек, то голубые в крапинку птичьи яйца, то ромашки... Я подношения не брала и убегала. Приютские шептались и делали ставки. Ржавчина хмурился, и его ржавые глаза темнели. А как-то Башмак подкараулил меня возле заброшенного корпуса и, неловко прижав к себе, поцеловал. Я оторопела, застыла. Чужой рот ощущался слишком странно, я никак не могла понять — нравится мне поцелуй или нет.

А когда Башмак отстранился — покрасневший и довольный — я подняла голову. И увидела другой взгляд — темно-рыжий. Ржавчина сидел на полуразрушенной крыше и смотрел на нас. Я тогда сбежала. А утром Башмак пропал. Приютские шептались о разном, настоятели организовали поиск, но все напрасно. Вокруг Лурдена тянулись леса и болота, топи начинались сразу за отстойником, совсем рядом с приютом. Решили, что Башмак забрел в трясину и утонул. А еще косились на Ржавчину и замолкали, когда он появлялся.

Мой друг молчал, лишь рыжина его глаз наконец посветлела...

А потом он принес тот нож и вырезал на мне рисунок. Бок горел огнем, Ржавчина бледнел и кусал губы. «Прости... Так нужно. Теперь ты всегда будешь помнить обо мне. Прости...»

Я не верила в волшебный нож, откуда бы ему взяться у приютского выкормыша? Но молчала и позволяла Ржавчине делать тот рисунок. Если так ему будет спокойнее, если это прогонит тьму — пусть.

Закончив, парень выдохнул и вдруг скользнул губами по моей щеке. Шее. Ключице. Жаркое и влажное скольжение, тяжелое дыхание. Горячие ладони, напряженное тело, вжимающееся в мое... Возбуждение молодого мужчины, незнакомое мне и слегка пугающее...

«Первый поцелуй должен был быть моим, Вивьен, — и шепот — злой, обжигающий. — Моим, понимаешь?»

«Не называй имя, — отвечаю я. — Не то змеевы дети услышат и заберут меня...»

«Никто и никогда не заберет тебя у меня, — еще злее говорит он. — Никто. Никогда!»

Он дышит слишком тяжело. И мне хочется его успокоить, погасить эту злость, это отчаяние, которое поселилось в моем друге. Я хочу, чтобы он был счастлив... Я обнимаю его, глажу напряженную спину, провожу рукой по груди. Пальцы становятся мокрыми. И Ржавчина тихо стонет.

Со страхом я дергаю его серую рубаху, поднимаю, несмотря на сопротивление парня. И вижу кровавую корку, покрывающую его ребра. Она складывается в замысловатый рисунок, такой же, как у меня. Только этот больше в три раза...

«Рисунок должен быть парным», — криво улыбается Ржавчина.

И снова трогает губами мою шею, ключицу, щеку... почему-то не губы. Словно все еще не может простить чужое прикосновение к ним...

... Утром непогода все еще бушевала, но это не помешало неугомонному «брату» разбудить меня на пробежку! Правда, на это раз я открыла глаза, едва он толкнул дверь, так что орать «подъем!» не понадобилось. За ночь заметно похолодало, брусчатка покрылась инеем.

— До конюшен, — мрачно скомандовал Кристиан и сорвался с места.

Я припустила следом. Но как ни старалась, догнать «брата» так и не смогла! Крис ни разу не обернулся, а вскоре и вовсе скрылся из вида. Так что когда я, тяжело дыша, достигла вождельных конюшен, февр уже набирал воду в колодце.

— Ты меня обманул! — возмутилась я. — Ты быстрее! Гораздо быстрее!

Он с какой-то злостью оттянул ворот свитера. На ключице темнел рисунок — черный вихрь, хвостом извивающийся по шее.

— Это Дар, — процедил Кристиан. — Ты ведь хотела знать о моих Дарах, не так ли? Много лет назад я вынес из Мертвомира изогнутую спицу с намотанной на нее грязной веревкой. Это дало мне скорость вихря.

Я смотрела на черный рисунок, на загорелые пальцы, держащие край свитера. Сглотнула и резко отвела взгляд.

Кристиан втянул воздух и как-то яростно щелкнул застежкой на своем браслете. Закрыл.

— Ты мне соврал, — пробормотала я.

— Видимо, привычка лгать — наша семейная черта, — грубо бросил он и побежал обратно к дому.

Я посмотрела ему вслед. Мне хотелось спросить, почему он столько лет живет на острове, почему попал сюда так рано. Десять лет! Ему было десять, когда он

попал в Двериндариум. А во сколько он открыл Дверь? Мертвомир убивает, ребенку в нем не выжить.

Что же случилось в прошлом семьи Левингстон? И какого гнусного семейного скелета спрятала от меня Ардена?

Я — исключение, сказал Крис.

Мне хотелось спросить, но конечно, я не стала этого делать.

Похоже, наше краткое перемирие закончилось.

* * *

День покатился своим чередом.

Накануне я совершенно забыла о задании наставника Бладвина, за что и получила штрафную звезду. Наберется таких с десятков — и ученик, несмотря на внесенную плату, может оказаться за пределами Двериндариума. Так что этим вечером мне предстояло написать слово «мертвое» тысячу раз. И больше всего меня теперь беспокоило, сумею ли я досчитать до тысячи. Счетосложение всегда вызывало у меня затруднения.

Главной новостью дня стал «Список Двери». Нам раздали листы, на которых была обозначена очередность, с которой ученики войдут в Мертвомир. Первым значился Киар Аскелан, что вызвало косые, но понимающие взгляды. Что ни говори, но лорд колючего Архипелага был сильнее нас всех. Второй — к моему удивлению — оказалась я. Но из-за штрафной звезды мое место опускалось ниже и вместо меня после северного лорда Дверь откроет его сестра.

Рейна торжествующе улыбнулась, а я лишь пожала плечами, не желая показывать, что расстроена. Проклятое задание, и как я могла о нем забыть? Все из-

за Криса и клятых пирожных, от которых меня мутило всю ночь!

Теперь мой номер в списке был третьим. Четвертым значился Ринг, потом Альф, за ним — Итан. Дальше Майлз, Ливентия и в самом конце — Мелания. Послушница сидела, едва сдерживая слезы. И дураку ясно, что чем дальше по списку, тем меньше шансов найти стоящий Дар.

Вот только расстановка могла измениться из-за штрафных звезд, как случилось со мной. Каждая звезда опускала ученика ниже по списку, поднимая его последователя.

Долго размышлять над списком нам не дали, снова завалив новыми сведениями.

Сегодня мы изучали Дары, способные наделить человека знанием. Пытались разобраться, какие Дары опасны, а какие полезны. Но к концу урока все лишь больше запутывались и мрачнели. На каждое правило существовала такая куча исключений, что вскоре я вывела для себя единственное полезное правило, которое можно было обозначить так — «никаких правил»! Хватай и беги — вот и вся наука! И нечего нам головы морочить ненужной болтовней и бесконечными классификациями! Любой мусор, вынесенный из Мертвомира, мог даровать что угодно, вариантов было так много, что у меня устала рука все это записывать. Любой Дар мог оказаться пустышкой, свести с ума или стать невероятно полезным. К счастью для людей, первые два варианта все же случались значительно реже третьего!

Классификация возможных знаний была столь обширной и запутанной, что у меня разболелась голова. Да и какой смысл изучать их все, вот получу свой Дар, там и разберусь, к чему его применить!

Похоже, к подобным мыслям пришли все ученики, потому что под конец занятия многие начали

переглядываться и даже перешептываться, плюнув на записи. А когда наставник Бладвин дал задание на вечер и отпустил, многие вздохнули с облегчением.

Словно в противовес вчерашней тренировке, сегодняшняя оказалась легкой и спокойной. До самого вечера мы учились определять по теням время и направление. Занятие снова вел февр с мышиными глазами, что ужасно расстроило Ливентию. Последняя смотрела на меня недовольно, но молчала. Пока.

А когда нас отпустили по домам, я юркнула в коридор Вестхольда раньше остальных. Уже несколько дней мне не давали покоя слова наставника Бладвина. Так что, поразмыслив, я все же решилась найти Архивы Двериндариума. Дорогу подсказал проходящий мимо февр. Я прошла узкими коридорами, больше похожими на лаз, пробежала по открытой галерее, которую заливал холодный дождь, и очутилась в южной башне замка. Именно в ней располагалась самая знаменитая библиотека империи. От волнения вдруг похолодели ладони, и я потеряла их о ткань мундира. Даже книжный магазинчик вдовы Фитцильям вызывал у меня трепет и волнение, а здесь целый архив! Вернее, целых два архива! Белый, хранящий все знания об искусствах и Дарах, материках и океанах, творцах и двери-асах, о Божественном Привратнике и его учениках, об их чудесах и достижениях, о великих королях и мудрых императорах. И Черный, надежно оберегающий память о войнах и легионерах, завоеваниях и боях, тайных обществах, эпохе Безмолвных Людей, Бестиарии и даже, говорят, проклятых ренегатах и их ужасном Ордене... Тех, о ком нельзя говорить вслух, ведь их существование — вызов императору и самому Двериндариуму. А сам разговор об этих проклятых приравнивается к преступлению против короны.

Правда, меня сейчас волновали не тайны прошлого или настоящего, я пришла в башню Вестхольда, чтобы

задать один-единственный вопрос.

И потому снова вытерев руки, я толкнула огромную дверь и вошла. Поморгала, привыкая к свету, осмотрелась. И ахнула! Сколько хватало взгляда, тянулись полки. Они обвивали стены кольцевыми галереями, громоздились стеллажами, взлетали невероятными застекленными конструкциями. Сколько же здесь было книг! Фолианты, талмуды, свитки! Множество лесенок карабкалось и громоздилось вдоль полок, соединялось узкими и длинными площадками, а потом они ползли выше — до самого потолка. И какой это был потолок! Купол! В его центре сверкало круглое окно-сердцевина, затянутое граненым хрусталем. А вокруг, подобно невиданному цветку, расположились бесчисленные зеркальные «лепестки», бережно собирающие дневной свет. Поток лучей стекал вниз — на белый мраморный пол и каменный свиток, возвышающийся на прозрачном стеклянном постаменте. Мастерство двери-аса, сотворившего эту красоту, было столь велико, что создавало иллюзию парения в воздухе. Словно мраморный лист завис над полом и вот-вот улетит к куполу вместе с высеченными на нем словами... Дар. Память. Вечность.

Я никогда не видела ничего прекраснее Белого Архива Двериндариума. Перевела ошеломленный взгляд ниже.

Передо мной был уютный зал, заполненный массивными столами из полированного дерева, бархатными креслами и торшерами, льющими мягкий желтый свет. Здесь сидели февры и ученики, кто-то занимался, кто-то просто отдыхал.

Я несмело шагнула к ближайшему креслу.

— Простите... я ищу Харди Дэффа. Вы не знаете, где я могу его...

— В Черном Архиве, — прошептал парень, оторвавшись от своей книги. — Это вниз.

Вниз?

К моему изумлению, ступеньки вели не только к потолку. Они стекали каменными порогами в глубину, куда-то в подземелье этого невероятного места.

Но если Белый Архив казался сотворенным рукой самого Великого Привратника, то Черный наводил на мысли о Двуликом Змее и Бездне, в которой он живет.

Спускаться пришлось долго. Белый Архив со всем его сияющим великолепием остался где-то наверху. Здесь же тянуло сухим холодом, а черные камни светились призрачным голубым сиянием. Похоже, архивариусы прошлого сделали все, чтобы еще на подходе отбить желание копаться в тайнах империи. Когда из тьмы показался широкий зал и мне навстречу шагнуло чудовище в черном балахоне, я едва удержалась от желания либо завопить, либо двинуть чудовищу в зубы.

Но тут страшилище сделало шаг в круг света и оказалось обычным косматым стариком, одетым в старомодный длиннополый мундир. Седые космы архивариуса всклокоченным облаком лежали на голове, а на носу блестели красные стекла пенсе, принятые мною за кровавые глаза.

— Ух ты, девица, — сипло пробормотал старик, вытащил огромный клетчатый платок и шумно высморкался. — Сырость замучила! Кости ломит, и в носу свербит! Спасу нет!

— Может, вам стоит обратиться к врачевательнице? — осторожно предположила я. — За какой-нибудь настойкой?

— Какой еще врачевательнице? — подозрительно прищурился архивариус.

— Леди Куартис.

— Куартис, Куартис, — забормотал он. — Свен Куартис — мертв, Фильд Куартис — мертв, Глен Куартис

— уж пару веков как мертв, Эльза Куартис... Брендон Куартис...

— Саманта Куартис, — подсказала я.

— Ах, эта... — Харди Дэфф, а это, несомненно, был он, пошамкал губами. И улыбнулся. — Живехонькая коза!

И вдруг замахнулся на меня кривой палкой-клюкой.

— Не пойду я никуда, чего пристала? Думаешь, не знаю, чего там наверху? Здесь буду, никуда не пойду, не заставишь!

— А что там, наверху? — несколько ошарашенно спросила я.

— Она! — старик поднял вверх не слишком чистый палец. — Дверь! Заманят в нее, будешь потом, как я! Здесь сиди. Здесь их нет.

— Кого?

— Их. Сюда не сунутся, змеюки! Знаки вон!

Я опустила взгляд на пол. Камни оказались исчерчены непонятными символами и письменами. А вокруг стола архивариуса, где горела лампа и лежала огромная книга, вился охранный круг со множеством букв и загадочных знаков.

Я потопталась, понимая, что разум господина Дэффа и правда помутился, как и говорил наставник Бладвин. Верно, в архиве его держат лишь из жалости. Вряд ли сумасшедший архивариус мог принести какую-то реальную пользу. И с одной стороны — я испытала облегчение, все же беспокоилась, как бы старик не обнаружил во мне самозванку, а с другой — поняла, что общение с этим странным господином теперь сильно затрудняется.

Харди Дэфф проковылял к своему месту и упал в кресло. Я осторожно шагнула следом.

— Господин Дэфф, у меня к вам вопрос...

— Не пойду!

— И не надо. Я лишь хотела спросить...

— И ты не ходи, — буркнул сумасшедший. — Беда ведь будет! Дары, говорят они... врут! Все врут! Поняла? Нельзя! Я им тоже говорю — нельзя, а они... Змеюки! Тут сиди. Тут знаки!

— Вы, конечно, правы, — я решила не спорить с сумасшедшим. — Но я пришла, чтобы узнать...

— Харди Дэфф знает правду!

— Конечно-конечно, — успокоила я архивариуса. — Я потому и пришла. Вы ведь знаете имена всех живых и мертвых. Всех! Я назову вам имя... Одно имя. Скажите, жив ли этот человек?

Помолчала, внезапно испугавшись. Что будет, если Ржавчина мертв? Мотнула головой, впила ногти в ладони. И произнесла:

— Дэйв Норман. Он... жив?

Старик пошамкал губами.

— Нету такого.

— То есть как это — нету? — опешила я. — Дэйв Норман! Ржавчина! Поищите его! Он должен быть!

— Нету, сказал! — отрезал архивариус. — Я никогда не ошибаюсь! Есть Авгурс Норман — живой пока, есть Дэйв, почивший до моего рождения. А того, о ком ты спрашиваешь — нет. Ни среди живых, ни среди мертвых.

— Вы что-то перепутали. Он должен где-то быть! — убежденно произнесла я. Неужели я могла неверно назвать имя Ржавчины? Нет, это невозможно. Приютские дети не называют имен, но мы их знаем. Конечно, знаем. И я не могла спутать имя, которое значило для меня так много!

Наверняка, старик ошибается! И как он вообще понимает, о ком я спрашиваю?

— Хорошо. Иви-Арден Левингстон? — выдохнула я.

— Живехонькая коза.

— Тео Брик?

— Мертв. Скоро пяток лет, как почил.

Я потерла грудь, в которой что-то заняло. Башмак... а ведь я наделась, что он и правда сбежал и сейчас живет где-нибудь в столице...

— Хромоножка Китти... Ну то есть... Кейт Беккер.

— Нету такой, — снова рассердился старик. — Ты что мне голову морочишь? Нету такой! Нигде нету!

— Люк Фармер! — почти выкрикнула я имя Плесени.

— Нету! Нигде нету! Пошла вон!

— Слай Брукс!

— Кыш отсюда!

— Аманда Крамер!

— Нету! Убирайся!

— Дэйв Норман!

— Про-о-очь!!!

Клюка взлетела, угрожая опуститься на мою голову, и я вылетела из Черного Архива. Вихрем пронеслась по ступенькам, перепрыгивая через одну, миновала общий зал и вывалилась в коридор.

И только тут сползла по стене и уселась прямо на пол, пытаясь отдышаться. Мысли неслись галопом, сердце стучало сумасшедшим барабанным боем! Что мне теперь делать? Что случилось с Ржавчиной и остальными? Почему Харди Дэфф не смог найти их среди живых или мертвых? Как это понимать?

Может, Дар старика просто сломался? От времени? Может ли вообще Дар сломаться?

Нет, сумасшедший точно что-то напутал! Как он вообще понимает, о ком речь? Мало ли какого Дэйва я ищу... Нету! Не может такого быть!

Но тогда почему он верно определил в мир живых Ардену и госпожу Куартис?

Сидя на полу, я расстроено потерла лоб. Что мне теперь делать?

Додумать не успела, потому что на меня упала чья-то тень. Подняв взгляд, я увидела Ринга.

Парень рассматривал меня с интересом, темные глаза насмешливо блеснули.

— Удобная стена, Золотинка? — усмехнулся он. — А я думал, богачки вроде тебя предпочитают парчовые диваны.

— Тебе вообще не стоит думать о богачках вроде меня, — огрызнулась я.

— Ой ли? — хмыкнул гигант.

— Что тебе надо? Иди, куда шел!

— Так я к тебе и шел. Поболтать хотел.

— О чем? — я попыталась высокомерно задрать нос, как делала Ардена. Но обнаружила, что сидя на полу это сделать сложно. Особенно, когда рядом возвышается такой здоровяк, как Ринг.

Парень снова хмыкнул, оглядел пустой коридор и присел на корточки. Но даже в таком положении казался горой.

— Будь осторожна, Золотинка, — уронил он. — Коридоры в этом замке темные, разное случиться может. Теперь каждый за себя, а ты... быстрая. И Дверь можешь открыть много раз, по праву старшего рода. Не всем это по нраву. Кто-то точно захочет войти раньше тебя.

Я нахмурилась, глядя в темные глаза Ринга.

— С чего бы тебе заботиться о моей безопасности? Денег хочешь?

— Денег?

Ринг коротко хохотнул.

— Вряд ли ты бывала в Эхверском Ущелье, Золотинка. Там богачек не водится, одни каторжники да их дети... Шахты там, рудники. Мало кому везет. А мне вот повезло, знаешь. — Он снова хохотнул, только с какой-то злостью. Сунул руку в карман, вытащил кулак. И неожиданно взяв мою руку, высыпал на ладонь... пять мелких сине-зеленых камушков. — Знаешь, что это? — Ринг равнодушно глянул на искристые капли. — То, что

богачки так любят носить на своих белых шеях и тонких пальцах. Камушки эти. Дорогие они. Дороже жизнью ссыльных и каторжников. У меня их полно. Так что — нет, монеты мне не нужны, Золотинка.

— Тогда почему предупредил? — тихо спросила я. Протянула руку, возвращая самоцветы Рингу. Он хмыкнул и равнодушно кинул камни в карман.

— Любопытный я. Вот все думаю, кто ж такую ладную Золотинку научил приемам отбросов и отщепенцев. Это ты благородным феврам можешь сказки рассказывать, крошка. А у меня глаза есть. Кто видел драку без правил, тот ее ни с чем не спутает. Вот и любопытно мне. Очень любопытно. Расскажешь, Золотинка?

Парень криво улыбнулся и поднялся. Глянул с высоты своего гигантского роста.

— И вот еще. Слухи ходят. Что ты с Альфом. Что целовалась с ним, и остальное — тоже. И ни слова о том, как ты ему двинула. Врет кто-то.

Я кивнула — еще как врет. Брешет даже!

Ринг развернулся, сунул руки в карманы и, насвистывая уличный мотивчик, удалился. Я тоже поднялась. Но на этот раз, прежде чем войти в темноту коридоров, внимательно осмотрелась.

Что-то происходящее в Вестхольде нравилось мне все меньше.

ГЛАВА 14. Букет для распутницы

Словно извиняясь за грядущие холода, осень свернула знамена ненастья и отступила в сторону гор и ущелий, возвращая на землю летнее тепло.

Умытый дождями остров сиял брусчаткой и красными крышами домов, заплетающие стены плющ и вьюнок шелестели влажными листьями. Сквозь камни мостовых даже полезли робкие травинки, обманувшиеся поздним солнцем и спутавшие осень с весной.

Остров одуряюще вкусно пах яблоками. Оказывается, за оранжереей начинался огромный яблоневый сад и в нем как раз начался сбор урожая. Сочный аромат щекотал ноздри и кружил голову. Силва каждый день приносила в дом целую корзину спелых наливных плодов, которые я с удовольствием уминала.

Это был Последний Вдох Лета, его прощание.

В нашем доме установился нейтралитет.

Кристиан делал вид, что меня не существует, я старалась эту иллюзию не разрушать. Мы по-прежнему вместе бегали по утрам, но молча. Все мои попытки завести разговор разбивались об ледяную стену неприязни «брата». Впрочем, я не слишком старалась, понимая, что чем меньше мы с февром будем общаться, тем мне же лучше.

Зато Крис вернулся в качестве нашего наставника, отчего Ливентия внезапно полюбила тренировки. На пробежку и спарринги красавица являлась теперь в таком виде, что наши парни лишь вздыхали. Лоб девушки прикрывала ажурная сеточка, блестящие локоны перевивало кружево и золотые нити. На

изящной шейке красовался жемчуг, а на мундире всегда поблескивали броши. Их у Ливентии оказалась целая коллекция — драгоценные цветы, стрекозы и бабочки, которые теперь порхали по жесткой форме. Удивительно, но во всем этом великолепии Ливентия выглядела потрясающе гармонично и роскошно. Ей шел блеск самоцветов, он подчеркивал смуглую кожу южанки и яркие темные глаза.

Но к огорчению Ливентии, все это великолепие совершенно не трогало Кристиана.

После нашей ссоры февр старался вообще не смотреть в мою сторону.

Хотя я часто ощущала его взгляд. Когда делала в гостиной домашние задания, когда склонялась над книгой и хрустела яблоком, когда отрабатывала бег или прыжки, когда сидела на ступеньках Вестхольда с Меланией, Ливентией или Итаном. И этот взгляд был тяжелый, пристальный. Какой-то... ждущий. Но разбираться в поступках февра у меня не было ни сил, ни желания. «Список Двери» не давал расслабиться ни на минуту. Каждый день приближал учеников к вожделенному событию, и все наши мысли поглощал Мертвомир.

И штрафные звезды, из-за которых список менялся почти ежедневно.

Тренировки стали жестче, теперь все отстающие тоже получали штрафы и сползали вниз по списку. Поэтому я отбросила маску изнеженной богачки и взялась за дело всерьез.

Каждый день мы бегали вокруг Вестхольда, до яблоневого сада и обратно, прыгали, подтягивались и даже отжимались, что вызывало стоны у Ливентии и насмешки у парней.

Ко всеобщему удивлению, Мелания показывала совсем неплохие результаты, к тому же, она оказалась

самой прилежной ученицей и вскоре даже оказалась на шестом месте списка.

— Это Святая Ингрид! — радостно воскликнула послушница, когда на доске в лекторной появился обновленный Список. — Святая дает мне силы!

К сожалению, на следующий день ее святая, видимо, отлучилась, и кто-то насыпал в ботинки Мелании битое стекло, так что во время бега послушница изранила ноги и отстала. Ну и как следствие — скатилась вниз списка.

Наставники не принимали никаких оправданий.

Как и Мертвомир — говорили они.

Хлюпающую носом Меланию я отвела к врачевательнице.

— Не реви! Мы найдем змея, который это сделал, и оторвем ему... что-нибудь важное!

— Я буду молиться, чтобы святая Ингрид образумила заблудшую душу, — прошептала Мелания, а я скептически фыркнула. Лучше дать обидчику в нос, это гораздо действеннее молитв. Но спорить, конечно, не стала.

Так продолжалось, пока не появился букет. Проклятый букет!

Утром я спустилась в гостиную, на ходу заплетая волосы. Кристиан уже был внизу, расставлял на столе чашки. Правда, самые обыкновенные, не душевные. Но мне нравились эти краткие минуты единения, когда Крис ставил на огонь чайник, а я вытаскивала из плетенки свежую сдобу.

Февр по утрам пил черный и горький, как древесная кора, кофейный напиток. Из любопытства я тайком лизнула вкусно пахнувшие зернышки и скривилась от ядреного вкуса. Как можно пить эту гадость, так и не поняла, но запах мне понравился. Сама же я

предпочитала сладкий чай, щедро сдобренный взбитыми сливками.

Глядя, как я кладу в чашку полную ложку ванильного сахара, Крис хмыкнул. А потом вдруг подвинул ко мне корзинку со сладостями.

Я осторожно взяла ватрушку, обсыпанную корицей, и несмело улыбнулась февру. Наши взгляды встретились.

— А я думал, ты теперь и смотреть не сможешь на сладости.

— Вот еще! — фыркнула я.

Ароматы кофе и корицы смешались, закружили водоворотом. Я так и сидела с булочкой в руке, пока взгляд Кристиана исследовал мое лицо. Глаза, нос, губы...

— Ты испачкалась сливками, Иви, — тихо сказал он. Потянулся и провел большим пальцем по моим губам. Так мягко...

И тут в дверь постучали.

— Для госпожи Левингстон, — сказал пожилой подслеповатый прислужник, протягивая мне огромный букет красных роз. Даже не красных — бордовых! Одна единственная белая астра казалась одинокой среди колючих красавиц. Длинные стебли закрывал лист папоротника и обвивала золотая лента.

Я в жизни не видела такого букета и уж точно мне никогда ничего подобного не дарили. Поэтому я застыла, не зная, как реагировать на подобную красоту.

— Это мне? — опомнилась я.

— Вам, госпожа! — посыльный поклонился и ушел.

Я же повернулась к странно молчавшему «брату». Он рассматривал букет с таким видом, что захотелось бросить цветы вслед посыльному. Лицо Кристиана стало жестким.

— Какое откровенное послание, — произнес он, прищурившись. — Надеюсь, ты хотя бы знаешь, от кого

оно.

— Понятия не имею, — честно сказала я.

И попятилась, потому что взгляд Кристиана стал еще злее.

— У тебя так много... м-м... поклонников, что ты сбилась со счета, Иви? Впрочем, я не удивлен.

Закинул на спину идары и ушел, хлопнув дверью.

Я потопталась, размышляя, отчего «брат» снова взбесился. Подумаешь, букет!

Однако все оказалось не так просто. Перед занятиями я оттащила в сторонку Ливентию.

— Ты ведь знаешь язык цветов? Что означают бордовые розы?

Красавица изумленно ахнула, ее темные глаза зажглись горячим любопытством.

— Иви, тебе прислали розы? О, Великий Привратник! Какой скандал! И как ты могла забыть значение цветов, это знают все девушки! Насколько темными были бутоны?

— Почти черные, — нахмурились я. — А еще одинокая белая астра, лист папоротника и золотая лента. Что это значит?

Ливентия ахнула и прикрыла рот ладонью. И мне происходящее ужасно не понравилось!

— Иви, но это... вот же гад! Невероятно! Это Альф? Ты позволишь мне увидеть букет? Какой вопиющий... кошмар!

— Ливентия! — я встряхнула девушку. — Что. Это. Значит?

— Благодарю за жаркую встречу. Ты свела меня с ума. Я жду продолжения и думаю только о нем! — выпалила девушка и покраснела. — Иви, такие букеты дарят лишь... распутницам. Или любовницам из неблагородных девиц. Это ужасно неприлично! Это оскорбление! Если твой брат это увидит... ох!

— Он уже видел, — мрачно протянула я. С досадой дернула себя за кончик хвоста. Какая же сволочь прислала мне цветы? Альф, больше некому. Мстит за пощечину, мерзавец!

Я застонала. Двуликий Змей! Нет, я это так не оставлю! Найду эту зеленоглазую сволочь и засуну букет ему в зубы! Гад!

— Иви! Вспомни о штрафных звездах! — правильно расценила мой взгляд Ливентия. — Наставник Бладвин сказал, что пятерка лучших откроет Дверь уже в конце месяца. Совсем скоро! Если ты затеешь скандал, то получишь штраф.

К сожалению, она была права. К моей звезде уже прибавилось еще две — за невыполненные домашние задания. Я запуталась в сложной терминологии, попросту не понимая значения некоторых слов, а спросить было не у кого. Не могла же я признаться в собственном невежестве! Несколько раз я заходила в Белый Архив, пытаюсь восполнить пробелы в своих знаниях, но у меня было слишком мало времени. И слишком большие пробелы! Так что пришлось сделать вид, что я просто забыла выполнить задания. За что наставник Бладвин меня и «наградил».

И менее всего я желала получить дополнительные штрафы.

— Ладно, поговорю с Альфом после уроков, — смирилась я.

Теоретической части у нас сегодня не было, лишь практика у Кристиана.

Перед тренировкой я как обычно вошла в уборную, но вот выйти не сумела. Кто-то подпер дверь намертво, и пока я пыталась выбраться, начались занятия. К счастью, в уборной было узкое окно, ведущее в закрытый внутренний двор. Пришлось карабкаться через забор, обдирая ладони и проклиная «друзей».

Вот только когда я влетела в зал тренировок — запыхавшаяся и злая, как целая свора диких псов, ученики уже закончили разминку и разбились для спарринга. А Кристиан ледяным тоном объявил, что за опоздание я получаю штрафную звезду!

— Но я не виновата! Я...

Быстрым взглядом окинула зал, пытаюсь вычислить обидчика. Но увы, все были заняты делом и выглядели примерными учениками, сосредоточенными лишь на тренировке.

Все, кроме Альфа. Потому что этого гада вообще в зале не оказалось! И хотя прилюдно красавчик ко мне не приближался, слухи о нас упорно витали под сводами Вестхольда.

Я прикусила щеку, чтобы сдержать эмоции.

Вот же гад! Надо врезать ему как следует на следующем спарринге!

— Внимательно вас слушаю, госпожа Левингстон, — протянул Кристиан, рассматривая меня. Как всегда собранный, подтянутый, невозмутимый.

Мне хотелось его треснуть, но я лишь выше подняла голову.

— Расскажите, что же заставило вас задержаться почти на час, а после явиться на урок в подобном виде?

Он презрительно кивнул на мои разлохмаченные волосы, помятую форму и искусанные губы. Кусала я их от злости, но со стороны явно казалось иначе! Вот же подлый змей!

Рейна насмешливо фыркнула, кто-то из парней присвистнул, остальные скрыли улыбки. И что же мне делать? При всех объяснять, что меня заперли в уборной? Звучит жалко, да и не поверят...

Злость заставила меня вздернуть подбородок и очаровательно улыбнуться.

— Извините, февр Стит, я потеряла счет времени.

— Ну надо же. Видимо, то, чем вы занимались, было увлекательнее нашего скучного урока. Две звезды.

Что?

Я задохнулась от такого несправедливого обвинения. Кристиан смотрел на меня с маской равнодушия на лице, но вот его глаза... Океан в них бушевал, топил корабли и губил прибрежные города...

Я выпрямилась и спрятала за спину ободранные ладони.

— Меня задержало непредвиденное обстоятельство, — четко проговорила я, не желая оправдываться.

— Видимо, эти непредвиденные обстоятельства для вас важнее уроков, — безразличие в голосе карателя могло бы стать новым оружием. Оно убивало. — Три звезды, Иви. Встань в пару с Меланией.

И отвернувшись, отошел.

Я подавилась негодованием. Хотелось метнуть в каменную спину Кристиана какой-нибудь тяжелый предмет, но тогда, боюсь, я мигом окажусь на последней строчке «Списка Двери».

Наставники не принимали никаких оправданий.

Но из-за шести штрафных звезд я не попадаю в пятерку лучших! А я ведь так старалась! Меня не покидало ощущение опасности, а желание открыть Дверь как можно скорее не давало спокойно спать. Надо получить хоть один Дар! Хотя бы один!

На занятия Альф так и не явился. Ну что же... После тренировки я задержалась в зале и незаметно стащила со стены нож, сунула в рукав. А после решительно направилась к выходу из замка, перебирая в памяти отрывочные сведения о наследнике Нордвигов. Как-то парень упоминал, что живет в Медвежьем Углу, в доме у старого дуба.

Неторопливо двинулась мимо увитых плющом стен и кустов можжевельника. Улица Медвежий Угол мало чем

отличалась от Соколиной Охоты — такие же аккуратные двухэтажные дома и чистый булыжник брусчатки. На углу скалилась довольно правдоподобная статуя медведя, стоящего на задних лапах. Его шерсть шевелилась от порывов ветра, желтые зубы поблескивали, а маленькие черные глазки, казалось, бдительно осматривают прохожих. Еще одна удивительная работа двери-аса, давшая название этой улице. Я шла быстро, отворачиваясь от случайных прохожих. Сгущались сумерки, и остров зажег фонари — чугунные бутоны на тонких ножках. Желтые круги света я пересекала быстрым шагом.

Огромный древний дуб на улице оказался лишь один, так что с адресом я не ошиблась. Но вот совсем не ожидала, что под могучими ветвями встречу Ливентию и испуганную Меланию, вцепившуюся в руку Итана. В десяти шагах с невозмутимым видом подпирал забор Ринг.

— Какого дохлого склирза вы тут забыли? — возмутилась я, ошарашенно рассматривая компанию.

— Мелания сказала, что тебе нужна помощь, — Итан покосился на бледную послушницу и вздохнул. На его лице явственно читалось выражение: «Прости, но я не смог от нее отбиться!»

— Ливентия рассказала про букет, — охнула послушница. — Иви, мы хотим помочь!

— Что? — изумилась я.

Ливентия пренебрежительно фыркнула.

— Вообще-то я здесь, чтобы исполнить роль твоей компаньонки из старшего рода, — южанка изящным жестом поправила одну из своих сверкающих брошей. — Напомню, что я единственная в этой дыре могу сделать подобное. Надеюсь, ты оценишь, Иви. А зачем притащились эти, — величественно-презрительный жест в сторону остальных, — понятия не имею.

— Мне не нужна никакая компаньонка!

— Ты собираешься войти в дом неженатого молодого мужчины. Это опасно для твоей репутации.

Я закатила глаза. Репутация! Настоящую Ардену она мало волновала!

— Мне не нужны сопровождающие. А вам не нужны штрафные звезды. Так что держитесь от меня подальше, — отрезала я и направилась к ступенькам дома.

— Тогда не более пяти минут, Иви! — строго приказала Ливентия, но я отмахнулась. И вздрогнула, когда дорогу преградил Ринг.

— Тот нож не очень, — громким шепотом оповестил здоровяк. — Туповат. Хочешь другой, Золотинка? Я сам точу, можешь не сомневаться.

Отодвинул полу мундира, и я увидела с десяток ножей на бедре парня. Воззрилась на ухмыляющегося гиганта. Великий Привратник! И зачем этому головорезу Дар? Он же и так ходячее оружие!

— Обойдусь, — пробормотала я. Обошла Ринга и без стука толкнула дверь.

Внутри царил полумрак. Я осторожно двинулась по мягкому ковру в глубину дома, мельком оглядывая дорожную мебель темного дерева и изящные светильники. По сравнению с домом Левингстонов здесь было гораздо роскошнее. Что ж, сейчас я повыщипываю перышки у птички из этой золотой клетки!

Бесшумно шагнула в гостиную, освещаемую лишь камином. Альф, ссутулившись, сидел на огромной белой шкуре перед огнем. Скользящий длинный шаг — и я за спиной парня. В последний момент он все же ощутил опасность, вздрогнул и отпрянул.

— Ардена? — изумился он. — Что... какого?!

Я толкнула Альфа на пол и прижала нож к его горлу.

— Ты окончательно свихнулась? — выдохнула он.

— Не смей присылать мне букеты! Не смей болтать обо мне! Не смей, понял?

Альф попытался встать, но я поставила колено на грудь парня и сильнее надавила на нож. В его зеленых глазах вспыхнула злость.

— Слезь с меня, чокнутая! — рявкнул он. — Да вы просто... ненормальные! Ты и твой брат! Я уже сказал ему, что ничего тебе не присылал! Ничего, поняла? Тем более подобного букета!

— Сказал Крису? — опешила я.

Альф болезненно поморщился. Не убирая лезвие от горла Альфа, я дернула вверх его свитер. Ребра парня покрывали сине-фиолетовые разводы.

— Это сделал Кристиан? — ахнула я.

— Честь Левингстонов превыше всего, — выразительно скривился Альф. — Да убери этот нож! Ты и раньше была ненормальной, а теперь, похоже, свихнулась окончательно!

Я мстительно ткнула кулаком в ушибы парня, отчего он согнулся.

— Змеево отродье! Радуйся, что я не бью девушек! Тебе не помешало бы хорошенько врезать!

Я отошла в сторону, благоразумно не убирая нож.

— Что ты сказал Кристиану?

Альф сел на диван, глянул хмуро. Потянулся к стакану с резко пахнущим пойлом, отпил.

— Что с красивыми девушками я предпочитаю веселье и наслаждение, а не ссоры! И что бы между нами ни произошло, мы оба принадлежим к старшему роду. Как ты могла подумать, что я пришлю тебе подобный букет? Да еще и в дом твоего чокнутого брата-карателя! Или назову тебя распутной девкой? Я что, похож на самоубийцу?

Не похож. Это я была вынуждена признать.

— А слухи?

Альф наградил меня злым взглядом.

— Ардена! Я не спорю, что ты мне нравишься. Ты очень красивая девушка. К тому же настолько порочная, что это лишает разума! — он плотоядно ухмыльнулся.

Эх, надо было двинуть ему сильнее!

— Но я не болтаю о своих увлечениях на каждом углу!

— Ты при всех назвал меня своей!

— Раньше тебе это нравилось! — рявкнул в ответ Альф. — Ты получала удовольствие от таких игр на грани дозволенного! Или за гранью! Двуликий Змей! Что с тобой случилось? Я не узнаю тебя!

По спине пробежал холодок, предупреждая об опасности.

— Люди меняются, — задрала я повыше нос. Главное — не паниковать! — К тому же рядом с Кристианом я не могу вести себя иначе. Мой брат помешан на семейной чести.

— Это точно, — Альф болезненно скривился, приложив ладонь к боку.

— Я думал, он меня убьет. И самое поганое, что у проклятых карателей есть право на убийство! Узаконенные палачи, чтоб их! А твоего надо держать в клетке, змеево отродье! Ты говорила, что он чудовище, зря я не верил. Мало того, что избил, так еще и вклеил штрафные звезды! Ничего. Однажды и я открою Дверь.

Альф оскалился, и мне стало не по себе. Вряд ли парень забудет сегодняшний день.

— Но если букет прислал не ты, то кто?

— Откуда я знаю? У тебя талант находить неприятности.

Я повернулась к двери. Похоже, парень не врет. Но если букет не от него, то от кого? Кто устроил мне такую подлость?

— Ардена, — окликнул Альф, поднимаясь. — Слушай, раз ты уже пришла, то мы могли бы освежить

наши воспоминания...

Он подмигнул, блеснул зеленый камушек в левом ухе.

Я молча вышла и закрыла за собой дверь.

— Уложились в пять минут, — торжественно заявила Ливентия. Остальные внимательно меня осмотрели, но не найдя ни ран, ни разорванного от страсти платья — поскущели.

— Иви, он признался? Это он назвал тебя... распутницей, прислав букет? — Мелания покраснела, похоже, даже слово «распутница» повергало послушницу в шок.

— Это не он, — задумчиво сказала я.

— А кто?

— Я не знаю.

— Кто-то решил опустить тебя по списку, вот и напакостил, — сказала Ливентия и с подозрением осмотрела остальных. — Может, это был ты, Ринг? А что, Иви как раз обогнала тебя по результатам.

— Цветочки, букетики, — проворчал парень. Подкинул на ладони нож и ловко поймал за лезвие. — Такими глупостями пусть девчонки развлекаются. У меня разговор короткий.

— Да уж, куда каторжнику до языка цветов, — презрительно протянула южанка.

— Я не каторжник! — оскалился Ринг, но Ливентия лишь поправила стрекозу на своем мундире.

Здоровяк прищурился.

— А вот ты, Конфетка, знаешь все об этих цветочках и бантиках. Так, может, сама и прислала подарок? А что? Бегаешь ты плохо, отжимаешься так, что можно кишки порвать от смеха! У тебя нет шансов попасть в пятерку лучших. А сделаешь несколько подлостей — и путь расчищен. Гадости как раз в духе таких, как ты, богачек!

— Да как ты смеешь? — от ярости Ливентия даже утратила свою южную смуглость. — Мне плевать на Список, я вообще не тороплюсь за Дверь! Я бы с удовольствием вернулась домой в Грандану, а не торчала тут с недоумками вроде тебя! Так что не смей обвинять меня!

— Ты не хочешь получить Дар? — изумилась Мелания.

— Да зачем он мне? У меня есть все, понимаете? Все! Самая лучшая жизнь, которую только можно представить! А Мертвомир — это жуткий риск! Можно вернуться оттуда уродиной, а можно вообще не вернуться! Если бы не проклятая повинность старшего рода, меня бы здесь не было! — вышла из себя красавица. Ее щеки покраснели, глаза полыхали, а грудь часто вздымалась в вырезе шелковой рубашки.

Ринг судорожно втянул воздух и отвернулся.

— Кто знает, что ты не врешь, — пробормотал он, не глядя на Ливентию.

— Катись ты в Змеево логово, Ринг, — высокомерно заявила красавица.

— Прекратите, — устало сказала я. — Так мы ничего не добьемся, только разругаемся. Однажды я узнаю, кто прислал букет, и этому человеку не поздоровится. Но я верю вам. Всем вам. Так что давайте на этом остановимся.

— Тогда, может, посидим в чайной? — предложил после всеобщего молчания Итан. — Там подают отличный напиток.

— Вашим обществом я сыта по горло, — заявила Ливентия. — Иви, твоя репутация не пострадала, так что я удаляюсь!

И, задрав свой красивый нос, грациозно двинулась прочь.

— А я согласен, — зло процедил Ринг. — Мелания, пойдешь с нами? Иви?

— Не сегодня, — покачала я головой.

Распроставшись, мы разошлись возле Вестхольда.

Кристиана дома не оказалось. Он частенько задерживался допоздна, а то и вовсе не приходил ночевать, а утром выглядел уставшим. Помимо обязанностей наставника у «брата» были обязательства февра. Их отряд поочередно дежурил на стенах Вестхольда, охраняя замок.

От тренировок ныли мышцы, так что я решила провести вечер так, как это делают богачки. В купальне дома была чудесная чугунная ванна, стоящая на львиных лапах. Но пока я лишь торопливо в ней мылась, не решаясь на большее. Но вот сегодня включила горячую воду, насыпала пенную соль и что-то ароматное из красивой стеклянной бутылочки. В приюте для омовения нам выдавали кусочек едкого и вонючего коричневого мыла, от которого чесалась кожа и щипали ссадины. Однажды Ржавчина притащил мне кусочек мыла — розовый, сладко пахнущий. Но я решила, что это конфета и сунула мыло в рот. Несколько дней у меня болел живот, а во рту было приторно-сладко.

Так что пока наполнялась чугунная чаша, я рассмотрела содержимое мраморной полки. Бутылочек на ней было немного, но в каждой содержалось нечто восхитительное.

Первой я взяла светло-зеленую баночку. Стоило коснуться стекла, и под моей ладонью расцвел нарисованный бутон жасмина. Внутри оказалось мыло с ароматом этого цветка. В розовой баночке с дрожащими влажными ягодками я нашла земляничное мыльное суфле. Обе емкости были заполнены до краев, в этом доме их никто не открывал. Но я выбрала другую бутылку. Она была квадратная и тяжелая, из темно-синего стекла. Под моими ладонями плавали огромные медузы и покачивался на волнах черный разбойничий фрегат. Присмотревшись, я даже увидела в стекле

развивающийся флаг и лихого улыбающегося капитана. Стоило перевернуть бутылку, и фрегат ушел в глубину, исчезнув со стекла. Изумительно... Под черной древесной пробкой витал запах свободы, опасности и океана... Запах Кристиана.

Раздевшись, я осторожно залезла в ванну. Вода и пена обняли мягким душистым коконом. Я восторженно ахнула и закрыла глаза. Клятый букет не давал покоя. Кто же мне напакостил? Впрочем, это мог быть кто угодно. Язык цветов не такая уж и тайна.

И почему мысль о том, что прямо из дома Крис отправился на «разговор» с Альфом, согревает не хуже пенной воды? Почему мне приятно это? Ведь февраль защищал не меня, он защищал честь Левингстонов.

И все же... Мне это понравилось.

От одной загадки мысли потекли к другой.

Может, мне стоит снова спуститься в Черный Архив? Вдруг на этот раз старик Дэфф окажется более вменяемым? Хотя стоило вспомнить кривую клюку, которую он норовил опустить на мою бедную голову, как становилось не по себе.

Ароматная вода убаюкивала, и я зевнула. Откинула голову на борт такой прекрасной чугунной ванны, поболтала ногами. Все-таки в таком времяпровождении есть удовольствие! Только вот спать хочется...

Снова зевнула и открыла глаза.

Возле двери стоял Кристиан.

Перепаханный с головы до ног грязью и глиной, взъерошенный, без мундира и в распахнутой рубашке. Похоже, у «брата» выдался тяжелый вечер. И он явно не ожидал увидеть здесь меня.

Ошарашенное выражение его лица сменилось чем-то иным. Крис втянул воздух и застыл. Его взгляд прошелся по моему лицу, коснулся прилипших к шее влажных прядок, тронул воду ниже. Мой же прилип к его рельефному животу и поднялся выше. С левой

стороны на груди февра темнел рисунок — звезда со множеством острых лучей. Еще один признак Дара? В придачу к вихрю на шее и колючим линиям на руке под браслетом? Какие способности он означает? Пока, кроме скорости, я не увидела в Кристиане ничего необычного!

Крис втянул воздух и швырнул на пол... красный бант. Наступил сапогом, оставляя грязный отпечаток. И шагнул ко мне.

— ЭТО я нашел привязанным к ручке входной двери. Каких еще подарков мне ждать, Иви?

— Да что я сделала?

— Темно-красный бант на входе — знак блудниц! — прорычал февр, склоняясь над ванной.

Я уловила запах кофе. Верно, Крис успел сделать глоток, прежде чем подняться в купальню.

— Но почему ты обвиняешь меня? Не я повязала на ручку этот бант! Меня просто пытаются подставить! — не выдержала я. — Ты что, не понимаешь? Дело не во мне, дело в штрафных звездах! Тебя намеренно выводят из себя! И благодаря твоей злости я теперь не попадаю в пятерку лучших! Проклятие! — я задохнулась от нахлынувших эмоций. Стерла мокрой рукой пену с лица. — Я ведь стараюсь! Учю, бегаю, тренируюсь! Я даже разобралась в этих клятых терминах и обозначениях! Неужели так сложно просто доверять мне?

— Ты сделала слишком много гадостей, чтобы говорить о доверии!

— Я изменилась! — крикнула я. — Ты меня совсем не знаешь!

— Разве?

Я ощущала его злость почти как прикосновение. Как ожог. Тщательно сдерживаемая ярость рвалась наружу, разрушая оболочку его сдержанности.

— Подумай сам, Крис! Все мое время занимает подготовка! Я ничего не знаю! Стой... я поняла! Надо найти посыльного, который принес букет! И узнать, кто заказал тот букет! Я говорю правду!

— Букет принес садовник из оранжереи, — процедил Кристиан. — Вчера вечером он получил записку и щедрое вознаграждение. Записка исчезла, возможно, старик ее просто выкинул. Или ее написали на бумаге, которая исчезает после прочтения.

— Ты уже все узнал? — изумилась я. — Вот видишь! Я тебе не вру!

— Ты делала это столько раз, что поверить слишком сложно, — он тяжело втянул воздух.

— Ты вклеил мне три штрафные звезды!

— Может, тебе стоит за это поблагодарить! — неожиданно рывкнул Кристиан, а я отшатнулась.

— Что? Благодарить? Но... — и вдруг поняла. — Ты не хочешь, чтобы я открыла Дверь? Не хочешь, чтобы получила Дар? Чего ты боишься? Может, беспокоишься, что я получу в Дар умение надирать зад засранцам вроде тебя?

Кристиан насмешливо улыбнулся.

— Ты не понимаешь, что тебе предстоит.

— Я отлично все понимаю! — яростно воскликнула я. Вода в ванной всколыхнулась от моего резкого движения. — Ты хочешь сказать, что штрафные звезды мне на пользу? Что я не готова войти в Мертвомир, ведь так? Ты просто эгоист, Кристиан!

— Я о тебе забочусь. Я даю тебе время на подготовку.

— Мне не нужна такая забота! Я стараюсь стать лучше, занимаюсь и тренируюсь, но ты ведь не веришь, что у меня получится, так? Ты не веришь.

Он нервно провел по волосам рукой.

— У отца снова был приступ. И если он узнает о новом скандале с твоим участием... Если ему станет

хуже... Я тебе этого никогда не прощу!

— Приступ? Поэтому ты такой... злой? С ним... с папой все в порядке?

— В прошлый раз тебе было наплевать, — скривился парень. — Ты даже не соизволила прислать письмо со словами поддержки.

— Ты прав, — тихо сказала я. — Иви-Арденa Левингстон всегда была... дрянью. И заслужила такое отношение. Но дай мне хоть один шанс, Кристиан!

Он жадно втянул воздух, неотрывно глядя в мои глаза. Оперся руками о бортики. Его пальцы побелели, а лицо оказалось слишком близко к моему.

— Я хочу тебе верить. Проклятие! Не знаю почему, но я хочу верить...

— Так верь! — отчаянно выдохнула я, подаваясь вперед. — Мне нужна твоя поддержка. Мне нужен брат!

— Брат?

Он на миг прикрыл глаза. Втянул воздух. Снова посмотрел на меня. Тяжело, темно. И под этим взглядом я с какой-то пугающей ясностью осознала, что сижу в воде, прикрытая лишь тающей пеной. И что Кристиан слишком близко. Если он еще немного наклонит голову, то коснется губами моей щеки. Или... губ.

— Выйди, — сипло пробормотала я.

— Не попросишь потереть тебе спинку? Побратски? — его вкрадчивый голос кольнул непривычной хрипотцой. И, несмотря на горячую воду, мое тело покрылось мурашками. Парень вдруг грубо выругался, отцепил руки от ванны, развернулся и стремительно вышел.

* * *

Зря я выпил целую кружку кофейного напитка. Сердце теперь стучит прямо в горле, а перед глазами

темнеет.

И надо бы поспать, потому что завтра снова моя очередь стоять на стене Вестхольда, но какой, к змею, сон! Даже находиться в этом доме невыносимо.

Рядом с ней — невыносимо.

Поэтому я отправился в «Волчью нору» и теперь тянул горькое пойло госпожи Бардуль. Десятилетия назад эта статная женщина тоже открыла Дверь, получив в Дар умение варить удивительный напиток, которому почему-то не нашлось достойного названия и все именовали его просто «пойло». Секрета этого ядреного напитка не знал никто. И для каждого оно имело свой вкус — самый любимый. Для меня пойло растекалось на языке все той же проклятой ежевикой, забродившей горечью бузины и почти неуловимой сладостью дикого меда. Этот напиток отключал разум, снимал напряжение и веселил. А наутро не оставлял никаких последствий, в отличие от обычного вина или эйса. И к счастью для всего Острова, госпожа Бардуль не покинула Двериндариум, а основала свою «Нору». Волчью нору для февров.

Над дверью в заведение поработал кто-то из местных, так что вход видели лишь те, кто уже побывал в Мертвомире. Неоперившимся птенчикам и щеголеватым студентам нечего делать в «Волчьей норе».

Здесь всегда висел сизый дым от чадающего камина и трубки госпожи Бардуль, пахло древесиной, можжевельником и копченым мясом. Мне здесь нравилось.

Говорить не хотелось, поэтому я лишь кивнул появившемуся в «Норе» Лаверну.

Правда, намеков приятель никогда не понимал. И потому уселся напротив, потребовав выпивку.

— Стит, разве ты не отправился домой, намереваясь хорошенько выспаться? — Лаверн поднял одну бровь,

изображая недоумение. Вторая осталась неподвижна, как и вся половина лица, и шрам, пересекающий ее. Рубец, оставленный когтем бестии, тянулся как раз от брови и до подбородка. Чудо, что глаз не пострадал.

— Передумал.

— Зря. Выглядишь ты неважно. И сон тебе явно нужен больше, чем пойло госпожи Бардуль.

Я промолчал, рассматривая ядреную черную жидкость в своей кружке.

— Слушай, я знаю, что ты не любишь изливать душу, но может, расскажешь? Что с тобой творится? Ты сам на себя не похож. — Лаверн сделал глоток, откашлялся. — Вот же вонючий змей! Хм... можно сказать, я о тебе беспокоюсь, Стит.

— Не стоит, — я покачал кружку, наблюдая расходящиеся круги.

— И все же, — Лаверн повторил мой трюк с кружкой. И посмотрел в упор. Его шрам побелел — верный признак волнения. — Я твой страж, Стит, ты помнишь? И если дело в Дарах...

— Дары здесь ни при чем, проверь, — усмехнулся я. — Расслабься, защитник. Проверь.

Еще мгновение страж всматривался в мое лицо. Потом кивнул и кинул на стол тяжелый железный перстень. Я накрыл его ладонью. А когда убрал, ничего не изменилось. Никакой плесени или бурого налета. Лаверн вздохнул с облегчением. Все же страж не имеет права верить на слово. Даже карателю, с которым он находится в связке.

— Дерьмо, приятель! — широко улыбнулся страж. — Ты меня напугал! Нет, правда! Последние дни ты почти не разговариваешь, все думаешь о чем-то. И ходишь с таким лицом, что к тебе страшно приближаться! Срываешься, злишься. Склирз, да я был почти уверен... Стит, не пугай меня так.

Лаверн залпом допил пойло и поднял руку, заказывая еще.

— Ладно, если дело не в Дарах и не в тварях, то остается лишь один вариант. Девушка. — Страж хмыкнул, увидев мой взгляд. — И кто же она? Ого! Неужели тебя так допекла сестричка? Семья! Вечно от нее одни неприятности! — быстро захмелевший Лаверн сокрушенно покачал головой.

А я вдруг задался вопросом, какой вкус у его пойла. Никогда этим не интересовался.

Лаверн хмыкнул:

— У меня три сестры и каждая способна довести до помешательства! Ненавижу возвращаться на Большую Землю. Так дело в сестре? Как же... Иви-Ардену.

— Иви, — против воли поправил я и снова уставился в свою кружку.

— Что она опять натворила?

— Ничего, — сквозь зубы процедил я. — Она просто... просто сводит меня с ума.

— Да уж...паршивая овца в семействе Левингстонов...

— Заткнись, — вырвалось у меня.

Лаверн снова поднял бровь. Покачал головой.

— Все хуже, чем я думал. Ты защищаешь ее. Но продолжаешь ненавидеть.

— Я не испытываю к ней ненависти.

— Брось, я же вижу. Понятно, что ты ее защищаешь, все же кровь — не вода...

... вода. Горячая вода, обнимающая стройное тело. Собирающаяся в ямках ключиц. Капающая с волос. Вода...Капли, стекающие по влажной коже.

— Ты злишься, и это нормально... Стит, тебе просто надо выпустить пар. Поверь своему стражу...

Пар... щекочет ноздри. Окутывает тело влажной пеленой. Вроде бы прячет, но на самом деле лишь

дразнит. Слишком эфемерная преграда. Слишком...

— ...слишком мало спишь. Тебе надо отдохнуть. И расслабиться...

... расслабить напряженное до дрожи тело. Отцепить пальцы от бортика проклятой ванны. Не смотреть. Не дышать. Не... думать.

— Ты — каратель...

— Я проклятый выродок, — откинул голову на спинку скамьи и на миг прикрыл глаза. Лаверн наконец заткнулся, ошеломленный моими словами. Жаль, ненадолго.

— Все мы не безгрешны, — протянул он, пожимая плечами. — Мы видели то, что другим снится лишь в кошмарах. Оберегаем границу. Порой трудно оставаться нормальным.

Он поднял кружку, словно провозгласил отменный тост, криво усмехнулся и допил пойло.

И снова ухмыльнулся.

— А-а, брось! К чему уныние? Думаю, тебе просто нужно наконец посмотреть в сторону Венди. Она второй год по тебе сохнет. Ну или обрати внимание на ту молодую прислужницу, склирз, вечно я забываю имена этих девчонок... А если не хочешь, можно сходить в дом с красным бантом, Лая очень искусна...

— Мне пора, — почти прорычал я. Клятый красный бант снова возвращал меня туда, куда я не хотел даже заглядывать. В мои поганые воспоминания, перепачканные погаными желаниями.

А ведь надо собраться. Найти того, кто повязал на дверь дома Левингстонов бордовую ленту, и того, кто прислал букет. Надо разобраться, только делать это лучше на трезвую голову. Сейчас она у меня почти ничего не соображает.

Хотя и так ясно, что это проделки идиотов-новобранцев. Все дело в «Списке Двери», Иви права, и я это понимаю. Наставники прекрасно знают о подлостях,

которые творят ученики. Но предпочитают не вмешиваться. Это все тоже часть испытания. Каждый должен научиться выживать, дружить или враждовать. Каждый должен оценить, чего стоит он, а чего — другие.

В пору моего обучения каверзы были гораздо серьезнее и опаснее, так что пока это лишь цветочки.

Но букет и бант — это оскорбление семьи Левингстонов, и я найду зачинщика. И подробно объясню ему, что означает наш семейный девиз: «Выше жизни».

Честь. Честь Левингстонов.

Правда, пока наглец, затеявший со мной игру, лидировал. Садовник ничего не знает, записка испарилась, и никто не видел человека, повязавшего на дверь красный бант.

Но я все равно его найду!

Положил на стол монеты и пошел к выходу.

— Выпись, как следует, Стит! — крикнул на прощание Лаверн.

За стенами «Норы» было влажно и холодно. Подняв воротник куртки, я двинулся вдоль улицы, вдыхая сырой можжевеловый запах и горькую соль Взморья. Ноги вязли в прибрежном песке — «Волчья нора» находилась в стороне от всех приличных заведений острова.

Свернул на пустую улицу, ведущую к Вестхольду. Тротуар плавал в цепочке желтых кругов от фонарей. Свет-тьнь, тень-свет... я предпочитал тень.

Темный силуэт проскользнул у стены моего дома. Инстинкт сработал раньше, чем разум. Я оказался возле нарушителя одним движением, прижал его к камням, сжал шею. И отшатнулся.

— Ливентия? Что ты здесь делаешь?

Девушка судорожно хватала воздух, и мне стало не по себе. Склирз! Осталось только придушить девчонку!

Ты точно спятил, каратель.

— Февр Стит... — она дышала все так же учащенно. В распахнутой накидке, отороченной рыжей лисой, вздымалась пышная грудь. — Я лишь хотела узнать у Иви задание. Я была невнимательна на уроке, простите... Но ваши окна уже темные, я забыла о времени... Извините меня!

— Это ты извини, — грубовато бросил я. Посмотрел на окна — и правда, темно. Но стоит ли верить девчонке? И расстегнул браслет, вслушиваясь в ее эмоции.

Испуг. Растерянность. Фальшь — в чем-то она все-таки соврала. И... возбуждение. Эмоции Ливентии были сродни южной ночи ее дома. Они обнимали влажным, душистым и терпким коконом, сбивали с ног острым ароматом пряностей, почти душили! И все это жаркое великолепие было направленно лишь на меня. Желание, которое девушка то ли не могла, то ли не хотела сдерживать.

— Не ходи по ночам одна, — приказал я. Хотя на освещенных улицах девушке ничего не грозит, но мало ли.

— Конечно, извините, февр Стит, — жаркого, душного, пряного стало больше.

Ее эмоции буквально валили с ног. Накатывали волнами песчаных барханов, обрушивались многоцветным вихрем.

Я отступил на шаг. Но девчонка подалась ко мне. Выдохнула:

— Кристиан...

Проклятое имя. Я его терпеть не могу. Так называет меня она.

В глазах потемнело. И пойло расцвело на языке проклятой ежевикой... Рывком шагнул, прижал Ливентию к увитым остролистом камням. Поцеловал. Жадно. Дико. Грубо. Буквально впился в ее рот,

слизывая краску, пытаюсь насытиться чужим вкусом. Прикусил полные губы, втянул в себя ее язык. Запустил пальцы в тяжелые темные волосы, небрежно стряхивая заколки. Еще, еще... Погрузиться в эту знойную южную ночь, найти в ней забвение... Смыть вкусом пряностей ежевику и эту ускользающую свежесть... Я почти не ощущал женских рук на своих плечах, на шее, лице. Не чувствовал ее объятий, не осознавал неловких попыток мне ответить. Мне не нужен ответ. Мне нужно...

Другое.

Не эта горячая тьма чужой южной ночи. Не она.

Не... она.

Отшатнулся, рывком отцепил от себя руки девушки. Змей! Что я творю? Что со мной вообще творится?

— Прощу меня извинить, госпожа Осхар, — голос сиплый и фальшивый, вот дерьмо! Со злостью закрыл браслет. Идиот! Я ведь знаю, как опасны бывают чужие эмоции. Порой они прекрасный источник знаний, а порой — ловушка. Чужие эмоции можно даже принять за свои, можно поддаться их искушению. Что я только что и сделал!

— Я не должен был...

— Но я была не против, Кристиан, — прошептала Ливентия. Со вздохом поправила растрепанную прическу, и я скрипнул зубами. Сейчас, без флера пряностей и зноя, я видел все, как есть. Таких, как Ливентия, я уже встречал. В Двериндариум регулярно приезжают подобные девицы. Богатые, избалованные, красивые. Изнеженные цветы империи. Некоторые от скуки ищут здесь развлечений, иные идут дальше и надеются заполучить мужа.

Ливентия, несомненно, из вторых.

— Госпожа Осхар, — я вздохнул. — Ливентия. Я скажу прямо. Тебе не стоит смотреть в мою сторону. Это безусловно... проигрышный вариант. Мой дом — Двериндариум. Моя жизнь — служение Империи. И это

навсегда. Получите свои Дары и вернитесь домой, под родительское крыло. Ваш отец подыщет вам подходящую партию.

Она задохнулась, на бархатных щеках заалели пятна. Но я решил закрепить эффект. Наклонился, не мигая глядя в темные глаза девушки.

— Со мной тебе не светит ничего достойного, Ливентия. Запомни это. А теперь возвращайся в свой дом. Тебе рано вставать.

Она ахнула. Глаза влажно заблестели. И, оттолкнув меня, девушка бросила прочь. Я удовлетворенно кивнул. Надеюсь, мне удалось отбить у нее желание смотреть в мою сторону.

Устало потер подбородок с пробивающейся щетиной.

И снова поднял взгляд на окна дома. Но там царила тьма.

ГЛАВА 15. Миражи

Спала я плохо. Всю ночь вздрагивала и просыпалась, мне чудились шаги и голоса за дверью. Потому утром я встала хмурая и не выспавшаяся.

Когда спустилась в гостиную, Кристиана не было, за что я вновь поблагодарила великого творца. После разговора в ванной я чувствовала себя неловко. Половину ночи не могла уснуть, вспоминая его слова, его взгляд. И вслушиваясь в собственные эмоции. Кристиан будил во мне чувства. Непознанные и пугающие. Я не хотела их, я закрывалась от них, но они все равно прорывались. Дрожью. Вздохом. Ритмом сердца.

Это было слишком опасно, слишком!

Он не должен мне нравиться. И я не должна думать о нем. Не должна приближаться.

Вздохнув, я привычно проверила цвет своих радужек и отправилась на пробежку. Даже без строгого старшего брата я старалась не пропускать эти тренировки. То, что поначалу казалось мне наказанием, сейчас виделось совсем иным. Я не хотела себе в этом признаваться, но возможно, такова своеобразная забота Кристиана о сестре? Возможно, он просто изначально пытался сделать меня сильнее. Чтобы в Мертвом мире у меня было больше шансов.

Правда, от такой заботы очень хочется Кристиана прибить!

Сделав круг у конюшен и помахав сонным лошадам, я вернулась к дому. Потянулась, разминая мышцы, и застыла. В густых зарослях вдоль стены что-то блеснуло. Я отодвинула ветки, склонилась, подняла. И нахмурилась. На моей ладони сверкала зелеными

крылышками драгоценная стрекоза. Одна из брошей Ливентии.

Но как она оказалась в этих кустах? Возле моего дома?

Что здесь делала Ливентия?

Я прикусила палец, задумавшись. В кустах лежит брошь южанки, а вчера кто-то повязал на дверь дома порочащий меня бант. А ведь я поверила, что Ливентии не нужен Дар, поверила ей. Южанка эгоистична и избалованна, но она показалась мне неплохим человеком. А теперь я нахожу в кустах ее украшение.

И что мне об этом думать?!

Сунув стрекозу в карман, я побежала переодеваться, решив разобраться во всем позже.

Шесть штрафных звезд скинули меня вниз по списку. Правда, каверзы прилетали не только мне. У друзей-недрузгов тоже пропадали записи, терялись тетради и хрустальные перья, «рвалась» в самых неожиданных местах форма. Я в подобных забавах не участвовала, лишь усилила бдительность. Единственным, кто неизменно красовался на первой строчке Списка, оставался Киар Аскелан. Либо он был умнее и внимательнее нас всех, либо — что вероятнее — с лордом Колючего Архипелага предпочитали не связываться. Киар и его сестра надежно закрепились на первых местах и не находилось смельчаков, готовых их оттуда сбросить.

Но я решила во что бы то ни стало вернуться в список лучших.

Перед уроком я улыбнулась Ливентии.

— Ты выглядишь бледной. Все хорошо?

— Замечательно, — сказала южанка, глядя в окно. Выглядела она, действительно, неважно, была бледной и задумчивой. — Просто не выпалась.

— Мучили плохие сны?

— Напротив, хорошие...

— Может, расскажешь?

Ливентия дернула плечом, и ее взгляд стал злым.

— Извини, Иви, мне надо подготовиться к уроку.

Она села на свое место, а я сжала в кармане зеленую стрекозу. Чтобы Ливентия ни делала возле дома на улице Соколиной Охоты, говорить об этом она явно не желала.

Но после встречи у дома Альфа наша пятерка негласно стала держаться вместе. Мы обнаружили, что противостоять подлостям других учеников гораздо проще сообща. Хотя Ливентия и косилась на остальных неприязненно.

— Даже не мечтайте, что мы с вами теперь друзья, — бросила красавица, прощаясь после занятий.

— Да ни за что, Конфетка, — ухмыльнулся Ринг. — Я не дружу с такими, как ты!

С Рингом отношения сложились странные. Мы почти не разговаривали, но краем глаза я частенько отмечала его присутствие. Здоровяк по-прежнему смотрел на всех исподлобья, но когда я устраивалась на ступеньках замка, Ринг оказывался где-то рядом. Молча и глядя в другую сторону.

Правда, возможно, он это делал из-за Ливентии, не обращая внимания на ее презрительное шипение в сторону «отброса».

Но красавица лишь отворачивалась. Последующие дни Ливентия была удивительно тихой и задумчивой, казалось, даже драгоценный рой бабочек на ее мундире потускнел. Но в ответ на вопросы она лишь отмахивалась, а бледность объясняла усталостью.

А я решила пока не говорить о зеленой стрекозе.

Помимо обязательной теории и практики ученики нашли себе занятия по вкусу. Мелания стала посещать уроки целительства, Майлз занимался картоведением, а Итан — звездологией. Многие после уроков отправлялись развлекаться на главную улицу острова. Я

же свое свободное время проводила за книгами, пытаясь восполнить прорехи скудного образования. Запираясь в своей комнате, я изучала не только обязательную школьную программу, но и геральдику, этикет, язык цветов и жестов, светскую моду и прочую мишуру, от которой у меня раскалывалась голова. Но я упрямо сжимала кулаки и заставляла себя вчитываться в паутину строчек, вспоминая добрым словом вдову Фитцильям. Все же вдова сумела привить мне любовь к чтению.

Я боялась снова попасть впросак и показать собственное невежество. Книги я брала в Белом Архиве и прятала под кроватью, надеясь, что Кристиану не придет в голову туда заглянуть.

Каждый раз, посещая библиотеку, я порывалась навестить господина Дэффа, но, к моему удивлению, Черный Архив стоял закрытый.

Спустя несколько дней мы, как обычно, вышли из замка и застыли на пороге Вестхольда.

Краткий Вздох Лета закончился.

Небо затянулось тяжелыми свинцовыми тучами, но словно в утешение принесло Облачные Миражи. На подсвеченных золотом облаках виднелись перевернутые города, долины и горы. Они проплывали мимо, отражения далеких берегов и невиданных мест: шумная столица с бегущей по проспектам толпой, рекой мехомобилей и экипажей, и крохотные деревушки вдоль озер; Ливентия рядом взвизгнула, когда показались поднебесные башни Лестгарда, кто-то громко охнул. Казалось — еще миг, и острые шпили башен прочертят борозды на ступенях Вестхольда. Мираж был столь реален, что некоторые ученики испуганно подались назад и тут же рассмеялись, когда руки прошли сквозь призрачные камни отражения. Вслед за далеким приграничным городом возникла тысяча гранитных галерей Эхервейса, а за ней —

Бесконечный Мост, соединяющий два берега Стылого Пролива. И сразу — белокаменные поместья и огромные статуи альбатросов, парящие на другом конце континента, в Птичьей Долине. Задрав голову, я смотрела, как проплывает мимо вся наша империя. Я видела перевернутые мосты и дома, людей и бродячих псов, лошадей и ворон на ветках. Ученики и даже февры улыбались, махали руками, силясь поймать призрачных голубей или схватить за хвост сонного кота, зевающего на поленнице какой-то неизвестной деревушки.

Лишь одно место никогда не показывают миражи — Двериндариум. Этот остров хранит свои секреты и от небесных видений.

Зато говорят, что в Облачных Миражах можно увидеть своих родных и любимых, так что и сейчас я всматривалась до рези в глазах, надеясь рассмотреть знакомые лица. Одно... одно лицо. Я так желала увидеть темную рыжину волос и насмешливый прищур глаз, что не замечала никого вокруг. Я вообще забыла, что стою на ступенях Вестхольда, что рядом ученики, наставники и февры. Я всматривалась в миражи, желая увидеть своего друга. Просто увидеть. Понять, что он жив. Выдохнуть. Успокоиться. Пусть он просто будет жив!

И тут кольнуло в бок, там, где был рисунок из шрамов. А затылок похолодел, ощущая чужой взгляд. Я резко развернулась. Люди смеялись, запрокинув головы, и лишь я шарила вокруг беспокойным взглядом. Кто на меня смотрел? Да еще и так пристально, что волосы на загривке встали дыбом! Кто?

Подняла взгляд. С черных стен замка скалились эфримы. И... показалось, или одно крылатое чудовище шевельнулось?

Я протерла глаза, моргнула. Всмотрелась снова. Ливентия дернула меня за рукав, привлекая внимание к

какому-то невиданному замку, плывущему в облаках.

Но я смотрела лишь на гранитного эфрима. А он... на меня. Жуткое ощущение росло в груди и резало изнутри страхом.

Нет, мне чудится. Это все просто... невозможно!

— Иви, да посмотри же! Это же Грандан, мой дом! — оживилась вдруг Ливентия. — Вон главная площадь, а там знаменитый розарий! Тысячи, тысячи цветов, ты видишь? Там выращивают невероятные лиловые розы, мои любимые! Ты их видела?! Бутоны величиной с человеческую голову! Чудные цветы! Иви!

Не отвечая, я стряхнула руку Ливентии. И увидела Кристиана. Он тоже смотрел на стену замка. Хмурился.

С другой стороны блеснули алые глаза Киара. Только он с интересом рассматривал меня.

— Нам надо отсюда уйти, — повернулась я к ничего не понимающей Ливентии. — Где Мелания?

— Да вон стоит, рот открыла. Но...

— Идем, — я дернула красавицу за рукав. Внутри разрасталась тревога. То самое чувство опасности, возвращенное вечным ожиданием удара. Обостренный инстинкт, ускоряющий сейчас мою кровь и вопящий: беги!

Ливентия уперлась, не понимая, что со мной. Я подтолкнула ее к черному зеву Вестхольда, схватила Меланию, потащила... Где Ринг? А Итан? Надо сказать... надо бежать!

Вокруг смеялись люди. Ученики, наставники, рабочие, отложившие свои дела. Все любовались Облачными Миражами.

— Иви, да что с тобой? — взвыла Ливентия. — Ты сошла с ума?

Неужели я ошиблась?

Тревожный удар колокола взрезал радостное оживление.

— Всем покинуть двор! Вернитесь в замок! Живо! — крикнул незнакомый мне февр. — Вернитесь в замок!

Остальные февры четко и слаженно оттеснили ничего не понимающую толпу к ступеням. Двое подняли ладони, и между ними натянулась призрачная голубоватая паутина. Миг — и она налилась темнотой и натянулась куполом, закрывая небо и Облачные Миражи.

Блеснула сталь идаров и мечей. За пределами видимости, где-то наверху, тяжело прозвучали выстрелы из револьверов.

Таща за собой Ливентию и Меланию, я добралась до Кристиана.

— Что происходит?

— Зайдите внутрь, Иви. Живо!

— Но...

— Не спорь!

Не объясняя, он запихнул меня в коридор Вестхольда, а сам снова выбежал наружу. Несколько февров споро распределили людей по комнатам и запечатали выход. Я оказалась в пустой лекторной, рядом встревоженно озирались Мелания, Ливентия и по обыкновению — Ринг. А вот Итана мы потеряли в толпе.

— Один из февров сказал «проклятая тварь», — прошептала послушница, с опаской оглядываясь на узкие окна замка. — Что это значит, Иви?

— Не знаю, — нахмурилась я. — Не переживай, снаружи целая армия февров.

— А с вами — я! — сжал Ринг свои огромные кулаки.

— Еще неизвестно, где опаснее, там или здесь, с тобой, — презрительно протянула Ливентия. — Не думай, что стал одним из нас, каторжник.

— Я не каторжник! Я сын каторжника!

— Еще хуже. Может, ты только и ждешь случая, чтобы нас всех передушить.

— Твою белую шейку я свернул бы с удовольствием, Конфетка! — оскалился Ринг.

— Не смей назвать меня своими нелепыми кличками! — взвизгнула Ливентия.

Мелания попыталась вмешаться в их ссору, но безуспешно. Я же отошла к окну и осторожно выглянула наружу. С моего угла виднелась стена, часть внутреннего двора и... длинная крылатая тень, скользнувшая по брусчатке.

Ужас сжал сердце, и я отшатнулась. Потерла покрытый испариной лоб. Что это было? Может, лишь очередной Облачный Мираж? Силуэт какого-нибудь памятника? Тогда почему внизу столько февров и звучат выстрелы?

Хотела снова высунуться, чтобы увидеть больше, но тут что-то щелкнуло, и все окна закрылись толстыми деревянными ставнями. И одновременно загорелись светильники на стенах.

— Ух ты! — восхитился Ринг, щелкнув пальцем по черным створкам в окне. — Непробиваемые! Работа двери-аса, не иначе! Да этот замок настоящая крепость!

Ливентия выразительно закатила глаза и присела на край стола, изящно расправив жесткий мундир. Я в очередной раз поразилась, как у нее получалось выглядеть такой беззащитно-женственной даже в строгой форме Двериндариума.

Я прикрыла глаза, вслушиваясь в звуки Вестхольда. Тревога грызла изнутри. Что происходит? Чью тень я увидела? Чего испугались февры?

— Надеюсь, это досадное происшествие не задержит нас надолго, — протянула Ливентия. — У меня на вечер грандиозные планы.

— Подготовить задания наставника Бладвина? — спросила наивная Мелания, и Ливентия фыркнула.

— Забивать голову подобной ерундой — удел нищих и глупцов, — с непонятной злостью отрезала она. — Я

найду занятие поинтереснее. Иви, ты слышала о местном клубе для избранных? «Белый цвет», так он называется. Там мы сможем отдохнуть от досаждающего присутствия отбросов.

Красавица выразительно вздохнула.

— Ах, сложно быть терпимой и понимающей, как того требует благородное воспитание. Хорошо, что ты меня понимаешь, дорогая Иви. Думаю, для визита мне стоит надеть розовое платье. Эта форма ужасно безвкусная!

Я повернулась к троице. Ринг сжимал свои кулаки, на его лице залегли белые пятна злости, но Ливентия словно и не замечала, продолжая издеваться над парнем. Мелания сложила ладони в священном символе, прошептала молитву, а после достала из сумки тетрадь и принялась делать задание.

Мне не мешало бы к ней присоединиться, но я не могла. Я все еще видела длинную крылатую тень.

Сидеть в лекторной пришлось еще час. За это время Ринг едва не придушил Ливентию, а шутки последней стали во сто крат злее. Так что, когда двери наконец открылись, мы с Меланией вылетели в коридор, словно свинцовые болты!

Февры сухо приказали нам возвращаться в свои дома. Что произошло, никто так и не сказал.

На ступенях Вестхольда я обернулась. И вздрогнула. Каменного эфрима на стене не было. Я точно помнила его местоположение на парапете — между узким окном и рогатым хриавом. Но сейчас жуткий хриав скалился в одиночестве.

И все это мне ужасно не нравилось!

А самое обидное — пока мы отсиживались за стенами Вестхольда, Облачные Миражи уплыли в сторону Взморья.

В «Белый цвет» — самый изысканный по словам Ливентии клуб острова — я так и не пошла. Красавица обиженно надула губы, но я решила, что на сегодняшний день мне достаточно впечатлений. Хотелось залезть в горячую ванну, согреть заледеневшее тело, а после укутаться в одеяло и уснуть.

Но увы.

«Расскажи богам о своих мечтах, и они сделают все наоборот», — говорил Ржавчина.

Видимо, мои мечты о спокойном отдыхе кто-то подслушал!

Потому что в гостиной на диване, где я привыкла читать перед сном книгу, сидел Киар Аскелан. Собственной персоной. Его длинные белые волосы были заплетены в несколько кос и перевиты серебряными нитями и алыми рубинами. Огромный багровый камень сверкал на шейном медальоне лорда, камни помельче искрились на перстнях и в сереге левого уха. Алые глаза тоже казались двумя камнями, а сам северянин — статуей из льда и снега, непонятно как оказавшейся в этой гостиной. Его соседство с огнем мягко тлеющего камина выглядело кощунством.

Напротив лорда, у окна, стоял Кристиан. Его лицо было образцом безразличия, пожалуй, по части невозмутимости он даже превзошел нашего нежданного гостя. А в шторм его глаз я решила не смотреть.

— Лорд Аскелан? — несколько неуверенно произнесла я.

Что этому замороженному понадобилось в моем доме? Вероятно, у него какие-то вопросы к «брату». Все же, февр Стит наш наставник по урокам боя и защиты.

Вот же, принесла его непогода! А я ведь надеялась хоть что-нибудь вывести у «брата» о происшествии!

— Иви, — северянин встал и растянул тонкие губы в подобии улыбки. — Я уже давал разрешение своим... соученикам обращаться ко мне по имени.

Я растерялась еще больше. Ну да, было такое. Колючий лорд как-то оказал нам всем эту великую честь, все же мы почти ровесники, а в Двериндариуме — все равны. Так считается. И все равно язык не поворачивался говорить ему «Киар». Впрочем, я вообще не собиралась с ним говорить.

— Не буду мешать вашей беседе, — повернулась я в сторону лестницы.

— Вообще-то наша беседа касается непосредственно тебя, — бесцветно произнес лорд Аскелан.

Я нахмурилась. В голове молнией пронеслись панические мысли. Что случилось? Этот клятый замороженный лорд узнал обо мне правду? Что-то заподозрил и решил рассказать Кристиану? Я попалась? Что?!

Бесцветный сделал ко мне шаг и сложил руки за спиной, почти копируя позу неподвижного февра. Да что здесь происходит?!

— Февр Левингстон, я официально прошу у вас позволения ухаживать за вашей сестрой Иви-Арденой.

— Что?

От изумления я потеряла не только дар речи, но и умение соображать! Мне послышалось?

— Но это невозможно! — вырвалось у меня. Еще хотелось добавить: вы свихнулись, дорогой лорд, или вам тут голову с непривычки напекло? Но удержалась.

— Почему же? — Киар приподнял белые брови. — Ты принадлежишь к старшему роду, не замужем и не помолвлена, разве не так? Я вполне могу заявить о своих... притязаниях.

Притязаниях? Нет, климат Двериндариума точно плохо влияет на красноглазого!

Я в отчаянии глянула на Кристиана, но «брат» хранил угрожающее молчание. И это мне тоже совершенно не нравилось!

— Лорд Аскелан... Киар... Нет, это совершенно невозможно!

— Ты потрясена, я понимаю, — он высокомерно улыбнулся. — Но мое решение вполне обдуманное и взвешенное.

— Но я тебе не ровня! Даже с учетом старшего рода!

Потому что Левингстоны родовиты и влиятельны, но Аскеланы... Если судьба будет благосклонна, может настать день, когда этот бесцветный станет королем Колючего Архипелага! Северные территории входили в состав Империи, но там издревле существовала своя правящая династия. И это было справедливо, лишь бесцветные могли управлять диким заснеженным краем.

И один из претендентов на престол только что изъявил желание поухаживать... За мной! Рассмотреть меня в качестве невесты! От столь потрясающих перспектив мне стало дурно. Если бесцветный узнает, что оказывал знаки внимания не родовитой Ардене Левингстон, а нищей приютской девчонке, меня сотрут с лица земли! А если я соглашусь, Рейна сделает все, чтобы меня извести.

Вот только... отказаться я тоже не имею права. Таков регламент. Клятый лорд прав — Ардена родовита и свободна. Она не может отказаться от столь невероятного предложения!

Вот же засада! Может, мне перестать мыть голову, чтобы выглядеть менее привлекательной?

— Боюсь, я недостаточно хороша для подобной чести... — пробормотала я. — И у меня дурная

репутация...

Киар снисходительно улыбнулся.

— Зато моя репутация безупречна, Иви. Так что я могу позволить себе все, что пожелаю.

— Но почему я?

Лорд поправил рубины на своих манжетах.

— Вы не были на Колючем Архипелаге, ведь так? Не отвечайте, это очевидно. Север... он особенный. — В алых глазах лорда появилось странное выражение, которое совершенно не вязалось с его высокомерным видом.

Я даже не сразу поняла, что вижу на лице Киара... нежность. Похоже, бесцветный искренне любил свой негостеприимный дом.

— Север проникает в души. И либо убивает, либо меняет навсегда. Вы знаете девиз нашего дома? «Горячая кровь для холодной вьюги». Потому что Север ценит жизнь. Умение чувствовать опасность. Умение сражаться. И выживать. Колючий Архипелаг прекрасен, но суров. Твоя кровь дерзкая и горячая, Иви, и у тебя сильный дух. Мне это нравится.

— Думаю, ты ошибаешься, — пробормотала я.

Вот же Двуликий Змей! И что мне теперь делать?

— Я чту традиции, поэтому ставлю вас в известность о своих намерениях, — похоже, бесцветному мое согласие и не требовалось, он уже все решил. — Официальное письмо я также направил вашему отцу. С завтрашнего дня прошу считать себя моей спутницей. Думаю, мы начнем с прогулок у моря, чтобы лучше узнать друг друга...

— Никаких прогулок, — Кристиан даже не пошевелился, оставаясь на своем месте у окна. Свет торшера облизывал сапоги моего «брата» и кобуру на его бедре, но не дотягивался до лица. Лорд Аскелан удивленно поднял брови, явно не ожидая подобного. Но

Кристиан шагнул в круг света и в упор посмотрел на бесцветного лорда.

— Никаких прогулок. Никаких свиданий. Никаких ухаживаний. Позвольте напомнить, что моя сестра приехала в Двериндариум учиться, а не развлекаться.

— Но вы не можете мне запретить, февр Стит...

— Могу и запрещаю, — Кристиан не повысил голос, но мне стало не по себе. — Вы зря потревожили нашего отца, на данный момент я являюсь единственным полноправным наставником Иви-Ардены. И лишь я имею право решать ее судьбу. И если угодно... прочитайте еще раз устав Двериндариума, лорд Аскелан. Ученики Двериндариума приравниваются к legionарам первой ступени. Видимо, вы недостаточно серьезно относитесь к предстоящему посещению Мертвомира, Киар. Я думаю, мне стоит пересмотреть вашу личную программу тренировок. И программу моей сестры.

— Я-то здесь при чем? — на мое возмущение Кристиан ответил таким взглядом, что я прикусила язык.

— Видимо, у тебя тоже слишком много свободного времени, Иви. — И Крис высокомерно кивнул опешившему Киару. — Вам официально отказано, лорд Аскелан. Я не потерплю нарушения устава на территории Двериндариума. Хорошего вечера.

— Благо Двери, — прошипел бесцветный. На его щеках даже появился румянец — от злости. — Выход я найду сам, не беспокойтесь!

Мы с Кристианом остались наедине. И я поежилась от его темного взгляда.

— Не надо так смотреть, — не выдержала я. — Я не виновата!

— Похоже, моя дорогая сестра решила получить сердца всех мужчин этого острова?

— Я ничего не делала! Да я с этим бесцветным лордом и двумя словами не обменялась! Понятия не

имею, с чего он решил за мной поухаживать!

— Мало того, что весь Вестхольд болтает о тебе и этом щенке Нордвиге, теперь еще и северянин? А ты времени не теряешь, дорогая сестра.

Презрение в его голосе ударило под дых. И заставило меня выпрямиться и ответить насмешливым взглядом.

— А может, ты просто мне завидуешь? — рявкнула я. — Завидуешь моей жизни? Молодость скоротечна, дорогой брат. И, в отличие от тебя, Двериндариум в моей жизни лишь на время.

Его взгляд изменился. И лицо стало отчужденным и замкнутым.

— Отец верит, что ты можешь измениться. Верит тебе. Он потакал каждому твоему капризу, давал все, чего ты желала. Но ты... Ты всегда думала лишь о своих развлечениях. Мне жаль, что ты — часть нашей семьи. Иви.

Я сглотнула ком в горле. Если бы у меня был такой отец, я сделала бы все, чтобы стать его достойной. Все, чтобы стать достойной такой семьи. Но увы. Мне в жизни досталась лишь приютская койка, а Ардена никогда не оценит своего счастья. Не поймет, что ей невероятно повезло иметь семью. Отца и брата, которые о ней заботятся.

Маска эгоистичной дряни угнетала все сильнее.

Кристиан прищурился. Недобро так.

— Уже мечтаешь о возвращении в столицу?

— Конечно, — я вспомнила повадки Ардены и изобразила на лице скуку. С трудом, но изобразила. — Жду не дождусь! Я мечтаю о том времени, когда этот Остров останется позади.

— Вместе со мной, не так ли?

— Ты очень догадливый, — прошептала я.

Кристиан сделал ко мне шаг, и я против воли попятилась. Но потом заставила себя стоять смирно,

безотрывно глядя в его злые глаза.

— Пока ты в Двериндариуме — никаких романов. Вернешься в столицу — и делай, что хочешь, мне наплевать. Но здесь ты будешь заниматься делом, а не развлечениями. — Он окинул меня острым взглядом. — Я почти поверил, что ты изменилась.

— Нет, не поверил, Кристиан.

Ты не хочешь мне верить. Может, боишься? — я выпрямила спину. — Но знаешь... Меня не интересует, что ты обо мне думаешь. Я лишь хочу открыть эту проклятую Дверь, исполнить этот проклятый долг и вернуться к своей жизни! Понятно? Своей!

— Бессмысленному существованию в столице? Бесконечным романам, от которых у отца седеют волосы?

— Даже если и так! — буркнула я.

— Ты не поняла, дорогая сестра. Для начала тебе надо выжить в Мертвомире. — Кристиан шагнул назад, и снова его лицо скрылось тенью.

А мне стало как-то невыносимо холодно.

— В этом можешь даже не сомневаться, — сказала я, развернувшись и, взлетев по лестнице, хлопнула дверью своей комнаты.

Присела на кровать и испытала дикое желание разреветься. Как же сложно быть Арденной! Иногда так и тянуло плюнуть на эту игру и сказать то, что я думаю на самом деле. Но нельзя. Я должна играть роль. Ардена — эгоистичная и избалованная богачка, даже после монастыря она не могла стать кардинально иной. Значит, я должна вести себя соответствующе. А в ответ видеть презрение в глазах Кристиана...

А ведь порой так и хочется закричать: это не я! Не я!

Сердито дернула свои золотые пряди, вытащила ножницы и подрезала кончики. Глупость, но таким

образом я словно отсекала часть Ардены и возвращала часть себя.

Стряхнула отрезанные пряди в мусорную корзинку и обошла комнату. Ну что за блажь взбрела в голову этому бесцветному лорду? Зачем он пришел? Ведь мы с Кристианом почти достигли нейтралитета! А теперь — вот!

И что случилось сегодня в Вестхольде, я теперь не узнаю, «брат» точно не расскажет. А мне необходимо разобраться, чью тень я видела!

Вот же змеюки, чтоб им всем поджарило хвосты!

От расстройств я даже решила обойтись без горячей ванны, торопливо умылась, еще раз проверила комнату и улеглась спать.

А ночью он за мной пришел. Эфрим.

* * *

Дрянь!

Я стиснул край полированной столешницы, едва не раскрошив дерево. Как же хочется ее придушить! Я ведь почти поверил, что она изменилась! Что Орвинская Обитель сделала ее иной. Я видел столько... подтверждений и несоответствий! Неужели все лишь притворство? Ардена — хитрая змея, она всегда умела обвести других вокруг пальца. У нее нет ни совести, ни морали, я ведь знал это! Так почему поверил, что она изменилась? Что может стать лучше.

Проклятие! Я даже поверил в ее... чистоту. Бред, какой же бред!

Мою сестру изменит только могила, задери ее Дзуликий!

Покосился на свой закрытый браслет и вздохнул. Когда Иви-Ардена рядом, мне хочется его расстегнуть. Хочется снова ощутить ее эмоции, впитать их. Но нет, я

больше этого не делаю, довольно. Кажется, я приистрастился к проклятой ежевике, словно к дурману! Я не могу мыслить связно, когда ощущаю ее.

Хотя последнее время я вообще не могу мыслить связно.

Плеснул себе крепкий кофейный напиток, выпил залпом и скривился. Надо сказать Силве, чтобы поменяла зерна, эти слишком горчат...

«Ты должен о ней позаботиться, Стит. Ты должен!» — слова отца прозвучали в голове.

Я пытаюсь о ней заботиться! Но видит Божественный Привратник — это нелегко!

Может, стоило согласиться на столь щедрое предложение северного лорда? Дать одобрение на его ухаживания? Я нанес оскорбление роду Аскеланов, вряд ли молодой лорд это забудет. Можно было согласиться, понадеявшись, что Иви не понравится северянину, и он сам от нее отстанет. Но... почему-то я не сомневался, что она ему понравится. Очень понравится! И после Двериндариума северянин заберет Иви на свой Колючий Архипелаг.

То, что Киар заинтересовался Арденной — неудивительно. Бесцветный гад молод, но умен. И он прав — Иви завораживает. Красотой, силой, дерзостью, стойкостью... В ней слишком многое вызывает восхищение и... злость. Проклятое сочетание несочетаемого...

Бесцветные лорды традиционно выбирают жен не на севере. Говорят, что их рубиновую кровь необходимо разбавлять.

Стоит согласиться, и Киар заберет Иви. Увезет. Она станет леди Аскелан. Получит титул и гору рубиновых украшений. Со временем их блеск начнет отражаться в ее глазах, а волосы побелеют.

Бесцветные говорят — это влияние белого архипелага. Но злые языки утверждают, что

привезенные невесты просто седеют. Если вообще остаются живы! Слишком часто юные жены бесцветных не выдерживают такой жизни.

Север суров. А Колючий Архипелаг почти такой же закрытый, как Двериндариум. Там царят свои законы и порядки. Для Иви Север станет клеткой с рубиновыми прутьями. Там она точно будет под строгим присмотром. Так, может, стоит сказать «да»?

Нет!

Я скрипнул зубами.

От одной мысли, что Иви станет женой бесцветного, уедет с ним на Север и родит ему наследника, у меня темнело в глазах. И хотелось найти Киара Аскелана и оторвать ему все, что можно оторвать! Особенно то, чем он собирается этого самого наследника делать!

Пусть бесцветный катится к Дзуликому в пасть, сестру я ему не отдам.

«А кому отдашь?» — мелькнула в голове насмешливая мысль. Слово сам Змей шепнул...

Кому?

Ведь однажды это придется сделать. И лучше — скорее. Отец просил подыскать сестре достойного жениха. «Ей нужна крепкая рука, Стит. Реши этот вопрос на благо всей семьи».

Перед глазами снова потемнело. Я отодвинул кофе и вытащил бутылку крепкого эйса. Поискал взглядом бокал. И, плюнув, глотнул прямо из горлышка. Крепкое пойло обожгло гортань, пеклом пролилось в желудок, но дышать стало легче.

Глотнул еще, ощущая, как блаженный туман затягивает воспаленный разум. Мрачно потряс бутылкой. Когда я успел выпить почти половину? Проклятая сестричка сводит меня с ума.

Надо проветрить голову и успокоиться.

А заодно еще раз проверить Вестхольд. Я уже говорил Верховному, что стоит усилить меры

безопасности. Сегодня тварь сумела пробраться в самое сердце Вестхольда — немыслимо! Мы успели удалить людей прежде, чем кто-то заметил чужака, но сам факт появления на стене твари поверг февров в шок. Слишком близко. Как эта сволочь подобралась так близко? Минуя все наши заслоны и ловушки! И самое странное — куда спряталась потом? Мы обшарили каждую нору, каждую щель! Куда она исчезла? Тварь сумела уйти от сетей и скрыться. И я совершенно не понимаю, как!

Проклятье!

Ее надо поймать раньше, чем случится беда. Потому что я нутром чувствовал приближение трагедии.

Сменил мундир на тяжелую кожаную куртку и вышел в ночь.

Надо пройтись.

Надо успокоиться.

Надо выкинуть из головы проклятую сестричку и сосредоточиться на своих обязанностях февраля.

Вот только... интересно, о чем она думала, рассматривая Облачные Миражи? У Иви было такое странное лицо... Надежда и радостное ожидание. Как у ребенка на первой ярмарке. Хотелось расстегнуть браслет и ощутить ее эмоции. Но вокруг было полно людей, а нырять в омут чувств целой толпы — слишком опасно. Я всегда это терпеть не мог. Со всеми другими — терпеть не мог... А с ней... Дурман. Как есть — дурман.

Что Иви так желала увидеть в Миражах? А может... кого?

Злость снова обожгла бездновым пеклом.

В дом я вернулся уже за полночь — продрогший под мелким морозящим дождем, протрезвевший, но по-прежнему злой. Я мечтал найти поганую тварь, чтобы как следует поразмяться с идарами, но тварь приказано взять живой. Да и Вестхольд обрадовал лишь пустыми

коридорами, камнями и настороженными дозорными. Отряды усилили, посты выставили на каждом углу, но пока безрезультатно.

И это тоже злило.

В гостиной тлел камин, отдавая мягкое тепло. Я швырнул куртку на кресло, разулся и пошел наверх.

Задержался возле комнаты сестры.

Шагнул дальше и тут уловил вскрик. Почти неразличимый, задушенный. Если бы я не вслушивался так внимательно в тишину дома, я бы его пропустил.

Вранье... очередная игра. Пройди мимо, Стит. Не вздумай ей снова поверить.

Я толкнул дверь.

Узкая полоса лунного света рассекала комнату надвое. С одной стороны — кровать, с другой — все остальное.

И снова тихий возглас-вздых. Приглушенный плач.

Я медленно накрыл рукой браслет. Если Ардена притворяется, я просто ее придушу. Придушу и со спокойной совестью отправлюсь спать.

Расстегнул застежку.

Мерзкий запах ужаса, страха, боли. Они обрушились на меня камнепадом, выбивая дыхание и ломая кости, лишая воли и разума! Рванул к кровати, сгреб Иви, прижал к себе. Она жалко дернулась, всхлипнула, обвила руками. Я потянул одеяло, накрывая нас обоих.

— Все хорошо... все хорошо, Иви. Я здесь. Не бойся...

Она не понимала. Ее трясло. Ужас кошмара не отпускал, словно имел над ней какую-то запредельную и необъяснимую власть. Она не просыпалась. Станный кошмар... Я прижал девушку крепче, погладил растрепанные волосы, потом — узкую спину. Обрисовал ладонью округлое плечо, коснулся шеи. Сжал пальцы, ощущая ток ее крови.

— Тише... не плачь... Я здесь.

Мне хотелось закрыть ее собой. От всего. От людей, кошмаров, мира. Спрятать, если понадобится. Но сейчас я мог лишь что-то шептать.

Ее дрожь передалась мне. Или это была моя собственная? Я не знал... Голова ощущалась хмельной, несмотря на ночную прогулку. Кажется, я выпил слишком много... Тьма лишила зрения — единственного якоря, способного удержать меня от падения в пропасть. Я больше не видел знакомого лица, не видел золотых волос и зеленых глаз. Я лишь чувствовал. И так все было иначе. Бретелька ее сорочки сползла, и я вернул ее на место, ощущая, что мне не хватает воздуха. Иви дрожала, а меня поджаривало пекло. Змеево проклятье!

Попытался отстраниться, но она вцепилась в меня так, словно умрет, если я отпущу. Именно так она и чувствовала. Словно я — все, что ей нужно в этой жизни. Словно я — все.

А мне нечем дышать...

— Иви... Иви, проснись. Это лишь сон.

Иви... Знакомое и незнакомое имя. Иное имя. Иви тает на языке дождевой каплей, мимолетной, ускользающей, свежей. Ее хочется распробовать, но никак не удастся. Иви хочется произносить чаще, чтобы снова ощутить вкус.

— Не уходи... — ее шепот возле моей щеки. Стиснутые на моей спине пальцы.

— Я здесь.

Липкий, слишком густой кошмар отступал. Иви приходила в себя.

Я — нет.

Я хотел, чтобы она просила меня остаться. Хотел...

Откинул голову. Ее щека прижалась к моей шее, губы — к лихорадочно бьющейся вене.

Легкая сладость ванили — успокоение и благодарность. Потребность... В моем тепле, в моей

защите.

Ежевичного интереса не было. И ничего, что пахло бы желанием — тоже.

Она не испытывала ничего подобного. Она. Не испытывала.

А я...

Отвращение к себе накатило дурнотой. Боги, я пьян. Я просто невыносимо пьян, потому что, сжимая сестру в объятиях, думаю совсем о другом. Пьян? Да я болен! Свихнулся! Как я вообще могу чувствовать подобное? К ней?

Но свихнувшийся разум словно взбесился. Ощущения накрывали с головой, становясь все ярче и острее. Разгораясь таким невыносимым пожаром, что мне было больно. Я горел в пекле и хотел подбросить в этот костер дров. Я хотел большего. Больше ощущений. Руками. Кожей. Языком...

Это все какое-то проклятие!

Амулет?

Здравая мысль с трудом нашла дорогу в моем воспаленном разуме. Амулет, наверняка. У Иви что-то есть, что скрывает ее истинные чувства. Или меняет мои. Я никогда не вел себя так. Я словно помешанный! Я должен найти проклятый амулет.

Провел рукой по ее спине. Выемка под лопатками, впадинка позвоночника. Скользящий шелк ее сорочки ощущается почти как кожа. Почти... Ямочки у поясницы. Бедро... голень. Иви так удобно сидит на моих коленях. Маленькая стопа. Вторая нога... Хоть бы глоток воздуха... Снова бедро и рисунок ребер... что это? Пальцы заменили мне зрение. Под тонкой тканью ощущались выпуклые линии.

Что это такое? Шрам? Откуда? Разум встрепенулся, пытаюсь выпутаться из паутины непозволительных чувств. Мне нужен якорь. Мне нужно...

Иви вздрогнула, словно от боли, и... проснулась.

— Кристиан? — меня уколол ее новый страх.

Страх понимания, что я нахожусь в ее комнате и ее кровати. Она испугалась именно меня. Рот наполнился горечью.

— Что случилось?

— Тебе снова приснился кошмар.

Я осторожно передвинул девушку вбок, подальше от себя. Хотел встать, но Иви как-то бессознательно потянулась ко мне. И я остался.

Она молчала. Тьма окутывала нас пологом, отсекая от остального мира. Иллюзия единения, противная мне. И такая желанная.

— Расскажешь, что тебе снится?

— Ты назовешь меня сумасшедшей, — ее голос во тьме похож на шелест сухого листа.

— А тебя это заботит? — хмыкнул я. — Разве тебе не наплевать на мое мнение?

Она помолчала. Ужас кошмара почти исчез из ее эмоций. Благодарность. Растерянность. И почти неуловимый аромат ежевики. Я сделал жадный вдох.

— Расскажи мне.

— Нельзя говорить вслух, — прошептала Иви. Придвинулась к моему боку. Губами к моему уху. Кожи коснулось дыхание. — Я вижу... эфрима.

Ее шепот почти неразличим во тьме.

— Эф... — ее рука закрыла мне рот. Пальцы вжались в губы, запечатывая.

Я замер.

— Нельзя произносить вслух.

Ее отчаяние лизнуло меня горечью.

Я смотрел во тьму. Прищурившись, поглаживая нож на бедре, который так и не снял, в отличие от идаров. Удивление развеяло туман запретной похоти и даже почти вернуло мне ясность мыслей. Я ожидал услышать что угодно, но только не это.

— Все говорят, что их не существует, — торопливо прошептала сестра. — Я знаю, что они правы. Конечно, правы... и все же... Однажды я его видела. Мне было десять... Я видела его. Жуткое тело, покрытое короткой черной шерстью. Лысая вытянутая голова с плоскими ноздрями, черными глазами и такой ужасной пастью, полной выступающих клыков. Его ноги и длинные руки-лапы с когтями-лезвиями. И его крылья. Черные перепончатые крылья огромной летучей мыши... Он выше взрослого мужчины и сильнее февра... Он так ужасен... Я смотрела на него, а он — на меня... он меня запомнил и однажды придет... Змеево отродье...

Я притянул Иви ближе.

— Когда? Где? Как это произошло? Ты сказала отцу? Няне? Это была ночь или день? Отвечай!

Встряхнул сестру, и она тихо ахнула.

— Это был сон, — прошептала она. — Кошмар. Мне все приснилось. Отпусти, Кристиан.

Я отпустил, понимая, что совершил ошибку. Иви закрылась. Ее разочарование разлилось кислотой. И еще она мне соврала. Она видела эфрима и не считала чудовище сном. И ее кошмар тоже был не вполне обычным, он опутывал ее паутиной, не давая проснуться. Влияние твари, вот что это.

Но где она могла столкнуться с эфримом? Как это вообще возможно? На большой земле? Моя собственная сестра? Почему я об этом ничего не знаю? А отец? Знал ли он? Очевидно — нет. Отец не жалел на дочь денег, но он всегда был слишком занят. Ардену растили няньки и прислужницы, которые часто менялись. Может, поэтому сестра выросла такой невыносимой.

Мысли били наотмашь.

— Кристиан... ты делаешь мне больно.

Забывшись, я слишком крепко сжал ее плечи.

— Ты должна все мне рассказать!

— Я уже сказала. Это лишь кошмар, который испугал меня в детстве. Ты помнишь мою няню Мадлен? Она любила булочки с изюмом, а еще — страшные истории про чудовищ. Вот и рассказала одну из них мне... Она не думала, что я приму все так близко, что поверю. Мне все приснилось. Иногда этот сон повторяется и возвращает меня в детство. Так что... спасибо, что разбудил.

Сладкий запах ежевики исчез окончательно. Иви не желала со мной разговаривать и даже видеть рядом. Но все еще боялась спать.

Поколебавшись, я лег на край кровати.

— Я останусь, пока ты не уснешь. Не хочу, чтобы ты снова разбудила меня своими воплями.

Иви завожилась под покрывалом.

Возмущение... облегчение. Благодарность.

— Я тебя не просила, — буркнула она.

Невыносимо упрямая.

Я кивнул, скрыв улыбку. И не двинулся с места.

Благодарности стало больше.

Я протянул руку. Сомнение... Робость, пахнувшая озерной водой... И... узкая ладонь Иви осторожно скользнула в мои пальцы. Она притянула мою руку к своей щеке и затихла.

К нежной ванили благодарности добавилось что-то горько-сладкое. Что-то, слишком похожее на счастье.

Я закрыл глаза, слушая ее дыхание и чувства.

Я слушал их до самого утра, сжимая ее ладонь. Я так и не ушел. Смотрел на тонкие пальцы в своей руке и вдыхал ее сны — на этот раз легкие, радостные, счастливые. И оставался на месте.

Мне было о чем подумать.

Я покинул ее комнату лишь с рассветом, размышляя над тревожными фактами.

Иви снова обрезала волосы.

Иви видела эфрима, и теперь он является в ее сны.

У Иви на теле шрам, и я понятия не имею, откуда он.

Я хмелею от ее эмоций.

Я не испытываю к девушке, живущей в этом доме, никаких братских чувств.

И последнее, самое отвратительное.

Я невероятно влип. Потому что меня к ней невыносимо, болезненно влечет.

ГЛАВА 16. Экзамены

...Та зима выдалась особенно лютой. Весь приют слег от Стылой болезни, даже наставники чихали и кашляли. Старший наставник валялся в бреду, младшие отправляли письма в соседние города, прося о помощи. Из городской лечебницы приезжал целитель, но его сил не хватало, ведь и в Лурдене было полно заболевших.

Я отделалась лишь сиплым натужным кашлем, а вот Ржавчине досталось по полной. Его даже поместили в заброшенном корпусе, отдельно от других детей. В пустую комнату всунули набитый соломой тюфяк и одеяло, поставили кувшин с водой. Я, чихая и фыркая, как дряхлая ослица, потащилась следом за Ржавчиной.

Мне никто не препятствовал, не до того было.

В сырой комнате пахло пылью и пеплом.

«Мальчика надо согреть, это может помочь. А лучше... помолись святым и Божественному Привратнику, девочка», — устало сказал приютский врачеватель прежде, чем уйти к другим, более обнадеживающим детям.

Ржавчина задыхался и бредил, его тело тряслось в лихорадке. В молитвы я никогда не верила, так что скептически хмыкнула и принялась за дело. Развела в грязном очаге огонь и стала греть в пламени камни. Переворачивала их огромным черным ухватом, вытаскивала, заворачивала в тряпку и тащила к Ржавчине. Обкладывала мальчишку этими горячими «грелками», держала его за руку и обещала прибить, если не очнется.

Ночью я обхватывала горячее тело друга, притягивала к себе, пела ему детские песенки и шептала считалочку, которую сама и сочинила: Хромоножка, Черный Дрозд, Ржавчина, Проныра...

Лисий Нос и Серый Пес... Корочка от сыра. Дождь и Ветер, Плесень, Мор. Тень. Башмак... И Третий...

Я повторяла эти слова снова и снова, словно строила из знакомых имен сторожевые башни. Каждая — высокая и нерушимая, каждая до небес. Между ними — стена. А внутри — безопасность. Это было мое личное заклинание, моя нерушимая вера.

«Все мы здесь. И вот вопрос...

Кто за всех в ответе?

Вот и вся моя семья.

Угадай же, кто здесь я?»

В краткое мгновение сознания Ржавчина прошептал мне ответ. Я легла на жесткий пол и закрыла глаза.

К той страшной ночи я не спала уже несколько суток, и тяжелая дрема все же сморила меня. Я проснулась от странного шелестящего звука. Словно по пыльным доскам комнаты тащили жесткую парусину. Открыла глаза.

Над Ржавчиной склонилось чудовище. Эфрим. Это его крылья шуршали по полу. А сейчас его лапы с загнутыми черными когтями приподняли мальчика, словно тряпичную куклу, и эфрим всматривался в бледное, покрытое испариной лицо. Ржавчина был без сознания, он не видел распахнутой клыкастой пасти и черных угольных глаз чудовища.

Все это зрелище досталось одной мне.

Эфрим собирался сожрать Ржавчину. Или забрать с собой, как и других исчезнувших детей!

Я не издала ни звука. Лишь схватила из тлеющего очага ухват и со всей силы ткнула в бедро эфрима. Запахло паленой шерстью, чудовище зарычало. И повернуло ко мне жуткую голову.

Черные глаза уставились на меня.

— Пошел прочь! — пискнула я. — Не смей его трогать! Пошел!

Эфрим выронил мальчика. И двинулся ко мне.

А дальше — тьма. Единственный раз в жизни я потеряла сознание.

Наутро мой друг пришел в себя. Даже его кашель ослаб...

А в мой рассказ о жутком эфриме никто, конечно, не поверил.

* * *

Утром во время умывания я с ужасом увидела в зеркале серые радужки, лишь слегка отливающие зеленью. Неужели прошел почти месяц? В дверь постучал Кристиан, я подпрыгнула и выронила бутылку с мылом.

— Иви... все в порядке? — глухо спросил февр.

Я потеряла бледные щеки, плеснула в лицо водой, глянула в зеркало. И ужаснулась. Зелень окончательно исчезла из моих глаз. А «брат» как назло стоит в коридоре и, кажется, собирается оставаться там до старости!

— Иви?

— Я еще не готова!

— Нам надо поговорить. О том, что было ночью.

Вот же склирз! Я нервно покосилась на дверь, раздумывая, что делать. Ночной кошмар отступил, но ощущение объятий Кристиана — нет. Я проснулась с его запахом на коже и странным чувством защищенности. И это пробуждало во мне странные чувства. Сильные и пугающие.

Только вот единственное, чего я хотела сейчас — чтобы Кристиан ушел!

Дверная ручка медленно опустилась, и я чуть не завопила.

— Поговорим вечером!

— Сейчас. Иви, выходи немедленно, ты торчишь там почти час.

— Вот настырный, — пробормотала я, таращась на свои серые радужки. — Чтоб тебя мыши покусали!

Как только я выйду, Кристиан потащит меня в гостиную для разговора. И точно увидит мои глаза! Что же делать? Я сжала кулаки, вгоняя ногти в ладони.

В гостиную мне точно нельзя. В коридоре горит лишь один рожек, в его приглушенном свете цвет глаз не разобрать. А вот в гостиной...

Похоже, у меня лишь один вариант.

Одним движением я скинула с себя длинный бархатный халат и шелковую сорочку, растрепала волосы так, чтобы пряди упали на лицо и плечи. Подхватила полотенце и обмотала вокруг тела. Посмотрела на себя в зеркало. Кусок пушистой ткани закрывал меня от груди до середины бедра, оставляя открытыми плечи и ноги. Жутко неприличное зрелище! Закусив губу, я стянула полотенце пониже, оголяя верх груди. Глянула на себя в зеркало, выдохнула и толкнула дверь.

— Ты решила там поселиться... — начал Кристиан и поперхнулся. Его взгляд уперся в верхнюю границу полотенца, упал вниз — до моих обнаженных ступней. И снова пополз вверх. Медленно. Мучительно медленно.

— Мой халат намок, — пытаюсь не поддаваться панике, бросаю я. — Мне надо одеться.

Кристиан стоял между мной и коридором. И не двигался.

— Дашь мне пройти или так и будешь рассматривать? — спросила я.

Февр качнулся. Не от меня. Ко мне. Отпрянул резко. И развернувшись, ушел вниз.

Я вздохнула с облегчением и бросилась в свою комнату, сунула руку на балдахин, где у меня был

тайник. И с облегчением нашла бархатный мешочек, внутри которого лежала склянка.

Капать в глаза жгучую настойку — то еще развлечение, к тому же я снова ослепла. А ведь сегодня первые экзамены! По их итогам наставники составят финальный список, и мы узнаем, кто уже через несколько дней откроет Дверь!

Натыкаясь на мебель, я оделась и кое-как заплела волосы.

Глаза невыносимо жгло, но зрение слегка прояснилось. Нервничая, я вытащила карманное зеркальце и внимательно рассмотрела свои глаза. Белки покраснели, но радужки снова стали зелеными. Хвала Великому Привратнику! И двери-асу, создавшему эликсир изменения цвета!

А когда я спустилась, Кристиана дома не оказалось, он ушел.

Облачные Миражи унесли к Взморью остатки тепла. Остров покрылся легкой изморозью, а запах яблок сменился острым ароматом можжевельника и соли. Воздух стал прозрачным, колким и чуть-чуть обжигающим на вдохе. Сквозь низкие тучи веером пробивались лучи солнца, отчего Двериндариум казался лилово-золотым.

На ступенях Вестхольда уже собралась вся наша компания. Мелания и Итан нервно повторяли термины и классификации, Ринг подкидывал на ладони кривой нож, Ливентия недовольно постукивала носком ботинка и пыталась скрыть зевок. Я внимательно всмотрелась в лицо красавицы, но спрашивать ничего не стала.

— Все готовы? — Итан чихнул и поморщился. — Змеевы проделки! Кажется, я простыл! Иви, ты тоже бледная. Все хорошо?

— Отлично, — пробормотала я. — Идемте. Наставник ждать не будет.

В главном зале Вестхольда я задержалась у статуи Великого Привратника. Всмотрелась в развевающиеся белые одежды творца, в его сложенные ладони и лицо, скрытое капюшоном. Осторожно коснулась подола. Камень был теплым.

— Ты не бог и давно покинул наш мир, но прошу, помоги мне! Если можешь.

Изваяние осталось неподвижно и молчаливо. Хотя чего я ожидала? Что Великий сойдет с пьедестала или кивнет жалкой девчонке, стоящей у его ног?

Усмехнувшись, я побежала вслед за удаляющимися друзьями.

Большинство учеников уже заняли свои места, когда мы вошли. Киар обжег меня алым взглядом и отвернулся. Рейна глянула на брата, потом на меня, нахмурилась.

Я молча села за свой стол и уже привычным жестом открыла бювар. Нервно сжала в руках хрустальное перо. Остальные тоже переживали. Ринг сжимал кулаки, словно грубая сила могла ему помочь на предстоящем экзамене. Итан чихал. Толстощекая Сильвия дергала себя за косу, многие бормотали и бубнили себе под нос, пытаясь освежить в голове перепутавшиеся знания. Альф поднял голову и прищурился, увидев меня. А потом хмыкнул и послал воздушный поцелуй. Похоже, этого наглеца лишь могила исправит!

Одна Ливентия безучастно смотрела в окно, словно и вовсе забыла об уроке. Да бесцветные близнецы казались ледяными статуями — высокомерными и холодными.

Наставник вошел, как всегда, стремительно. Ученики встrepенулись.

Бладвин расположился за своим столом и вытащил большой шар из темного стекла.

— Это шар-опросник, — торжественно оповестил он. — В нем заключены две сотни вопросов по пройденному материалу. Вопросы не повторяются. Каждый из вас получит свою пятерку вопросов и ответит на них. Давайте приступим. Киар Аскелан.

Бесцветный поднялся на подиум и встряхнул шар.

— Классификация опасных знаний, — прочитал он на затуманившейся поверхности шара.

Наставник Бладвин сделал жест рукой, разрешая отвечать.

Я уткнулась носом в свои тетради, тихо радуясь, что вопрос достался не мне. Все же терпеть не могу эти классификации!

Киар отвечал быстро, четко и максимально подробно. Все пять вопросов он осветил настолько полно, что не осталось сомнений в том, кто лучший ученик нашего набора.

— Великолепно, лорд Аскелан, — наставник Бладвин не удержался от восторженных хлопков. — Просто великолепно! Ваши знания сродни вашей силе! Благодарю.

— Благо Двери, — склонил голову Киар.

Вслед за ним поднялась Рейна. Ее ответы были чуть медленнее, но такие же четкие и, ко всеобщей досаде, верные. Получив похвалу, бесцветная вернулась на свое место.

Я сжала ледяные ладони, паникуя все сильнее. Ожидание становилось невыносимым.

— Иви-Арденна Левингстон!

Сердце ударило в ребра, я подскочила. Уже? Моя очередь?

Поднялась на подиум. Отсюда было хорошо видно побледневшее лицо Ринга, похоже, парень действительно переживал. Неудивительно, на тренировках он один из сильнейших, но вот теория

здоровяку не давалась. Он ободряюще кивнул мне и уткнулся в тетрадь.

— Прошу, Иви, возьмите шар.

Я украдкой вытерла ладонь о мундир, выдохнула. И коснулась холодного стекла.

— Главный закон Дара.

Ну это просто!

— Мертвое! — обрадованно выдохнула я. — За Дверью можно взять лишь мертвое!

— Второй вопрос, — кивнул наставник.

«Перечень разрешенных для выноса Материалов».

Это я тоже знала!

— Железо и все сплавы, стекло или хрусталь, драгоценные камни, фарфор, ткань, нитки, сукно и лоскуты...

Я перечисляла, пытаюсь припомнить весь список. И, судя по довольному лицу наставника, у меня это получалось. Окрыленная, я перешла к следующему вопросу.

Здесь оказалось сложнее. Мне попалась одна из тех самых отвратительных классификаций даров. Огромный и сложный перечень, занимающий в моей тетради десять страниц!

Я прикрыла глаза, восстанавливая перед внутренним взором свои записи. Начала говорить, уже не глядя на наставника. Но когда закончила, учитель кивнул — ответ принят!

В четвертом вопросе оказались исторические сведения о первых легионерах. Я выпалила ответ и почти радостно потрянула шар-опросник в последний раз.

— Какой Дар вы получите, если вынесете из Мертвомира кость?

Я похолодела. Какой Дар? Я не знала ответа. Потерла лоб, отчаянно пытаюсь вспомнить. Что-то такое нам говорили... но вот что? Может, кость дает знание?

Необычное умение? Оружие или силу? А может, и вовсе сводит с ума?

Подняла голову. Альф смотрел, прищурившись, на его губах играла насмешливая улыбка. Мой взгляд метнулся в сторону. И наткнулся на холодное лицо бесцветного лорда. Алые глаза смотрели в упор. И тут Киар почти неуловимо сказал: «Нет».

Нет?

Мысли завертелись с сумасшедшей скоростью. Неужели гордый северянин мне подсказал? Да быть этого не может! А если и так, то могу ли я доверять этой подсказке?

— Иви-Арденна? — поторопил наставник Бладвин. — Так какой вы получите Дар?

— Никакой, — медленно произнесла я. И добавила громче: — Потому что кости выносить нельзя! Это условно живой материал, наставник! И он под запретом!

Бладвин улыбнулся.

— Что ж, вы отлично подготовились, Иви-Арденна. Садитесь. Ливентия Осхар, ваша очередь.

Не веря своим ушам, на негнущихся ногах я пошла к своему месту.

Я сдала? Я сдала! Благодарю, Великий Привратник! И... Киар Аскелан.

Мне хотелось увидеть его лицо, но лорд не поворачивался, безотрывно глядя лишь перед собой.

* * *

Несмотря на свою отстраненность, Ливентия справилась со всеми вопросами. А вот Ринг запутался в терминах и дал лишь два ответа. Расстроенный и мрачный здоровяк вернулся на место. Сел, низко опустив голову. Мелании повезло, ее вопросы оказались

довольно легкими, так что послушница с ними расправилась без проблем. Альф тоже ответил на все пять, а вот чихающий Итан лишь на три. Удивил всех Майлз — его ответы оказались блестящими, а ведь тощий вихрастый парень всегда казался молчаливым и замкнутым. У остальных результаты оказались средними. А вот толстощекая Сильвия провалилась, ей удалось дать ответ лишь на один вопрос, да и то с трудом. И к нашему изумлению, вернувшись на место, девушка со всей силы грохнула на пол свой бювар. За что и получила еще одну штрафную звезду от наставника.

— Несдержанность непозволительна для тех, кто желает получить Дар, — наставительно поднял палец Бладвин. — Урок окончен. Благо Двери!

Лекторную мы покидали в разном настроении, кто радовался, кто сокрушался. Или сокрушался и чихал, как Итан!

Но расслабляться было рано, нас ожидал второй этап — практика.

Экзамен на скорость и выносливость мы сдавали перед четырьмя наставниками. Помимо мрачного Кристиана, здесь были февр Стивен Квин, февр Орнел и Эмилия Сентвер. Каждый наблюдатель после выставит свою оценку — штрафную звезду или поощрительный бал. Нас же ждала полоса препятствий. Нужно было преодолеть поле, испещренное болотистыми траншеями, нагромождением камней, лужами или насыпями.

Переодевшись, ученики выстроились в линию. Рядом со мной оказались Итан и Ливентия.

Наставники расположились на возвышенности и поднесли к глазам приближающие стекла. Эмилия подняла руку с желтым платком. И разжала пальцы. Итан чихнул. И все сорвались с места, словно стрелы, выпущенные из тугο натянутого лука!

Я вырвалась вперед, но тут Ливентия вскрикнула, ее ноги проехали на влажном мху, и девушка рухнула прямоком в лужу. Я оглянулась через плечо. Красавица сидела на земле и кажется, собиралась разрыдаться. Она обернулась на наставников, и ее щеки под брызгами грязи стали пунцовыми.

Я замешкалась.

— Иви, беги! — рявкнул Итан.

Я сжала кулаки. Зеленая стрекоза, найденная у моего дома, тайна, которую явно скрывает Ливентия, недомолвки... Она мне не друг. Надо бежать... На кону слишком много, тут каждый сам за себя! Беги, Вивьен!

Скрипнув зубами, я вернулась и рывком дернула Ливентию за руку, поднимая.

— Позор... — прошептала девушка. — Это все ужасно! Я ужасна ...

— Не смей сдаваться! — приказала я. — Ну же, покажи всем, чего ты стоишь, Ливентия Осхар! Ты достойна большего, чем рыдать в этой луже! Я в тебя верю.

Влажные чайные глаза южанки изумленно распахнулись. Она судорожно сглотнула и снова посмотрела на возвышенность, где стояли наставники. И вдруг сжала кулаки и понеслась вперед.

— Бежим!

Я лишь кивнула и припустила следом.

К сожалению, из-за этой заминки мы оказались в самом хвосте. Даже тщедушный Майлз и неуклюжая Сильвия успели нас обогнать. А бесцветные близнецы уже преодолели насыпь из камней и неслись вокруг искусственного пруда. Я припустила изо всех сил. Реальность растворилась. Я бежала, летела, парила! Я неслась вперед на пределе своих сил! Вот позади остался Итан, а потом — Альф. Вот я догнала Ринга, и парень поднял вверх сжатый кулак — знак одобрения.

Сильвия позади вскрикнула и свалилась, Итан расчихался и тоже упал на траву.

Я бежала.

Перепрыгивала лужи, пролезала под низкими колючими зарослями, карабкалась на каменистую насыпь. Бежала. Перед глазамиплыли воспоминания — холодный приют, магазинчик вдовы Фитцильям, нетопленный камин, чашки... И я бежала еще быстрее, уносясь прочь от своего прошлого. Я бежала к тому, что ждало меня впереди. К Дару. К будущему. Я почти не чувствовала ног. Но продолжала нестись.

Мелькнуло изумленное лицо Рейны. Улыбка Киара.

И неожиданно я увидела яблоневый сад, мирно покачивающий ветвями за низкой каменной оградой.

— Горячая кровь и сильный дух, — хрипло сказал позади лорд Аскелан. — Я ведь говорил.

Я же изумленно провела руками по влажным камням и всей грудью вдохнула соленый и сладкий воздух.

Я справилась! Я прибежала первой.

ГЛАВА 17. Праздник

Нам сообщили, что финальный список Двери наставники огласят на празднике в честь первых экзаменов. Так что все вздохнули с облегчением — на какое-то время можно забыть об испытаниях и Дарах.

Угощение и музыка ждали нас в ресторане «Последний фрегат» на главной улице острова — Морская Гавань.

Вечером я сменила уже привычный жесткий мундир на платье — одно из тех, что купила для меня Ардена. У наряда был модный приталенный силуэт, плотная синяя юбка красиво облегла бедра и разлеталась складками ниже колен, а в кокетливом высоком разрезе пенился воланами светло-голубой шелк. Верх был девственно-белым. Он обнимал талию и оставлял открытыми плечи. Большинство учениц ради праздника отправились к мастеру-причесочнику, я же просто заколола чистые волосы костяными шпильками, оставив свободные завитки у лица.

И, посмотрев на себя в зеркало, улыбнулась.

Удивительно, но я почти свыклась со своим новым обликом. Хотя волосы не мешало бы укротить!

Но не сегодня. Сегодня мне хотелось быть красивой. И это желание было странным. Я никогда не мечтала о красоте, даже не задумывалась о ней. Я хотела быть сытой, тепло одетой, хотела безопасности и немного монет в кармане. Но красота? Слишком непрактичное понятие для приютской девчонки.

Так почему же сейчас я вдруг захотела быть красивой?

Я нервно сжала ладони, вслушиваясь в шаги внизу. Кристиан вернулся. А мне пора выходить.

Осторожно вытащила из узкой вазы нежно-розовый цветок и приколола к волосам.

Бесшумно открыла дверь своей комнаты и шагнула на лестницу. Ступенька, вторая... И я увидела замершего в дверном проеме Кристиана. Он был в своем привычном черном мундире, из-за плеча торчала рукоять и дара. Стоял, привалившись плечом к двери, и смотрел на меня.

Так странно смотрел, что внутри стало больно и одновременно слишком хорошо.

Медленно я спустилась и замерла рядом с февром. Он молчал, не отрывая от меня взгляда.

— Проводишь меня на праздник? — тихо спросила я. — Благородной девушке не пристало являться без спутника.

Крис медленно кивнул.

— Список уже готов? Может, расскажешь, на каком я месте?

Февр улыбнулся.

— Узнаешь вместе со всеми, — его голос царапнул хрипотцой.

— Ну вот, а я надеялась получить хоть какую-то выгоду от того, что мой брат — наставник, — сокрушенно пробормотала я, и Кристиан рассмеялся. Легко, открыто, как-то по-новому. Подошел и медленно убрал за ухо прядь моих волос. Его пальцы невесомо коснулись моей щеки.

— У меня самая быстрая сестра в империи, — с прежним непонятным выражением произнес он. — И самая красивая.

Я задохнулась.

— Ты никогда не говорил о моей красоте.

Зачем я это произношу? Зачем он так на меня смотрит?

— Но это не значит, что я ее не вижу, — ответил он и протянул мне согнутую руку. — Пойдем. Ты заслужила

праздник, Иви.

Заслужила? Значит ли это, что я все же попала в пятерку лучших?

Кристиан снова рассмеялся, увидев мой взгляд. И тронул мои губы, словно запечатывая их.

— Терпение, Иви. Я не могу сказать.

— Может, просто кивнешь? Моргнешь? Многозначительно посмотришь в потолок? Нет?

— Иви! — февр расхохотался. — Кажется, ты сумеешь обойти даже камень молчания, негодяйка! Наверное, стоит сообщить верховному февру.

— Пусть это будет нашей тайной, — лукаво произнесла я.

И прикусила губу. Великий Привратник! Я что же, флиртую? И с кем?

Тряхнула головой, но, не выдержав, тоже рассмеялась. Крис накинул мне на плечи короткую накидку, взял зонт и вывел из дома.

С темного неба лил холодный дождь, и Крис раскрыл над нами купол зонта. Мы подошли к ограде, и тут я увидела мехомобиль.

— Я подумал, что ни к чему портить грязью твои изящные туфельки, — усмехнулся Крис, когда я восторженно ахнула.

— Хороший брат? — подняла я брови.

— Не настолько плохой, — медленно ответил он.

Мы замерли, глядя друг на друга. Потоки дождя стекали с зонта, сближая нас под тесным пространством хлипкого купола. Воздух упоительно пах океаном. И он был рядом — бушующий, горький, сладкий.

— Иви, — начал Кристиан.

— Праздник уже начался, — тихо сказала я. — Мы опоздаем.

Он усмехнулся и кивнул, открыл дверцу железной машины, помогая мне сесть.

— Морская Гавань — звучит очень внушительно, — сказала я, разрушая опасную тишину в мехомобиле.

— Это дань прошлому Иль-Тириона, — слегка улыбнулся Кристиан. — Настоящая гавань ушла под воду, от нее остался лишь клочок суши. И, конечно, в гавани острова не стоят корабли, зато там полно ресторанов и кофеен. Тебе понравится.

— А ты предпочел бы корабли, верно? — ответила я на его улыбку.

— Вероятно, — он провел рукой по волосам, и темная прядь упала на лоб парня. Мне захотелось ее коснуться. Поэтому я принялась рассматривать пейзаж за окном.

Мехомобиль уже свернул с жилых улиц на ярко освещенную дорогу. За месяц в Двериндариуме я так и не добралась до этих мест. А ведь именно сюда стекались после учебы студенты и наставники. Среди кустов вечнозеленого остролиста и красиво подстриженных деревьев светились огни разноцветных уличных фонариков, магазинчиков и ресторанов, играла музыка, проносились мехомобили. Я зачиталась вывесками: «Лучшие булочки от матушки Агни», «Императорская трапеза», «Золотая ложка», «Истории, рассказанные тенью», «Зазеркалье», «Тысяча и одна сказка Рухт»! Возле здания с белыми колоннами и надписью «Театральные постановки и живые фигуры» танцевала бронзовая пара, выполненная в человеческий рост. Медленные движения блестящих рук и ног — завораживали. Пара кружилась, расходилась и снова сливалась в танце на ярко освещенном пятачке брусчатки.

— Это танцоры Лилиан Эхруст, — заметил мой интерес Кристиан. — У нее Дар оживлять бронзовые и железные фигуры. А внутри здания мастера пустоты создали целый город, населенный ее творениями. Хочешь посмотреть?

Я кивнула.

— Конечно, это не Большой Императорский Театр, но довольно интересно.

— Я хочу, — торопливо пробормотала я. — Очень! Сходим вместе?

Кристиан посмотрел на меня и как-то неуверенно кивнул.

На многих фасадах красовались живописные завлекающие картины, нарисованные на деревянных щитах. На некоторых подмигивали прохожим пышногрудые красавицы, на иных — красовались мужественные легионеры. Порой встречались вывески несуразные и смешные: по деревянным стенам маленькой круглой кофейни кот носился за толстой мышью, которая улепетывала, а под окошками останавливалась и принималась корчить рожицы.

«Мышиная погоня» — темнела надпись над дверью. И рядом виднелась кривоватая приписка: мышей у нас нет, не надо бояться!

Пожалуй, я как-нибудь наведаюсь в эту кофейню!

Вокруг небольшого искусственного озера, в центре которого пускала струи воды пучеглазая каменная рыба, прогуливались нарядно одетые пары. На женщинах красовались дорогие бархатные накидки или шубки — распахнутые, чтобы были видны яркие платья. Мужчины носили серые и черные пальто с серебряными или фарфоровыми пуговицами и широкими меховыми воротниками, а иные — все те же мундиры фэвров.

Морская Гавань кипела весельем и жизнью. И даже черная тень Вестхольда не омрачала царящий здесь праздник.

Мехомобиль снова свернул, и я ахнула, увидев черный фрегат. Огромный корабль, застывший на брусчатке. Его сложенные паруса казались крыльями птицы. Вот-вот — и взмахнет, вот-вот — и полетит. Но увы. Этот фрегат навечно стал пленником булыжной

мостовой, расстилающейся под ним вместо морской волны.

— Он похож на пиратский корабль, — вырвалось у меня. — Только капитана не хватает.

— Да, — улыбнулся Кристиан. — Я подумал так же, когда увидел его. Мы приехали, Иви.

Мехомобиль остановился под старым кленом, Крис вышел и открыл мне дверцу.

Фонарики освещали дорожку к кораблю, откуда доносилась музыка. Мы поднялись по ступеням-сходням и очутились внутри фрегата. Здесь свисали с потолка такелажные сети и веревки, плескались в круглых окошках золотые рыбки, а в центре растопырил щупальца ледяной осьминог, держащий блюда с закусками и напитками.

Возле него уже толпились ученики и даже наставники.

— Учти, на фрегате дрянные напитки, Иви, — сказал Кристиан.

Я повернулась к февру.

— Ты не пойдешь со мной?

Он качнул головой, и меня укололо разочарование.

— Повеселись.

— Неужели мой строгий брат произнес это ужасное слово? — не удержалась я. — Повеселись? Мне не слышалось?

Кристиан рассмеялся и склонился так, что его дыхание лизнуло мне висок.

— Будь... благоразумна. Я отвезу тебя домой, когда праздник закончится.

Окинув помещение внимательным взглядом, Кристиан развернулся и ушел. Я вздохнула. Что ж. Попробую последовать его совету и повеселиться! В конце концов, я это заслужила!

— Иви! — меня заметила Мелания и помахала рукой. Праздничная послушница мало отличалась от

послушницы будничной. На девушке было скромное серое платье, а из украшений — лишь белый воротник и скромная жемчужная подвеска на тонкой серебряной нити. Даже волосы Мелания заплела в обычную косу. И почему я не подумала, что у послушницы просто нет красивых платьев? Надо было ненавязчиво предложить одно из своих, впрочем, Мелания вряд ли согласилась бы.

Зато увидев меня, девушка просияла.

— Иви! Какая же ты красивая! Словно морская богиня!

Я рассмеялась, удивляясь бесхитростности этой девушки. Сняла со своих волос цветок и приколола на платье девушки.

— Ты — тоже, — улыбнулась я. — Все уже собрались?

Я осмотрелась. От блеска украшений и многоцветия тканей зарябило в глазах! Даже наставники преобразились. Я увидела возле круглого аквариума нескольких наставников и улыбающуюся Эмилию Сентвер. В красивом сиреновом платье и шляпке с вуалью она выглядела моложе и гораздо привлекательнее. Что уж говорить об учениках! Я так привыкла видеть всех в форме Двериндариума, что забыла, какими они могут быть нарядными. Альф красовался в великолепном фраке и расшитом розами жилете. К зеленому камню в его ухе добавилась изумрудная шейная булавка и несколько массивных перстней.

Бесцветные близнецы были одеты в традиционные цвета своего рода — белый и серебряный. Алые рубины стекали кровавым водопадом по пышной юбке Рейны и сюртуку Киара.

Итан нарядился в бархатные штаны и расшитый золотой нитью пиджак, а Майлз выбрал для праздника

бордовый сюртук-мантию, который казался слишком большим для его щуплого тела.

Толстощекая Сильвия в желто-розовом пышном платье вовсю уплетала песочные корзиночки с рыбой и морскими гадами, не обращая внимания на остальных.

Но всех затмевала Ливентия. Сегодня на южанке переливалось и искрилось платье цвета ее любимой лиловой розы. Темные локоны сдерживала драгоценная золотая сеточка, а нежные руки закрывали ажурные перчатки. Ну и конечно, по ткани порхали бабочки и стрекозы — неизменные спутники Ливентии! Сама девушка в блеске драгоценностей казалась чудесным цветком — хрупким и невероятно красивым.

— А где Ринг? — вспомнила я.

— Может, плачет в своей конуре, — фыркнула Ливентия, подходя ближе. — Вряд ли он попадет в пятерку лучших после такого провального экзамена!

— Почему ты такая злая? — насупилась Мелания. — Ринг не сделал тебе ничего плохого!

— Ах, ты теперь его защитница?

— Я просто...

— Ринг пришел, — со странной интонацией протянул Итан. И чихнул.

— Где он? — не поняла я, выискивая знакомую фигуру.

— У двери. Только я не уверена, что это Ринг, — изумленно пробормотала послушница.

Здоровяка можно было узнать только по росту и широким плечам. Вот только сегодня эти плечи были облачены в идеально скроенный костюм. Черный удлиненный пиджак подчеркивался расшитым парчовым жилетом и дорогой булавкой в шейном платке. Брюки со стрелками и модные глянцевые туфли превратили дикаря в столичного модника. А завершила преобразование прическа. Неопрятные черные патлы

исчезли. Чистые волнистые волосы Ринга были стянуты в аккуратный хвост и перевязаны бархатной лентой.

Заметив нас, Ринг подошел и встал рядом со мной. Небрежно вытащил золотые часы, щелкнул крышкой.

— Чуть не опоздал... Список еще не объявляли?

Мелания открыла рот, вытаращившись на Ринга. Итан выглядел изумленным, как и Ливентия. Впрочем, девушка быстро взяла себя в руки и сморщила точеный носик.

— Ты украл у кого-то костюм? Не терпится снова загреметь на свою любимую каторгу?

— Я заказал его у местного портного, — хмыкнул здоровяк. Хотел что-то добавить, но тут зазвенел бронзовый колокольчик, и в круг света выступила Эмилия Сентвер. За ее спиной вспыхнула огоньками меловая доска — пока пустая.

Смотрительница Вестхольда всплеснула руками.

— Мои дорогие! — радушно улыбнулась она. — От лица всех наставников я приветствую вас на этом празднике. Вы прожили необыкновенный месяц, ваш первый месяц в Двериндариуме.

Для многих он оказался сложным и трудным, но вы должны понимать, что Дары — достаются самым достойным, упорным и трудолюбивым. Ваши учителя составили список лучших, тех, кто уже послезавтра впервые откроет Дверь. Прикоснется к великому чуду нашей империи. Станет частью этого чуда.

«Послезавтра?» — прокатилось по фрегату. Уже послезавтра?

Ученики затаили дыхание. Я против воли стиснула тонкую ножку бокала, который мне вручил Итан. От волнения закружилась голова. Неужели... неужели все это правда? Порой я все еще не верила, что нахожусь здесь.

— Итак, прошу вашего внимания! — торжественно произнесла Эмилия, звякнув колокольчиком.

— Куда уж больше, — хмыкнул Альф, непонятно как оказавшийся рядом со мной.

Я неприязненно отодвинулась. Я не забыла, как он усмехался на экзамене, видя мой отчаянный взгляд. Парень нахмурился и залпом выпил свой бокал.

— Внимание! Ваши итоги на экзаменах!

Эмилия провела рукой, и на меловой доске вспыхнул список наших имен. Я взглядом нашла свою строчку — Иви-Ардену Левингстон. И ощутила, как заполошно забилося сердце. Слишком низко! Мое имя слишком низко! Проклятые штрафные звезды!

— Совершенно справедливо первое место нашего прекрасного, чудесного списка занимает имя Киара Аскелана! — провозгласила Эмилия и снова коснулась доски.

Белые буквы налились краснотой и плавно переместились на первую строку.

— Во время обучения лорд Аскелан набрал максимальное количество баллов за теорию и практику. Это дает мне право и сегодня отдать лорду Аскелану почетное первое место.

Раздались хлопки. Киар даже не склонил головы, по-прежнему безучастно рассматривая и смотрительницу, и доску, на которой горело его имя.

— На втором месте, рядом с братом, долгое время вы видели имя его сестры, Рейны.

Бесцветная снисходительно улыбнулась, когда белые буквы с ее именем покраснели и встали на вторую линию.

— Но итоговые экзамены внесли изменения, — лукаво улыбнулась смотрительница. — На практическом занятии первой преодолела полосу препятствий... Иви-Ардену Левингстон!

Мое имя порозовело и перепрыгнуло сразу несколько строчек вверх, оказавшись на шестом месте. Мое сердце едва не остановилось! Шестое?

— Теоретическая часть добавила Иви положительных баллов от наставника Бладвина, — продолжила смотрительница. — Но это еще не все. Иви-Ардена получила три дополнительных балла от одного из наставников. — Эмилия обвела взглядом зал и коснулась доски. Имена на ней пропали, зато вспыхнули слова.

— «За веру в тех, кто остутился», — прочитала Эмилия.

У меня пересохло в горле. Я знала, кто наградил меня этими поощрительными баллами. Кристиан все же поверил в меня.

— Общие баллы Иви-Ардены поднимают ее на второе место нашего списка! — объявила Эмилия, а я не поверила своим ушам.

Рейна побелела, обрета почти полное сходство с ледяной статуей. Но на бесцветную я не смотрела.

Меня поздравляли, Мелания смеялась, а я все не верила. Когда Киар слегка наклонил голову, приветствуя меня, на щеках его сестры расцвели пурпурные розы злости.

— Иви, ты вошла в пятерку лучших! — снова и снова повторяла Мелания. — Иви, я так за тебя рада! А ты? Я?

Мне хотелось выбежать из этого зала, пронестись по ступенькам-сходням и увидеть темный силуэт одного февра. Это все, чего мне хотелось.

Но я осталась стоять.

На третьей строчке ожидаемо оказалась Рейна. И последними в пятерку вошли Альф и с большим отрывом — Ринг. За последнего я искренне порадовалась, а вот от попыток Альфа наградить меня объятиями — уклонилась. Мелания оказалась девятой, несмотря на ее успехи в теории, а Ливентия — десятой.

Огласив последнюю строчку, на которой краснело от стыда имя Сильвии, смотрительница хлопнула в

ладоши. И с потолка посыпался ворох цветных лент и блестящей чешуи.

— От лица всех наставников я поздравляю вас с первым месяцем обучения! Ну и конечно — особенные поздравления пятерке лучших! — заключила смотрительница. — Этот праздник в вашу честь, мои дорогие! Музыка!

Из музыкального угла полились чарующие звуки. И возле меня вдруг оказался Киар Аскелан.

Мои друзья замерли, настороженно глядя на северянина.

— Окажешь мне честь, Иви-Арден? — насмешливо произнес лорд, протягивая мне руку.

Со всех сторон я видела изумленные взгляды других учеников. Паника накатила волной — я ведь совсем не умею танцевать!

Только прилюдно отказать Киару — это нанести лорду еще одно оскорбление, которое он вряд ли стерпит. Что же делать? Я, кажется, побледнела, вслушиваясь в неторопливый ритм музыки. И вдруг поняла, что слышу «танец воды» — медленный и спокойный. Как говорила вдова Фитцильям, танец воды придумали для частных бесед и пожилых господ с больными коленями! В нем практически нет танцевальных фигур, лишь неторопливое покачивание!

Хвала танцу воды!

Облегчение было таким острым, что я радостно улыбнулась, вкладывая свою руку в прохладную ладонь Киара. Лорд удивленно поднял белые брови и притянул меня ближе.

Медленный поворот — и пальцы северянина сжали мою талию.

Я встретила взгляд его красных глаз. Вблизи они пугали еще больше. Алые, с темной багровой каймой и черным зрачком. Жуткое зрелище! Однако я заставила себя смотреть в эти глаза, не мигая.

— Я должна поблагодарить тебя, Киар, — сказала я. Его брови снова поднялись вверх, изображая удивление.

— Ты мне помог, — чуть слышно продолжила я. — На уроке. Подсказал.

— Тебе показалось, Иви.

— Однако благодаря этому «показалось» уже послезавтра я открою Дверь, — упрямо повторила я. — Я тебе... благодарна.

— Но мне не нужна твоя благодарность, Иви, — северянин отступил на шаг и поднял руку. Я, слегка замешкавшись, повернулась вокруг своей оси, и мы снова вернулись в исходную позицию. Только Киар притянул меня чуть ближе, чем раньше. — Мне нужна жена. После Двериндариума я вернусь домой и хочу, чтобы ты поехала со мной. Ты достойна Севера.

— Ты по-прежнему ошибаешься, — вздохнула я. — И ты ведь слышал моего брата. Он сказал «нет».

— Я помню, — едва уловимая усмешка скользнула по тонким губам лорда. — Твой брат собственник, как и моя сестра. Они не хотят нас делить с другими, не так ли, Иви?

Поверх серебряно-алого плеча Киара я нашла взглядом Рейну и содрогнулась. Бесцветная не танцевала. С вниманием гремучей змеи она следила за нами.

— Похоже, Рейна меня ненавидит, — пробормотала я.

— Она ненавидит всех, кто удостоивается моего внимания, — усмехнулся Киар. — Не беспокойся. Рейна примет мой выбор, это неизбежно.

— Похоже, тебя не слишком волнуют ее чувства, — удивилась я.

Алые глаза лорда блеснули.

— Ты ошибаешься, — мягко сказал он. — Рейна боится потерять меня. Но у меня есть обязательства.

Рейна это понимает.

— Как должна будет понять и твоя будущая жена?

— Именно, — еще одна бесцветная улыбка. — Вероятно, я был слишком... поспешен. Но я не привык к долгим ухаживаниям, предпочитаю сразу переходить к делу. Я могу предложить очень много, Иви. Защиту. Богатство. Титул. Возможно, даже корону севера. И я... буду о тебе заботиться. Ты можешь мне верить.

— И ни слова о чувствах, — медленно сказала я, всматриваясь в спокойное лицо лорда. — Никакой любви? Так?

Он кивнул, соглашаясь.

— Рубиновая кровь северных лордов слишком густая, Иви. Думаю, я не способен на столь сильные эмоции, как... любовь. Но разве ты ищешь ее?

Я, подумав, кивнула. Да, не о любви мои грезы.

— Мы можем стать добрыми друзьями, Иви, — голос Киара белой змеей вползал в голову, обволакивал. Блеск рубинов завораживал. — Это хорошая основа для крепкого брака. Я не причиню тебе боли, стану твоим защитником. Ты увидишь северное сияние, ледяные дворцы и рубиновые башни. Я покажу тебе, как красив Колючий Архипелаг. Ты услышишь голос севера и полюбишь мой дом. Я обещаю.

Я тряхнула головой, выныривая из омута его слов.

— Музыка закончилась, лорд Аскелан. Я благодарю тебя. Но я не стану твоей женой.

Он снисходительно улыбнулся.

— Аскеланы никогда не сдаются, Иви.

На это я отвечать не стала, лишь вынула свою руку из его ладони и пошла прочь.

Вокруг покачивались другие пары, смеялись ученики. Кто-то хрустел закусками, кто-то смеялся и налегал на горячее вино. Пунцовая от смущения Мелания танцевала с Итаном, а хрупкий Майлз осмелился закружить в танце саму Эмилию Сентвер!

Ко мне шагнул Альф, но я выскользнула из его объятий и прошипела:

— Руки убери!

Красавчик фыркнул.

— Значит, я был прав? Решила заполучить ледяное сердце северянина? Наш замороженный лорд снизошел до танца, кто бы мог подумать! — кажется, от выпитого вина Альфа развезло. Он схватил с подноса бокалы, один сунул мне, второй залпом выпил. И прищурившись, провозгласил: — За веру в тех, кто оступился! Ну надо же. Не замечал в тебе склонности к благородным порывам, Ардена. А ты умеешь удивлять.

Я поморщилась и попыталась незаметно сбежать, но клятый Альф перегородил мне дорогу. А привлекать внимание к нашей ссоре мне не хотелось. Тем более, что Киар Аскелан и так с нас глаз не сводит!

— Ты, как и я, попал в пятерку лучших, так радуйся и оставь меня в покое, — с ледяным презрением произнесла я. Попыталась поставить бокал обратно на поднос, но Альф перехватил мою руку.

— Даже не выпьешь со мной? По старой дружбе?

— Альф, — устало сказала я. — Нет никакой дружбы. Нет, и не было. И найди себе другой объект для развлечений.

Альф хотел ответить, но нахмурился и уставился на мою руку, которую все еще сжимал.

И тут рядом возник Киар. Алые глаза казались кровавым пожаром — жуткое зрелище!

— Господин Нордвик причиняет тебе беспокойство, Иви? — с ледяной любезностью произнес Киар, рассматривая Альфа с таким выражением, словно тот был грязью на подошве безупречных сапог бесцветного.

Альф поперхнулся вином и глянул с яростью.

Я торопливо отодвинулась от них обоих.

— Со мной все в порядке, лорд Аскелан! — отчеканила я и сбежала на другой конец зала. Благо, ни

Альф, ни Киар за мной не последовали, лишь проводили взглядами. Я прикусила изнутри щеку, недоумевая. И что они ко мне прицепились? Верно, от скуки! Надо держаться подальше от обоих, может, найдут себе иной объект для внимания!

К счастью, ссору никто не заметил — фрегат праздновал и веселился. За медленным танцем воды заиграл быстрый и страстный вистрот, о котором я знала, но танцевала, конечно, не умела. Так что пришлось спрятаться за кадкой с небольшой пихтой, чтобы избежать нового приглашения. Мелодии менялись, пар в кругу света становилось все больше. Я увидела смеющихся Меланию и Итана и помахала им рукой. Послушница краснела, парень выглядел довольным.

Воодушевленный своим успехом Майлз пытался пригласить на танец Сильвию, но та предпочла общество закусок, а не парня. Я улыбнулась, представив пышнотелую девушку в объятиях тщедушного ухажера.

Пройдя сквозь толпу, я осмотрелась. Вокруг хохотали, кружились, болтали, жевали и пили ученики. Сверху все еще сыпалась блестящая чешуя, и все вокруг мерцали и искрились. Веселье набирало обороты, а когда наставники сообщили, что в конце праздника нас ждет фейерверк, зал и вовсе взорвался овациями. Всеобщее ликование захватило и меня. Я улыбалась, рассматривая радостные лица. И все же ощущала, что чего-то не хватает.

Или... кого-то.

Мне не хватало Кристиана.

Понимание заставило меня остановиться и схватить стакан с холодной водой. Залпом выпила и потрясла головой, надеясь вытряхнуть оттуда крамольные мысли. Какой там! Даже если я хорошенько стукнусь лбом о бок фрегата, это не поможет!

Вот только это совершенно недопустимо. Я не должна думать о февре. Не должна!

Вздохнув, я двинулась к стоящей у столиков Ливентии, надеясь, что болтовня с ней меня отвлечет. Но когда приблизилась, к нам шагнул Ринг и вдруг протянул Ливентии руку, приглашая на танец! Южанка перевела взгляд с широкой ладони на улыбающееся лицо парня. Улыбка меняла лицо здоровяка, делая его совсем молодым. И еще — довольно привлекательным.

— Потанцуем, Конфетка? — выдохнул он.

И меня кольнуло дурное предчувствие.

Бархатные очи Ливентии сузились.

— Убери от меня свои грязные лапы, — рявкнула она. — Думаешь, нацепил на себя чужой костюм, стянул где-то часы и можешь танцевать со мной? Как бы не так! Ты каторжник без фамилии, а я — Каприс-Ливентия Осхар, дочь Осхаров-Ливейров, основателей Гранданы! Мой отец обедает с императором, а твой добывает руду в шахтах! Не смей даже смотреть в мою сторону, понял?

И, недовольно стукнув каблучками, Ливентия понеслась в сторону палубы-террасы.

Ринг так и остался стоять — с приклеенной улыбкой и протянутой рукой.

Я ошарашенно перевела взгляд с удаляющейся южанки на Ринга. Качнулась к парню, но он обжег взглядом — не подходи. Повернулся и пошел прочь.

А я схватила свою накидку и ринулась вслед за девушкой.

На палубе расставили кадки с поздноцветущими растениями и красиво подстриженными пихтами. Людей здесь не было, над островом разбушевалось осеннее ненастье, а небо грозило набухшими тучами.

Ливентия застыла у палубы, обхватив себя руками. И когда я подошла, глянула косо. Бархатные глаза девушки влажно блестели, верно — от дождя.

— Надеюсь, ты пришла не для того, чтобы прочитать мне нотацию! — бросила южанка. — Наставлений мне хватает от нашей святоши!

Я мотнула головой, сунула руку в свою крошечную сумочку и достала зеленую стрекозу.

— Нет. Я нашла твое украшение, Ливентия.

Южанка посмотрела на блестящее украшение и нахмурилась.

А я продолжила:

— Нашла возле моего дома, в кустах остролиста. Что ты там делала?

Девушка схватила стрекозу и приколола на платье.

— И не вздумай мне врать! — добавила я.

Южанка вспыхнула, глянула на бушующее Взморье.

— Я встречалась там с твоим братом, Иви.

— Что? — я опешила, ожидая чего угодно, но только не этого. Даже если бы Ливентия призналась, что это она повязала на мою дверь злополучный бант, я удивилась бы меньше.

— Встречалась с Крисом?

— Да, — Ливентия смотрела с вызовом.

— И что же... — пробормотала я, внезапно растеряв весь свой запал злости.

— Мы поцеловались. Вернее, он меня поцеловал. Схватил за волосы. За плечи. Все было очень... очень... Ах! Ты и правда хочешь подробностей?

— Ты мне врешь, — нахмурилась я. Врет! Чтоб меня Дзуликий забрал — врет! — Кристиан тебя выгнал! Он не мог!

Ливентия улыбнулась. Как-то иначе, как-то особенно. Так, что стало ясно — не врет. Она действительно была возле нашего дома с Кристианом. И он действительно ее поцеловал.

Внутри меня что-то заныло. И захотелось ударить красивое лицо южанки. А потом найти Кристиана и... и что? Я ведь сама желала соединить их, чтобы отвести

от себя внимание февра! И разве не должна сейчас радоваться? Кристиан и Ливентия — прекрасная пара. Молодые, красивые, родовитые. Не то, что нищенка Вивьен Джой... Я стала привыкать к своей маске, я почти ощутила себя ровней с такими, как Ливентия или Кристиан. Но это не так. И никогда не будет так! Опомнись, Вивьен!

Осознание остудило, словно мне на голову вылили ушат помоев.

— Думаю, он сделает мне предложение, — ворвалась в мои мрачные мысли Ливентия. — Не сразу, конечно. Для начала нам нужно лучше узнать друг друга. Но я ему нравлюсь. А может, он уже влюблен. Тот поцелуй... Ты не представляешь, каким страстным он был! Мне казалось, Кристиан сошел с ума! Что он... не отпустит меня! Плодовитая Матерь! Никто и никогда меня не целовал... так! — пробормотала Ливентия имя своей южной святой. — Ты рада за нас?

— Невероятно, — пробормотала я, прикидывая, поместится ли тело Ливентии в кадку с пихтой? Или лучше столкнуть девушку с фрегата и утопить в море?

— Иви?

— Мне надо идти.

Развернулась и бросилась прочь.

Внизу втапывал в грязь свой сюртук Ринг. Бархатная лента больше не сдерживала его волосы, и темные пряди привычно падали на глаза парня. Увидев меня, он глянул как всегда — исподлобья, ударил кулаком по боку фрегата, оставив внушительную вмятину, повернулся и ушел.

А я обхватила себя руками. Вот что случается, когда пытаешься быть кем-то другим.

Сверху лилась музыка, доносились взрывы смеха и звон разговоров. Праздник продолжался. Но я не хотела возвращаться туда. К Змею в пасть такой праздник! Обогнув фрегат, я остановилась, глядя на мехомобиль

под кленом. Я думала, что Кристиан уедет, чтобы вернуться за мной позже, но он по-прежнему был здесь. Стоял возле железной машины, прямо под начинающимся дождем.

— Ты промокнешь, — сказала я, приблизившись.

Кристиан окинул меня долгим взглядом.

— Я думал, ты все еще веселишься.

— Мысль, что мой старший брат мерзнет под дождем, не давала мне расслабиться.

Он качнул головой, всматриваясь в меня.

— Все хорошо, Иви?

— Прекрасно! Послезавтра я открою Дверь. Но ты ведь и так это знаешь.

— Что с тобой? — нахмурился Кристиан.

Я втянула воздух, заставляя себя успокоиться. И почему я так разозлилась? Ведь сама пыталась познакомить «брата» с Ливентией! Вот они и... познакомились! Чтоб их обоих склизы покусали!

Радоваться надо, только почему-то не получалось.

— Ты был прав, на фрегате плохое вино, меня от него мутит, — буркнула я. — Отвези меня домой, пожалуйста.

Кристиан шагнул ближе. Коснулся моего подбородка, приподнял.

— Иви... — начал он.

Я вырвалась и села в сухой салон мехомобиля. Крис устроился за рулем, глянул на меня озадаченно и молча выехал на дорогу. Морская Гавань по-прежнему кипела и веселилась, но мне больше не хотелось смотреть на нее. Когда мы свернули к Вестхольду, огней стало меньше. Черная громадина замка нависала над островом и ночью казалась жилищем заколдованного чудовища.

Тем удивительнее было увидеть серую фигуру в балахоне, бодро семенящую по аллее.

— Да это же Харди Дэфф! — удивилась я, когда мехомобиль поравнялся со стариком. На архивариусе была широкая мантия-плащ, капли воды отскакивали от нее, словно прозрачные бусины. Косматую голову защищала шляпа с широкими, но дырявыми полями и остроконечной тульей. Из-под плаща виднелись длинные носы старомодных сапог, а под мышкой чудак держал узкий деревянной тубус. И выглядел сегодня еще более странно, чем в нашу последнюю встречу!

— Мне надо с ним поговорить! — подпрыгнула я. — Останови, прошу! Я быстро!

Кристиан притормозил, и я выскочила под дождь.

— Господин Дэфф! Господин Дэфф, постойте!

Несмотря на клюку и легкую хромоту, двигался старик довольно шустро. К тому же у меня не было непромокаемой мантии, а накидка мигом напиталась влагой.

— Иви, вернись! — крикнул Крис, но я лишь отмахнулась и схватила архивариуса за рукав.

— Господин Дэфф! Да постойте же! Куда вы так несетесь?

— К Верховному! — торжественно произнес старик. — Я все понял!

— Мне надо задать вам вопрос...

— Я понял! — поднял палец старик. Его глаза лихорадочно блестели, а взгляд казался слегка безумным. Или не слегка. — Не зря я закрыл архив! Я понял!

— Что? — внезапно заинтересовалась я.

— Я понял, откуда оно приходит!

— Кто? — мне внезапно стало не по себе.

— Чудовище, — прошептал архивариус. — Я все понял! Надо рассказать феврам. Немедленно! Время не ждет! Они ищут не там, совсем не там! Не того! Ренегаты все знают! Но Харди Дэфф нашел ответ! Нашел! — архивариус задумался на миг, пожевал

губы. — Харди Дэфф, Харди Дэфф... живехонький! Надо записать это имя... Надо записать в книгу живых, надо... Надо искать не зверя! Надо искать человека!

— Какого человека?

— Вот такого! — старик потряс тубусом. — Я все понял!

Тяжелая дождевая капля пролетела сквозь дыру в его шляпе и плюхнулась прямоком на нос старика.

Господин Дэфф встrepенулcя и очнулcя. Зыркнул недовольно.

— Чего стоишь, пройти мешаешь? Не видишь, я тороплюсь! У меня важные сведения для Верховного! Прочь!

Он взмахнул своей клюкой, и я против воли отпрянула, отпустила рукав серой мантии.

Глянула через плечо — Кристиан вышел из мехомобиля и встревоженно смотрел в нашу сторону.

— У меня вопрос, — зашептала я, снова хватая архивариуса. — Вы мне сказали, что моего друга нет среди живых людей и среди мертвых. Но где же он тогда?

— Глупая! — рассердился старик. — Ты же сама сказала...

Он вдруг как-то тонко ахнул и поднял голову на темную громаду Вестхольда. Мятая шляпа свалилась с головы старика.

И тут сверху обрушилось чудовище. Эфрим! Харди Дэфф обернулся, вставая на его пути. Но жуткая тварь ударом лапы откинула архивариуса и шагнула ко мне. Тело старика пушинкой взлетело в воздух, ударилось о камни и осталось лежать. Серая мантия казалась крыльями подбитой птицы...

Я стояла, оцепенев, не веря глазам. Ночной кошмар ожил и пришел за мной.

Мой взгляд метался по огромной фигуре, залитой дождем. Выхватывал вытянутый череп и черную

оскаленную пасть, длинные лапы, косматое тело с выпуклой грудной клеткой, кривые ноги. Крылья. О, эти отвратительные, ужасные крылья гигантской летучей мыши!

Все было так, как в моем кошмаре и между тем — иначе. Время словно замедлилось, давая мне рассмотреть порождение тьмы. Я видела струи дождя, стекающие по его ужасной морде. Видела капли, блестящие на его шерсти — не черной, а коричневой в свете уличных рожков. Видела загнутые рога, которых не было у моего кошмара, но были у этой твари.

Девять лет назад я видела иного эфрима.

Но почему вижу чудовище снова?

Что за проклятие преследует меня?

Отродье Двуликого Змея шагнуло ко мне. Сцапало меня лапами и взлетело. Жуткие крылья сильно хлопнули, отрывая нас от земли. Чудовище тащило меня в небо!

Я вскрикнула и треснула тварь по голове кулаком. Эфрим зашипел, но косматых лап не разжал.

И тут его бедро пробил клинок Кристиана. Эфрим забил крыльями, заревел и рухнул вниз. Я упала сверху на покрытое шерстью тело. Откатилась в сторону, свалилась в лужу. Встала на колени, с ужасом осматриваясь. Рядом рычал хищник, атакованный февром. Время дрогнуло и понеслось вперед, кроша реальность на множество алых брызг. Густая кровь брызнула из раны эфрима, и я вдруг осознала — эта тварь не сгусток темноты, она — живая. Ей больно. Ее можно убить!

Взревев, эфрим развернулся, его крыло задело меня, и я снова грохнулась в грязь. Чудовище взревело и ударило лапой, норовя разодрать февру горло. Но Крис легко уклонился и снова атаковал. Его клинок летал с такой скоростью, что я видела сияющий серебряный рисунок — след. Но и эфрим был не

человеком. И двигался так же быстро! Удар, подсечка, серебряный росчерк и дара, кровавая прореха в мундире Кристиана... я закричала, бросилась вперед. На краткий миг эфрим повернул голову, и это дало Крису шанс. Он снова ударил, и матовая сталь клинка вонзилась в бок зверя. Но к моему ужасу, хищник не упал замертво, а лишь сильнее разъярился.

И тут на сторожевой башне Вестхольда тревожно забил колокол, вспыхнули сигнальные огни. Темное небо над нами заискрилось, словно в вышине сплеталась тонкая сеть.

И словно в насмешку в этот момент вспыхнули фейерверки над Морской Гаванью — там продолжался праздник.

Эфрим поднял голову. Глянул на меня. Зарычал и сорвался с неба за миг до того, как сверху упала сеть. Миг — и чудовище растворилось в чернильной тьме на стене Вестхольда. Я моргнула, глядя ему вслед и пытаюсь ухватить за хвост мелькнувшую в голове мысль.

А потом бросилась к Кристиану.

Февр медленно поднялся с земли, и я с ужасом увидела, что черный мундир на его груди исполосован, а под ним виднеются кровавые борозды.

— Иви! — Кристиан схватил меня, прижал. Снова отступил, лихорадочно всматриваясь в мои глаза, в его взгляде плескался страх, но я знала, что парень испугался не эфрима. Он испугался за меня. — Ты не ранена? Он не ранил тебя? Иви... Иви...

Он сжал в ладонях мое лицо — залитое дождем, грязное. Я чувствовала, как у Криса дрожат руки. Холодные пальцы гладили мои щеки, снова и снова, не в силах отпустить, успокоиться, поверить. Я не знала, что Кристиан способен так сильно за меня испугаться.

— Со мной все в порядке, — прошептала я. Положила ладони поверх его. Февр переплел наши

пальцы и как-то обреченно вздохнул.

— У тебя кровь, — шепнула я.

— Ерунда.

Прижал меня к себе. Поверх плеча Кристиана я увидела огни приближающихся мехомобилей. К нам уже бежали мужчины в черных мундирах. Парень со шрамом на лице спрыгнул откуда-то сверху так, как не может прыгать человек. Глянул на нас с Крисом и склонился над телом старика. И я прижала к губам ладонь, увидев его сокрушенный взгляд. Имя Харди Дэффа отныне можно записать в книгу мертвых.

— Постой здесь, — сипло сказал Крис, накидывая на меня свой мундир, потому что моя накидка осталась лежать в грязи.

Кристиан отошел, а я обхватила себя руками.

У моих ног, в луже, лежал тубус архивариуса. Крышка слетела, и бумажный листок вывалился наружу. Я присела, рассматривая рисунок. И похолодела. Оглянулась быстро и сунула листок за корсаж платья.

— Идем, — сказал вернувшийся Кристиан. — Ты точно не ранена?

— Нет.

Он снова прижал меня к себе с такой силой, словно боялся отпустить.

— Эфрим... Он реальный. Ты знал! — прошептала я, и февр отодвинулся, глянул в мое залитое дождем лицо.

— Да, — выдохнул он. — Прости. Я не мог тебе сказать. Об этом нельзя говорить.

— Что теперь будет? Куда он делся?

— Его найдут, — пообещал Кристиан, но я почувствовала в его словах фальшь. — Идем. Тебе надо согреться. Ничего не бойся, я с тобой, слышишь?

— Куда мы? — вздрогнула я, поняв, что февр ведет меня к Вестхольду.

— Нас ждет Верховный, Иви. Надо рассказать все, что ты видела. Это поможет поймать зверя.

Мы поднялись по ступеням замершего темного замка.

— И как давно вы его ловите? — пробормотала я.

Кристиан не ответил, но его взгляд был достаточно красноречивым.

Мы прошли в небольшой кабинет на втором этаже. Красивую и дорогую обстановку я оценить не смогла, меня все еще потряхивало от пережитого. За широким столом уже расположился Стивен Квин и еще двое мрачных незнакомых мне феев.

— Расскажите все, что видели, — попросили меня.

— Я видела чудовище. Оно напало с неба, — пробормотала я, расправляя складки безнадежно испачканного платья. С моих волос капала вода и грязь, выглядела я, наверное, ужасно.

— Иви-Арден, вы видели, куда эфрим улетел?

— Нет. Я ничего не видела, — я обвела испуганным взглядом хмурых мужчин. Меня начало трясти, но уже от иного страха. От понимания, что я спрятала за корсаж важную улику, и что нахожусь в комнате с феями-карателями, каждый из которых обладает неизвестными мне способностями. На запястьях мужчин красовались широкие запирающие браслеты, у Стивена Квина они были на обеих руках. И мне оставалось лишь гадать, какие Дары сдерживают серебряные застёжки. Подумать только, а ведь при первой встрече я приняла фею Квина за рядового зрителя! Хорошо хоть не ляпнула лишнего! Я поежилась под острыми взглядами мужчин. И выпрямилась, вздернув подбородок. В конце концов, у меня есть то, чего нет у них. Женская слабость!

— Простите, но я... жутко испугалась! — произнесла я, отчаянно моргая. — Это чудовище... Настоящее чудовище! Я думала, что эфримы — плод больного

воображения! О Великий Привратник! Да он чуть не сожрал меня! И это все, что я поняла. Я упала в грязь и больше ничего не видела. Мне нечего вам рассказать.

Может, свалиться в обморок, чтобы от меня отстали? Бумага за корсажем жгла мне кожу. Краем глаза я заметила внимательный взгляд февра Квина и вздохнула. Главное — не переиграть.

Я потеряла сухие глаза. Ну почему когда надо, я не могу проронить ни слезинки?

— Это было так ужасно! И... господин Дэфф... Скажите, что он жив!

— Мне очень жаль, — покачал головой февер Квин и указал на хмурого седовласого мужчину — Иви-Ардену, это февер Джет Венсон. Его Дар — видеть чужие воспоминания. Мы хотели бы просмотреть то, что вы помните о нападении. Я не могу вам приказать, но...

Я похолодела. Только не это! Бросила отчаянный взгляд на Кристиана, и тот нахмурился

— Я запрещаю, — вмешался он. — Я знаю, как работает Дар февера Венсона, это небезопасно. Он не просто видит воспоминания, он их изымает. Это слишком опасно!

— Но это может помочь нам. Девушка могла упустить какие-то детали, а Джет их увидит.

— Эта девушка — представитель старшего рода и моя сестра, — процедил Кристиан. — Она пережила нападение и шокирована. А вы хотите подвергнуть ее довольно болезненной процедуре, словно преступницу?! Если вам угодно, просмотрите мои воспоминания, февер Венсон. Не думаю, что они отличаются от воспоминаний Иви!

Я опустила глаза, комкая свое перепачканное платье. Отличаются, Кристиан, еще как отличаются... Но конечно, говорить я об этом не стану.

— Вы разве не видите, в каком она состоянии? Ей надо отдохнуть и прийти в себя. Послезавтра Иви

впервые откроет Дверь.

— Возможно, это стоит перенести... — начал февр Квин, и я вскинулась.

— Нет! Вы не имеете права!

— Это продиктовано заботой о вас, госпожа Левингстон.

— Со мной все в порядке, я просто испугалась! — сказала я. — Но я готова войти в Мертвомир. Я готова.

Мужчины переглянулись, и февр Квин медленно кивнул.

— Хорошо. Я не могу вам отказать в этом праве. Надеюсь, вы ведь понимаете, что о нападении нельзя рассказывать? И рекомендую вам завтра остаться дома и никуда не выходить.

Верховный повернулся к феврам.

— Остров переходит на военное положение.

— Это вызовет недовольство, Стивен, — помрачнел февр Венсон. — Мы не можем...

— Мы не можем оставить все, как есть, — жестко оборвал Верховный. — Эфрим убил уже двух февров. И он все еще на свободе! Если его увидят...

Мужчины понимающе переглянулись, а я постаралась слиться с креслом, на котором сидела. Но разум лихорадочно работал. Два убийства... Кристиану пришлось заменить наставника Филда, потому что тот скоростижно скончался. Погиб. И это случилось в первые дни моего пребывания на острове. Неужели он и был первой жертвой эфрима? Значит, именно тогда и появилось чудовище?

Мне стало по-настоящему дурно, горло свело. Наверное, я побледнела, потому что февр Квин все-таки сжалился.

— Простите нас, Иви. Это большое потрясение для вас. Но ситуация слишком серьезная, вы должны понять. — Он перевел взгляд на Кристиана. — Стит, расскажешь все еще раз, подробно. После покажись

целителю, ты ранен. Твою сестру отвезет Хорвас. И это приказ!

Кристиан недовольно нахмурился, но спорить не стал. В коридоре сжал мою руку.

— Постарайся уснуть, Иви, — сипло сказал он. — Я скоро вернусь.

И ушел.

Я посмотрела ему вслед.

— Госпожа Левингстон, — нетерпеливо позвал один из мрачных мужчин. — Идемте, я вас отвезу.

Ехали мы молча. Я куталась в мундир Криса, вдыхала его запах и размышляла об этом вечере. Об эфрима, Харди Дэффе и тайнах Двериндариума. А ведь на фрегате до сих пор веселятся и танцуют ученики, даже не подозревая, что происходит совсем рядом.

Мне было безумно жаль старика архивариуса, а еще мне было страшно.

А когда дверь дома за мной захлопнулась, я взлетела по лестнице и вытащила из-за корсажа грязный листок. В тусклом свете рожка на нем темнел карандашный рисунок. Сплетенные линии. Вероятно, кто-то иной посчитал бы этот узор лишь очередной выдумкой безумного архивариуса. Но только не я. Потому что точно такой же рисунок был вырезан на моем теле. Такие же линии нанес мне ножом Ржавчина.

«Надо искать не зверя, — сказал Харди Дэфф. — Надо искать человека».

Человека с таким рисунком. Меня.

Но почему? Почему я? Что происходит? Зачем эфрим схватил меня? Зачем?

Горло сдавило от страха. Оглянувшись на дверь, я открыла колбу лампы и сунула листок в огонь. Когда от бумаги остался лишь пепел, дышать стало немного легче. Но на душе было тревожно. Ведь я соврала феврам. Я не видела, куда делся эфрим, но догадалась.

Он стал каменной статуей на стене Вестхольда. Не было иного варианта. Он стал этой проклятой статуей!

И я прекрасно помнила тот жуткий момент, когда раненый эфрим упал вместе со мной на землю. Его крылья обернулись вокруг моего тела, чтобы защитить меня от удара. Чудовище упало на спину, смягчив мне падение.

Либо я сошла с ума, либо это чудовище приходило за мной.

ГЛАВА 18. Ожидание

— Давайте посмотрим, что с вами, февр Стит, — сказала врачевательница Куартис. — Снимите рубашку, пожалуйста.

— Это просто царапины, — я поморщился, но послушно разделся и сел на высокую кушетку в лекарской.

Госпожа Куартис, несмотря на поздний час, выглядела бодрой и собранной.

— Много работы? — спросил я, покосившись на булькающую колбу в углу лекарской. Меня от этого места всегда немного знобило и хотелось дать деру.

— Изучаю яд песчаной гадюки. Изумительные, невероятные свойства! — улыбка Саманты могла бы осветить Вестхольд. Все же госпожа Куартис поразительная женщина. Яды и неизвестные болезни радуют ее куда больше, чем красивые платья или драгоценности!

Она окинула изучающим взглядом глубокие кровавые борозды на моей груди и прищурилась.

— Так-так. Эфрим?

Я кивнул.

— Его поймали?

— Нет.

— Ясно. Дышите равномерно, февр Стит, — врачевательница взяла мою руку и приложила пальцы к запястью, где бился ток крови.

Глаза Саманты Куартис стали отрешенными, а я ощутил легкое покалывание в теле. Понимая, что врачевательница изучает мой организм, я старался не двигаться и не мешать.

— Интересно, — протянула леди, выпуская мою руку. — Очень интересно...

— Не уверен, что меня радует ваш интерес, — хмыкнул я. — Что-то не так?

— Раны неглубокие, хоть и неприятные. Но мышцы и сухожилия не разорваны. Я наложу мазь, и через пару дней все затянется. Вы совершенно здоровы, февр Стит, ваш организм находится в идеальном состоянии. Если не считать одного нюанса...

Я нахмурился. В чем дело?

— Скажите, вы не принимали недавно настой из зерен Змеевой Травы?

— Я впервые слышу об этом растении, — резко произнес я, предчувствуя недоброе.

— Однако... однако симптомы вашего организма весьма сходны с тем действием, которое оказывает Змеева Трава.

— Она... вызывает влечение? — внезапно выпалил я и увидел изумленный взгляд леди Куартис.

— Влечение? О, ничего подобного, с чего вы взяли? Совсем наоборот. Мой учитель травоведения называл траву — змеиной тропой. Мол, она ведет душу человека на темную сторону и, ступив на нее однажды, нет дороги назад. Мой учитель обладал большим воображением, февр Стит, — Саманта лукаво улыбнулась. Но тут же стала серьезной. — Змеева Трава усиливает агрессию, злобу, ярость. Туманит сознание и не дает мыслить здраво, вызывает бессонницу и приступы раздражительности. Маленькую искорку злости она разжигает до испепеляющего пламени. Довольно редкое растение с необычными свойствами. Когда-то им пытались лечить Стылую болезнь, но после моего трактата о вреде некоторых растений Змееву Траву запретили к использованию, — врачевательницы улыбнулась и тут же сокрушенно покачала головой. — Трава давала облегчение симптомов, но, на мой взгляд, это совершенно нерезультативно. Вреда от нее больше, чем пользы! Потому что побочные явления слишком

непредсказуемы. Однажды я лечила пациента, отравившегося Змеевой Травой. К сожалению, его состояние было плачевным. Он впал в неконтролируемую ярость и разнес нам всю лекарскую.

Госпожа Куартис развела руками.

— Я не собираюсь разносить вашу лекарскую. Я не употребляю Змееву Траву, и моя темная сторона по-прежнему спит, — улыбнулся я. — Извините, но вы ошиблись, госпожа Куартис.

Врачевательница задумалась. Ее тонкие чуткие пальцы перебирали склянки и пузырьки на столе, словно хрупкая целительница не могла и минуты находиться без движения.

— Возможно... что ж, тогда могу предположить, что такие симптомы вызвал неизвестный яд, содержащийся в когтях эфрима, — сказала она и оживилась, словно нашла что-то чрезвычайно интересное. — Очень интересно! Позвольте, я возьму вашу кровь, февр Стит?

— Это обязательно? — поморщился я.

Но врачевательница даже не ответила, просто воткнула мне в плечо иглу с желобком и подставила мензурку.

— Ох, не надо так смотреть! — проворчала она. — Храбрые, несокрушимые февры, а стоит увидеть иглу, так бледнеете, словно девицы! Уже все!

Шустро вытащила иглу, запечатала мензурку и занялась моими ранами. Протерла травяным настоем, наложила мазь и ловко перебинтовала.

— Три дня покоя, исключить волнения и резкие движения, — приказала врачевательница, вручая мне листок с предписаниями. — Повязку менять каждый день. И прошу, не вздумайте надеть вашу грязную рубашку! О, эти мужчины... Вот, возьмите, потом вернете.

— Благо Двери, — пробормотал я. Натянул серую лечебную рубаху, протянутую госпожой Куартис,

распрощался и вышел.

Дождь, к счастью, прекратился. Листок с предписаниями я выкинул в урну возле Вестхольда и ускорил шаг, чтобы не замерзнуть от холодного ветра с моря.

Я шел и думал. О том, что почувствовал, когда тварь схватила Иви. Когда зверь взлетел, сжимая ее в своих лапах.

Желание убить тварь и сейчас выстужает кровь. А ведь у меня прямой приказ взять чудовище живым. Я нарушил его, даже не задумавшись. Я сделаю это снова, если мы встретимся. Уничтожить. Разодрать, убить! Я хотел этого.

Мысли путались, а инстинкты словно взбесились.

В доме на улице Соколиной Охоты горело окно в гостиной. Я задержался на ступенях, глядя на это окно и ощущая странные эмоции. Я не привык, чтобы меня кто-то ждал. И это оказалось... приятно.

Вошел, и тут же навстречу вылетела Иви. Она успела искупаться и переодеться в бархатный бордовый халат. На ногах девушки красовались толстые шерстяные носки, и я хмыкнул, увидев их.

И тут же Иви обняла меня, принялась ощупывать.

— Тебя перевязали? Насколько серьезны раны? Что сказала врачевательница?

— Что мне стоит держаться подальше от эфримов и моей сестры, которая пытается меня задушить, — сказал я, снимая с себя руки Иви. Отодвинул девушку. — Разве я не велел тебе ложиться спать?

— Когда это я тебя слушалась, — фыркнула негодяйка. Но взгляд остался встревоженным. — Я... за тебя переживала.

Я постоял, пытаюсь вернуть себе дыхание. Переживала.

— Очень убедительно, — с деланной насмешкой протянул я. — Еще немного — и поверю. Иди в кровать,

Иви.

Она мотнула головой, и пряди рассыпались по плечам.

— Побудь со мной? — выдохнула она. — Чуть-чуть.

Побыть с ней в темной спальне — не самая лучшая идея. Но я видел покрасневшие глаза Иви и дрожь, которую она пыталась скрыть. Иви боялась.

Шагнул к ней, не думая, схватил за плечи, глядя в глаза с расширенными зрачками. Зелени в ее радужках не осталось, лишь тьма.

— Иви. Я смогу тебя защитить. От эфрима. Ото всех. Ты слышишь? — она медленно кивнула и я разжал пальцы.

— Ложись в кровать. Я умоюсь и приду.

Она топталась на паркете, и я вдохнул.

— Я приду, обещаю.

В купальне привел себя в порядок, пытаюсь не намочить бинты, опоясывающие грудь. Переоделся в мягкие штаны, накинул рубашку и вошел в спальню сестры. Она завозилась, отодвигаясь. Я убедился, что Иви надежно укрыта покрывалом, и лег на край кровати. Ребра отозвались глухой болью.

Иви подвинулась ближе и провела ладонью по бинтам на моей груди. Я перехватил ее руку и стиснул зубы.

— Больно, да? — выдохнула сестра мне в плечо.

Я промолчал. Иви тяжело вздохнула и придвинулась еще ближе под мой бок. Пальцы закололо от желания ее обнять. Но я не пошевелился.

— Ты не можешь мне рассказать? — спросила она. — Про... про эфрима?

— Прости, я связан клятвами и обязательствами. Февры дают обеты молчания, Иви. Особенно каратели. Особенно...я. Я не могу рассказать. По крайней мере, в этом мире.

— В этом? — она приподнялась, и в блике лунного света блеснули ее волосы.

— Скоро все изменится, — вздохнул я. — Ты откроешь Дверь и многое поймешь. Я... я хотел дать тебе больше времени. Но ты очень настойчивая. И быстрая.

— Кажется, ты не очень этому рад.

— Я удивлен, — прикрыл я уставшие глаза. — Впрочем, чему удивляться. В двенадцать лет ты связала свою няню, заперла ее в чулане и сбежала из дома, переодевшись мальчишкой. И сумела добраться до Аквантиса. Отец сходил с ума, пытаюсь тебя найти. Ты всегда была безрассудной, Иви. Но... решительной.

— Это что же, комплемент?

Я уловил в ее голосе улыбку.

— Не знаю. Я не знаю, как к тебе относиться. Ты... ты не такая, как я думал.

— Хорошая сестра? — прошептала она.

Я помолчал, впитывая тьму, наполненную запахом, шепотом, шорохом. Легкое дыхание Иви на моей коже, между плечом и шеей. Тонкий аромат моего любимого мыла. Интересно, почему она всегда пользуется им, а не земляничным, купленным специально для нее?

Мягкая прядка ее волос, щекочущая мне руку.

До одури хотелось раскрыть браслет, но я удержался.

— Не такая плохая, — протянул я.

Иви тихо рассмеялась. Легкая вибрация, отозвавшаяся внутри меня вспыхнувшим пожаром. Вот же склирз вонючий! Надо убираться отсюда. Надо...

Иви положила ладонь на мою руку и прижалась к плечу.

— Я рада, что приехала в Двериндариум, Кристиан, — чуть слышно произнесла она. — И что узнала тебя.

— Попробуй уснуть, — голос предательски дрогнул. Я уставился на светлый квадрат окна, потому что во тьме мои чувства оказались слишком обостренными. Вот только...

Потянулся свободной рукой и расстегнул браслет. Лишь на миг. Один миг. Жадно глотнул проклятую ежевику, ваниль, хвойную горечь...

— Иви, ты что-нибудь знаешь о Змеевой Траве?

Она сонно зевнула и пробормотала:

— Никогда не слышала.

Я застегнул браслет, бездумно уставившись в темноту.

Иви соврала.

* * *

Кристиан так и не ушел. Похоже, усталость его все-таки свалила, и он просто уснул в той позе, в которой лежал. Утром я проснулась раньше и какое-то время лежала, рассматривая парня. Бледные лучи восходящего солнца слегка разбавили ночной сумрак и высветлили тени. Во сне Крис притянул меня ближе, и я поняла, что мне нравится тяжесть его руки на моем теле. Но осторожно отодвинулась, продолжая рассматривать февра. Я смотрела на его скулы, морщинку между бровей, которая не разглаживалась даже во сне, четко очерченные и такие чувственные губы, темные ресницы и падающие на лоб пряди волос. Рассматривала небольшой шрам в уголке левого глаза и крошечную точку-родинку над верхней губой. Одеало было на мне, фебр лежал в штанах и распахнутой рубашке, и мой взгляд опустился ниже. На перебинтованную грудь, сильные руки. Я подробно рассмотрела вихрь на его шее и колющий узор, выступающий из-под браслета. Рисунок-звезда около

сердца сейчас был скрыт повязкой. Загорелую золотистую кожу Кристиана хотелось потрогать. Ощутить под ладонью сухой рельеф, гладкость, силу. Тяжесть...

Кристиан красивый, благородный, смелый. Защитник и воин. Неудивительно, что Ливентия в него влюбилась.

На миг возникло искушение все ему рассказать. Поведать правду обо мне и Ардене. Почудилось, что Кристиан сможет понять...

Понять? Я с досадой прикусила щеку. Кристиан ненавидит ложь и он февр-каратель. Узнав, что его водили за нос, он собственноручно свернет мне шею.

Вздохнув, я посмотрела Крису в лицо. И вздрогнула. Глаза парня были открыты и сейчас внимательно смотрели на меня. Яркая лазурь его радужек потемнела от расширившихся зрачков. Мое сердце ударилось в ребра. И, словно эхо, я услышала вздох Кристиана. Февр моргнул и отодвинулся.

— Который час? — сипло со сна спросил он.

— Не знаю, — я, кажется, тоже немного охрипла. — Солнце встает. Жуткая рань!

Крис хмыкнул, потянулся и встал с кровати, повернувшись ко мне спиной.

— Не вставай. Тренировка на сегодня отменяется. Тебе надо отдохнуть и набраться сил.

Я кивнула, но Кристиан не увидел, потому что уже вышел из моей спальни. Полежав какое-то время, я незаметно для себя снова уснула.

А когда проснулась и спустилась в гостиную, вздохнула с легким разочарованием. Кристиана дома не было. И с чего я решила, что он захочет провести этот день со мной? Он февр, наверняка у него дел полно, несмотря на ранение. Тем более, после вчерашнего нападения эфрима. Последнее до сих пор вызывало у меня дрожь страха и непонимания. Февр Квин велел

мне оставаться сегодня дома, и я не осмелилась послушаться, не хватало еще, чтобы мне снова влепили штрафные звезды. Так что день я провела за книгами, они хоть немного отвлекали от тревожных мыслей и нервного ожидания.

Завтра я открою Дверь. Завтра! Я открою Дверь!

Я, приютский выкормыш, нищенка Вивьен, открою Дверь!

Стоило об этом подумать, и меня начинало колотить от предвкушения.

А еще я думала о рисунке на своем теле, Ржавчине и его исчезновении. Я вспоминала ту зиму, когда мой друг свалился со Стылой болезнью и его лечили Змеевой Травой. Что произошло в тот день, когда я увидела эфрима? В детстве я не задумывалась — боялась, а вот сейчас мысли так и лезли в голову. Почему тот эфрим ушел, так и не тронув беззащитных детей, меня и Ржавчину?

С прошлого мысли перескакивали на настоящее. Сегодня прах старого архивариуса отправится к его родным, а его тайна останется нераскрытой. Из-за меня.

Если бы я могла спросить у старика, что означает рисунок! Где он нашел это изображение и что оно значит! Я ведь всегда считала, что Ржавчина нанес просто линии, без смысла. А теперь понимаю, что это не так.

Но что все это значит?

Вопросов было слишком много, они роились в моей голове, словно мухи, жужжали и сводили с ума. Только ответов у меня не было, и теперь я даже не понимала, где их искать.

Кристиан вернулся поздно и, велев мне выспаться, ушел к себе в комнату. Я вертелась на кровати, не в силах уснуть, представляя завтрашний день и пытаюсь угадать, что меня ждет. Какой окажется заветная Дверь? Где она находится? Мне чудились золотые

огромные ворота или страшная железная створка с изображением кости и ножа — знака карателей. От нервного возбуждения меня почти тошнило. Посреди ночи в спальню вошел Крис, молча сунул мне стакан молока с какими-то травами, а когда я выпила, лег на кровать и приказал:

— Спать. Немедленно!

Я хотела возразить, но веки налились тяжестью и я зевнула. Успокоительное подействовало, так что я сонно уткнулась носом в плечо Кристиана и почувствовала, как он меня обнял.

Сквозь сон ощутила его губы, прикоснувшиеся к моему виску.

А потом я все-таки уснула.

ГЛАВА 19. Мертвомир

Утро следующего дня выдалось сухим, но холодным.

Мостовые, стены домов и черные камни Вестхольда покрылись ажурной изморозью и белым ледяным узором. Снега еще не было, но изо рта вырывался пар, а воздух колот щеки, когда я шла к замку.

Только сегодня Крис повел меня в сторону от уже знакомой лестницы, ведущей в главный холл замка. Мы нырнули под низкую арку, пересекли два смежных внутренних двора и вышли в третий — пустой. Но не успела я удивиться, как февр потащил меня дальше, и мы почти уткнулись в стену. Которой мгновение назад здесь не было! И пока я хватала ртом воздух передо мной выросла башня. Кристиан улыбнулся, увидев мой потрясенный взгляд.

— А ты думала, что самая важная Дверь в мире доступна любому желающему? Эту башню могут увидеть лишь те, кто получил допуск.

— И много в Двериндариуме таких невидимых мест? — ошарашенно спросила я и Кристиан усмехнулся.

— Есть несколько.

Я внимательно рассмотрела башню-невидимку. Она возвышалась надо мной черным молчаливым стражем — без окон и даже извечного бурого выюнка на стенах. Ступени вели к внушительной железной двери. Судя по размерам и замкам, она вполне могла быть той самой. Но оказалось, что это просто вход в башню.

Внутри башня выглядела мрачно. Здесь пахло сыростью, плесенью и... временем.

— Это самая старая часть замка, — пояснил Кристиан, увидев мой взгляд. — Ее никогда не перестраивали, здесь все сохранилось таким, каким

было в тот день, когда обнаружили Дверь. Исследователи опасаются, что изменения могут нарушить свойства Двери. По тем же причинам мы не трогаем стены Вестхольда, лишь обустраиваем замок внутри.

Я понимающе кивнула. На стенах башни вместо привычных рожков горели чадающие факелы.

А еще здесь была охрана.

Вооруженные февры провожали нас внимательными взглядами, усиливая мою нервозность. Миновав несколько постов и длинный коридор, мы остановились перед дверью и вошли в небольшое помещение. Мебели здесь не было, если не считать одинокую вешалку, на которой висел белый плащ.

— Тебе надо снять всю одежду и обувь, все украшения и заколки. Абсолютно все, ты поняла? Надень плащ. Я жду тебя за дверью.

— Но...

Крис вышел, я лишь посмотрела ему вслед. Пожала плечами и принялась раздеваться. Вероятно, войти в Дверь можно лишь в какой-то особой одежде. Интересно, что это будет, и где мне ее дадут. Разоблачившись, накинула на плечи белый плащ и поежилась. Несмотря на плотную ткань, я ощущала себя обнаженной. Впрочем, так и было.

И когда я вышла за дверь, сразу наткнулась на взгляд Кристиана. Он прошелся по моему телу, укрытому тканью. Мундир февра Крис тоже сменил на плащ — черный. Шагнул ближе.

— Кристиан? — удивилась я, увидев его. — Постой... Ты что же... Ты мой сопровождающий в Мертвомире?

— Ты только сейчас это поняла? — он не двигался, рассматривая меня. — Я твой наставник и сопровождающий. Каждый новичок вызывает возмущение Мертвомира, поэтому первый раз можно войти лишь с проводником. Те, кто уже получили Дар и

сохранили частицу иного мира, становятся для него более... приятными.

— Что? Но разве... Почему ты?

— А тебя не устраивает моя кандидатура? — усмехнулся он. — Я за тебя отвечаю, Иви. И не отпущу ни с кем другим.

— Но ведь ты ранен! — воскликнула я.

— Со мной все в порядке, — отрезал Крис и указал на плащ. — И хватит вопросов, Иви. Нас ждет Мертвомир. И я должен убедиться, что ты сняла все, Иви. Это важно.

Он провел рукой по моим волосам, пальцами перебирая пряди. Каждую. Погладил плечи и шею, коснулся рук, спины. И ниже — талия, бедра, босые ноги... Внимательно осмотрел пальцы и мочки ушей, убеждаясь, что на мне не осталось украшений. В конце осмотра я дышала чуть более нервно, чем в его начале.

Кристиан наконец отодвинулся и кивнул.

— Идем.

Хотела спросить — куда, но лишь молча двинулась следом. Внутри поднималась паника, смешанная с предвкушением. Неужели это произойдет? Я — нищая приютская девчонка — открою Дверь? Я получу Дар? Так и чудилось, что кто-то выскочит из-за угла с воплем: «Стойте! Она самозванка!»

Мы прошли узким пустым коридором, вдыхая копоть чадающих факелов.

Что я увижу совсем скоро? Интересно, бесцветные близнецы уже побывали на той стороне? А Ринг? Получилось ли у них найти Дар? Хотела спросить у Кристиана, но в узком коридоре висела такая густая и торжественная тишина, что я побоялась открывать рот. Ладно, спрошу потом... От волнения я кусала губы. И поняв мое состояние, Кристиан вдруг сжал мою ладонь в своей.

— Не бойся.

Тепло его руки волшебным образом успокоило. Все будет хорошо. Все будет!

Поворот, еще один пост охраны — и мы оказались в небольшом зале. Я осмотрелась. Здесь тоже горели факелы, освещая низкие потолочные балки, почерневшие от времени. Каменный, сырой и холодный пол, на котором мигом замерзали ноги. И дверь. Самая обычная, деревянная. Никаких вензелей, никакого золота, никакой величественности. Такая дверь могла бы открываться в чулан или под лестничную каморку. Некоторое время я просто таращилась на нее, ожидая, что Кристиан улыбнется и скажет, что это шутка. А после отведет меня туда, где находится настоящий вход в Мертвомир.

Но «брат» смотрел серьезно.

— Иви, плащ придется оставить здесь.

— Что? — моргнула я, все еще не в силах поверить, что самая знаменитая дверь в мире — вот такая. Обыкновенная и даже слегка облезлая.

И тут до меня дошли его слова.

— Я должна снять плащ? Ты смеешься надо мной? Я что же, войду в Мертвомир... голая?

— Как новорожденная, — уголки его губ слегка приподнялись.

А я мысленно ругнулась. Новорожденная, ну конечно! И как я раньше не догадалась? Я ведь сразу ощутила подвох! В Мертвомир нельзя взять оружие, нельзя взять часы. Туда ничего нельзя взять! А все, что я вынесу оттуда, останется во мне. Станет частью меня. Мертвая часть иного мира превратится в Дар. Вот главная тайна Двериндариума!

— Иви, время, — поторопил Кристиан. В его глазах плясали лукавые искры. Веселится? Думает, что я струшу? Да ни за что!

Подняв голову и глядя в глаза февра, я рывком сорвала с себя плащ.

— Теперь я могу войти?

Кристиан медленно кивнул. Он смотрел мне в лицо, не опуская взгляд ниже, но я увидела, как дернулось его горло. Его черный плащ слетел с плеч, и поперхнулась уже я. Ну конечно. Кристиан тоже не может войти одетым.

Даже браслет и бинты ему пришлось снять, и теперь я видела засохшие кровавые борозды на его груди.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, словно замороженные.

— Ты все помнишь? — выдохнул Крис. — Повтори!

— У меня будет полчаса, брать можно только мертвое, за раз выносятся лишь один предмет! Если, конечно, я смогу его найти, — отчеканила я.

Февр резко отвернулся и шагнул к Двери.

— Не отставай, — чуть хрипло произнес он.

Я с трудом отвела взгляд от его спины с рельефными мышцами. Не смотри вниз, Вивьен, не вздумай смотреть! И все же я не удержалась. Конечно, исключительно в исследовательских целях! Должна же я знать, где еще у него метки...

Позвоночник Кристиана обвивал черный рисунок. Я прошла взглядом по ямочкам у поясницы и крепким ягодицам, глянула на лодыжки.

— Если ты не перестанешь меня рассматривать, я сделаю то же самое, — не оборачиваясь, бросил Кристиан.

Я фыркнула и подошла к нему, встала за спиной.

Холод камней остужал босые ступни, но от волнения мне было жарко. Я положила ладонь на грубо обработанную железную ручку Двери. Она оказалась настолько ледяной, что обожгла пальцы.

— Смелее, — приказал февр.

И я дернула неожиданно тяжелую створку на себя. И шагнула вперед.

Я ослепла!

Яркий свет после полумрака Вестхольда лишил меня зрения, я отчаянно заморгала. Закрывает глаза, открывает... Лучи света прорезали тучи, полосами ложились на землю.

Мы находились на холме, по которому катились серебристые травы до самого обрыва. Дальше начиналось ущелье, на другой стороне которого стояла статуя из белого камня. И сначала почудилось, что я вижу изваяние Божественного Привратника. Та же мантия, складками скрывающая фигуру, сложенные руки и широкие рукава. Вот только у этой статуи не было головы, она откололась. Зато были... крылья. Огромные птичьи крылья, простирающиеся за спиной.

И еще это изваяние было раз в двадцать больше огромной статуи в Вестхольде. Оно было настолько большим, что казалось близким, я даже не сразу сообразила, что безголовая и крылатая скульптура находится на приличном расстоянии. Над пустотой ущелья со стороны статуи торчал обломок древнего моста, густо заплетенный вьющимися растениями.

— С ума сойти! — выдохнула я. — Как можно было соорудить такую громадину? Может, в Мертвом мире жили великаны? Невероятно!

Справа от меня тянулся лес — почти такой же, как на острове. И все же иной. Огромные ели с голубыми макушками, величественные дубы и кедры. Мшистые валуны у подножий и тонкий прозрачный родник, вьющийся между камней. Я перевела взгляд вправо. Холм, поросший травами, напоминающими вереск и медуницу. А дальше — серые развалины, почти сплошь укрытые темно-зеленым мхом. Обломки и камни.

Вероятно, когда-то здесь стоял замок, а сейчас лежали руины.

Тихо. Прохладно. Но, к счастью, здесь оказалось гораздо теплее, чем на Острове Двери. Иначе голышом нам пришлось бы несладко!

Пахло влажной землей. И чем-то еще — неуловимым и неопознанным. Иным.

И было тихо. Ни птичьего крика, ни шороха.

Шрам заныл, и я приложила к нему ладонь.

Обернулась на Дверь и ахнула. Деревянная створка стояла в разрушенном куске стены — все, что осталось от здания.

— Надень это, — в мое плечо ударился ком, и я очнулась. Великий Привратник! Стою тут, хлопаю ушами и рассматриваю деревья, пока мое время истекает!

— Что это такое? — Покосилась на обнаженную спину Кристиана и прикрылась волосами, впервые порадовавшись их длине. Впрочем, фебр на меня не смотрел. А я на миг застыла, рассматривая его тело. На него невозможно было не смотреть. Смутилась и отвела взгляд, расправила что-то непонятное, темно-зеленое, соединенное травинками и длинными еловыми иглами. Это что же, лопухи? Нет, листья более грубые, с белесыми прожилками. Одежда из листьев и травы? Я снова удивленно обернулась на Кристиана. Он деловито облачался в какое-то подобие набедренной повязки.

— Это для стыдливых новорожденных, чтобы не смущать невинные умы, — хмыкнул фебр. — Правда, такой чести удостоиваются лишь девушки. Да и то не все. Это местное растение, проходить в нем сквозь Дверь нельзя, запомни это. Но другой одежды нет, и не предвидится, береги то, что есть.

Я натянула на себя это непонятное одеяние и фыркнула. Растение воняло чем-то кислым и царапало

кожу. Но лучше так, чем разгуливать в чем мать родила!

Кристиан тоже прикрыл важные места, обернулся и хмыкнул.

— Ты похожа на дикарку из книги про пиратов.

— А ты похож на океан, который этого пирата оставил без корабля и команды.

— Океан? — поднял брови Кристиан.

Я неопределенно пожала плечами. Крис подошел к стволу дерева, по которому стекал густой черный сок, поставил ладонь.

— Иди сюда, — я приблизилась и удивилась, когда парень присел и намазал соком мою ступню. Густая жидкость мигом затвердела, образуя подобие подошвы.

— Здорово! — восхитилась я.

Кристиан проделал то же самое с моей второй ногой, потом обмазал свои ступни.

— Теперь можно двигаться.

— Куда нам идти? — повертела я головой. — Где можно найти хоть что-то подходящее для Дара?

— В лесу искать бесполезно, а развалины Серой Башни опасны. — Крис махнул в сторону развалин. — Камни от времени истончились, могут обрушиться в любой момент. К тому же, там все растащили еще до рождения наших предков. Серая Башня стала первым источником Даров, там давно ничего не осталось.

Я несколько растерянно осмотрелась. Но где же тогда искать? У меня совсем мало времени, нет одежды и инструментов. А вокруг лишь лес, трава и бесполезные камни!

Посмотрела с надеждой на крылатую фигуру и обломок моста перед ней.

— Туда нам не добраться, — покачал головой Крис. — Не расстраивайся, я знаю одно место. За мной, Иви. Бегом!

И мы побежали. Понеслись! Босиком по мху, камням и песку, на пределе моих возможностей. Кристиан, несомненно, мог двигаться еще быстрее, но лишь подгонял меня. Я берегла дыхание и старалась не отставать. Рассматривать пейзаж было некогда, впрочем, ничего занимательного я и не видела — лишь все те же деревья, туман у корней да мох.

— Нам сюда.

В стороне виднелась насыпь, покрытая колючим кустарником. К ней-то и подошел Крис.

— Это остатки жилища, — сказал он, разгребая руками густую поросль неизвестного мне растения. Колючки царапали Крису руки. Я бросилась помогать — дергала длинные стебли, вырывала и отбрасывала в сторону. — Я обнаружил его в свой последний приход, случайно сюда свалился. Дом накрыли обломки, и он зарос травой, так что, не зная, можно принять за холм.

— Я так и подумала, — подтвердила я, и попыталась лизнуть оцарапанную руку. Кристиан перехватил мое запястье, сжал.

— Чему тебя учили? — рявкнул он. — Ничего не есть, не пить, не тянуть в рот! Растения могут быть ядовитыми.

— Прости... Я забыла, — сконфузилась я.

Февр яростно сверкнул глазами и полез в заросли, за которыми виднелся темный лаз. Я нырнула следом.

Мы оказались в низком пустом помещении. Стены все из того же серого камня, что и Серая Башня, остатки потолочных балок...

— Но здесь ничего нет, — расстроилась я.

— А ты чего ожидала? Полный набор мебели и побрякушек? Здесь тоже побывали древние февры, еще до того, как дом превратился в холм. Территорию вокруг Двери облазили вдоль и поперек, Иви. Но здесь на полу могла остаться какая-нибудь мелочь. Я нашел здесь обломок, напоминающий часть бронзового

подсвечника. Возможно, когда-то он стоял в этом доме. Так что — ищи.

Я живо упала на колени и принялась шарить по полу. Перебирала землю, протряхивала сквозь пальцы, ползла дальше.

— Выходит, ты не говорил другим феврам об этом месте?

Крис кинул на меня быстрый взгляд и слегка улыбнулся.

— Наставники потребуют подробный отчет, Иви. Где ты была, что видела и слышала. И конечно, где искала. Но...

— Но те, кому предстоит открыть Дверь не один раз, умалчивают подробности, так? — хмыкнула я. — Что ж, если здесь каждый сам за себя, то это... справедливо. Ведь так?

Кристиан тихо рассмеялся.

— Так.

— Поэтому ты пошел со мной? Другой наставник не стал бы мне помогать!

— Может, я просто не хотел, чтобы другой наставник рассматривал тебя в этом наряде, — хмыкнул Кристиан.

Я скрыла улыбку и переползла на новое место, все быстрее загребая землю и сухой мусор. Листья, травинки, ветки... ничего нужного, ничего, что может подарить мне вожаденные способности.

Кристиан на коленях оказался рядом, мы столкнулись плечами и хмыкнули. Грязные, пыльные, в сухими травинками в волосах — сейчас мы напоминали немытых дикарей, а вовсе не наследников старшего рода. Я представила, какой шок испытает от подобного времяпровождения Ливентия, и улыбнулась. Поползла дальше и краем глаза заметила, как проводил меня взглядом февр.

— Знаешь, а ведь получается, что все наши великие легионеры, творцы двери-асы и даже сам император — не более чем мародеры. Все наши достижения, вся сила нашей империи — это мусор иного мира, — сказала я.

— Да. Но лучше не произноси таких слов по ту сторону Двери, Иви.

Я кивнула, понимая, насколько такие изречения опасны. Подобное вполне в духе ренегатов.

— Может, скажешь, сколько раз ты открывал Дверь? Эти черные рисунки на твоём теле — знак Мертвомира, ведь так?

— Знак Дара, — парень прополз рядом. — Открыл Дверь и взял Дары — это разные вещи, Иви. Заходить в Мертвомир можно много раз, но существует максимальный предел Даров. Выносить Дары бесконечно — нельзя, человек выдерживает не больше пяти. Шестой Дар сводит с ума. Большинство фэвров вынесли два-три Дара. А я оказался... удачливым, — Кристиан невесело усмехнулся. — Я вынес пять Даров. Четыре даровали мне способности.

— А пятый?

— Однажды я нашел медальон. Черненное серебро, какие-то символы на круге. Обрадовался невероятно. Вот только это оказалось пустышкой, Дар так и не проявился, хотя образовал метку. — Кристиан указал на рисунок у сердца. — Это оказалось нулевым входом, пустышкой. И это даже обиднее, чем не найти ничего.

— Часто случаются неудачи?

— Часто. Даров стало слишком мало.

Кристиан оторвался от поисков.

— Нам надо торопиться. Покажи, чему тебя научили, Иви. Сколько прошло времени?

Я посмотрела на узкий луч света, пересекающий комнату-нору.

— Минут двенадцать.

— Почти четырнадцать, — в голосе Криса скользнуло беспокойство. — Осталось пять минут, и мы бежим обратно.

— Но...

Великий Привратник! Но я ведь ничего не нашла! Время уходит слишком быстро! Почему так быстро?!

— Может, поискать в другом месте? — с отчаянием выдохнула я. Дышать стало труднее. Сначала я подумала, что это от пыли, но потом догадалась. Мертвомир отбирал мое дыхание, силы и жизнь. Выталкивал меня. Пытался избавиться от мусора в моем лице. Мертвомир не желал делиться.

— Мы не успеем добежать до следующих развалин, слишком далеко. Проклятье! Я был уверен, что здесь что-то осталось! Прости меня, — Кристиан вскочил. — Все, надо уходить.

— Еще минуту, — отчаянно взвыла я.

— Ты не успеешь добежать до Двери!

— Еще чуть-чуть...

— Нельзя! — он вздернул меня вверх и толкнул в дыру. — У тебя будут другие попытки, Иви!

А будут ли?

Но Кристиан уже вытолкал меня из норы.

— Бежим!

Кусая губы, чтобы не расплакаться, я припустила за февром. Двигаться обратно было труднее. Мне казалось, что я слабею, с каждым шагом, с каждым вздохом. Перед глазами поплыло, и я споткнулась. Кристиан не дал упасть, подхватил, сжал руку и потащил вперед.

— Уже близко! — он дышал спокойно, лишь слегка учащенное обычного. Когда показались развалины Серой Башни, мои колени внезапно подогнулись, и я все же рухнула. Хорошо, хоть на влажный и мягкий мох, иначе ободрала бы все ноги.

— Вставай! Ты слишком быстро слабеешь! — Кристиан говорил почти спокойно. Если бы я не знала его. В голубых глазах бушевал океан.

Он снова меня поднял.

И тут... черная крылатая смерть сбила Кристиана с ног, подхватила задними лапами и протащила по камням. Приподняла и сбросила вниз. Я закричала. Эфрим! Проклятый эфрим! Тот самый?! Я с ужасом смотрела на загнутые рога, на крылья и когти. Тот самый. Я узнала бы его из тысяч чудовищ. Я все еще помнила жесткую шерсть, к которой меня прижимал зверь.

Но как это возможно? Как?

— Кристиан!

Февр, пошатнувшись, поднялся. И снова упал, сбитый ударом лапы. Жуткие бордовые порезы расчертили его и без того раненную грудь.

Не думая, я схватила камень, швырнула в чудовище.

— Убирайся! Пошел вон!

Перед глазами плыло.

Эфрим взревел так, что заложило уши. Перепончатые крылья распахнулись, он шагнул ко мне. И рухнул! Это Кристиан опустил огромный булыжник на лысую голову монстра. Жаль, череп твари оказался слишком крепким! Оглушив рыком, эфрим вскочил и ударил крылом, развернулся, выпуская когти. Черные и загнутые, словно смертоносные косы! Тварь была вооружена — зубами и когтями, в отличие от раздетого и безоружного Криса!

Я принялась швырять в чудовище все подряд — ветки, камни, листья!

— Отстань от него! Убирайся, тварь! Пошел!

Прошрое стало настоящим. Я снова была маленькой девочкой, защищающей своего друга от эфрима.... Только в этот раз все иначе. И зверь не уйдет.

Я покачнулась. Дыхание заканчивалось.

— Прочь!

Эфрим повернулся и пошел ко мне, не обращая внимания на жалкие комки влажной земли, которые я швыряла. И тут начало происходить что-то странное. День потемнел. Тени поползли по траве, путаясь в корнях деревьев. Уплотняясь и сгущаясь. Тени стали живыми, и все они скользили ко мне. Облепляли меня, словно черная непроницаемая кожа. Словно доспех, сотканный из мрака!

Зверь оскалился и зарычал, шарахнулся в сторону и дернул головой, принюхиваясь. Словно мой запах пропал, и зверь тряс головой, пытаясь снова его уловить.

— Кристиан... — прошептала я, поняв, кто сотворил этот доспех. С такой защитой Крису не нужна в этом мире одежда. Вот только он отдал эту защиту мне.

— Беги к Двери! — с трудом крикнул он. — Тени тебя укроют! Беги, Иви!

— Нет!

Зверь снова напал. Февр молниеносно отклонился, развернулся, сжал левый кулак... И на его руке щелкнули стальные когти! Смертоносная перчатка облегла ладонь февра гибкими железными пластинами, каждая фаланга заканчивалась убийственным когтем. Крис не был безоружен. Никогда!

Я радостно вскрикнула.

Кристиан замахнулся, и когти оставили кровавые следы на теле эфрима, заставив того завывать. Развернувшись, февр ударил снова, до крови полосуюя чудовище. Но и у эфрима были смертоносные когти и клыки, способные раскрошить даже камень. К тому же, эта тварь была не только сильной, но и быстрой! Уклонившись от очередной атаки, эфрим взлетел и обрушился на Кристиана сверху, ногами придавил к земле и принялся рвать плоть когтями нижних лап. Прокрутившись, Крис отбросил чудовище, снова

атаковал, пытаясь добраться стальными когтями до горла. Но чудовище оказалось невероятно быстрым! Оно вывернулось по-змеиному, словно все кости эфрима в один миг стали мягким желе, коконом прокатился по скользкой траве, подпрыгнул и раскрыл крылья. На концах жутких перепончатых суставов выдвинулись крюки. Одним эфрим подцепил февра, рванул к себе и вцепился клыками в плечо. Я услышала жуткий хруст. От ужаса, что тварь сейчас отгрызет Крису голову, рванула вперед, на ходу хватая какую-то палку. Огрела зверя по спине. Сухая палка сломалась, не причинив твари ни малейшего вреда. Но эфрим зашипел и дернул крыльями, отбрасывая меня. Я отлетела и рухнула в тонкий родник, бьющий из-под камней.

Но краткая передышка дала Крису возможность снова подняться и атаковать.

Удары, подсечки, росчерки когтей — костяных и стальных, вой, рычание, стон!

Чудовище и февр двигались так быстро, что слились в один рычащий окровавленный комок. Удар, удар! Кристиан уверенно теснил тварь, добавляя на жуткое тело багровых борозд. Он почти победил! Но тут эфрим распахнул крылья, словно приглашая. Удар последовал незамедлительно. Но в последний миг зверь черным сгустком скользнул в сторону, ударил по ногам февра и всадил когти в его бок.

Нет! Нечеловеческим усилием Кристиан отбросил зверя и, шатаясь, поднялся, стер заливающую глаза кровь. Когтей больше не было, силы Кристиана уходили на то, чтобы удерживать на мне черный доспех. С темных волос февра падали багровые капли...

Эфрим снова напал — бешено, яростно, пытаясь добить слишком живучего противника. Февр увернулся, прокатился по земле, вскочил. Ушел от атаки, поднырнул под крыло чудовища и ухватил за костяной остов. С силой приложил об колено, отчего кость

треснула, а эфрим жутко завыл от боли. Но это лишь взбесило чудовище. Но Кристиан снова схватил за раненое крыло зверя, удерживая и не обращая внимания на полосующие его когти.

— Иви, беги! Твое время заканчивается!

Краткий взгляд на меня. И этого хватило твари, чтобы вывернуться и тяжело ударить крыльями, взлетая. Эфрим схватил задними лапами Кристиана. Удар, удар, удар! И они оба — человек и зверь — рухнули на острые камни.

Я заорала.

И бросилась к Кристиану.

— Крис, нет! Только не умирай, только...

Неужели он не дышит? Я приложила ухо к груди парня, пачкаясь в его крови. Солнце закрыла тень чудовища. Я подняла взгляд. Эфрим подполз ближе и смотрел на меня. Его искалеченное крыло висело тряпкой.

— Убирайся! Не трогай его! Не трогай!

Чудовище не двигалось, рассматривая нас. Наверное, я помешалась, потому что страх вдруг пропал. Все мое существо сосредоточилось на ускользящем дыхании. Моем и Кристиана. Мертвомир убивал нас.

— Иви... — даже говорить Крису было больно.

Я с ужасом осмотрела грязное и окровавленное тело. Двуликий, да на февре нет живого места!

— Беги к Двери. Я приказываю! Тени тебя защитят, пока...

Пока февр в сознании. Или пока жив.

— Мы уйдем вместе.

— Нет! Уходи! Проклятие, Иви!

Я вскочила и потянула Крису, пытаюсь поднять. Тяжелый...

— Слушай мой голос, Кристиан, — рявкнула я. — Слушай мой голос, и все будет хорошо. Вставай! Ну же,

вставай!

Он с трудом поднялся. Скользкие от крови руки сжали мое плечо.

— Иви! Ты должна уйти! Это приказ!

— Когда это я тебя слушалась, — пробормотала я. Как же мало воздуха... и как далеко до Двери.

— Иви... не смей...

В глазах потемнело, словно солнце в этом мире погасло... Но я не сдамся. Ни за что не сдамся!

— Не теряй сознание! — выдохнула я. — Слушай меня. У меня есть заклинание. Мое личное заклинание... Разгадаешь — и твое желание сбудется... Слушай меня, Крис! Идем. Ну же!

Он вяло переставлял ноги, дыхание булькало в его горле. Топазовые глаза затянуло пеплом. Я продолжала говорить. Что угодно! Лишь бы не бояться. Лишь бы Крис меня слушал!

Хотя вряд ли он понимал. Все силы февра уходили на то, чтобы оставаться в сознании и поддерживать на мне теневой доспех.

— Слушай мой голос! — прошептала я, упрямо двигаясь вперед.

Я шепчу, а хочется кричать. Шепчу и тащу Криса, наплевав на ускользящее дыхание. Шепот — моя ярость. Шепот — моя сила. Шепот — все, что у меня осталось.

Где мои башни из камня, где моя стена, за которой тепло и уют? Я выстрою ее снова, я выстою и выстрою. Башни, выше облаков, стены — прочнее скал... Я зажгу там огонь, я согреюсь.

Я выживу.

Вот мое заклинание.

Я шептала его в минуты отчаяния, я прошепчу его сейчас.

Хромоножка... Черный Дрозд...

Ржавчина. Проныра...

Лисий Нос и Серый Пес...

Корочка от сыра.

Дождь...

И Ветер!

Плесень! Мор!

Тень. Башмак...

И Третий.

Вот и вся моя семья.

Угадай же, кто здесь я?

Мое грязное лицо прочертили дорожки слез. Я почти ничего не видела. Лишь тащила. Эфрим медленно полз следом, оставляя кровавый след. Или это след от нас с Кристианом? Сломанное крыло зверя волочилось по земле. Чудовище тоже умирало, но продолжало идти за нами.

Но я на него не смотрела. Я упрямо шла вперед, таща за собой фебра. И казалось, что уже все напрасно. Что в распахнутых голубых глазах Кристиана больше нет океана. Он высох и остался лишь пепел.

Я тащила.

Шаг за шагом. Почти не дыша. И снова.

И даже удивилась, когда увидела Дверь.

Подняла взгляд.

Эфрим был рядом. Стоял, пошатываясь. Скалил свою окровавленную ужасную пасть, смотрел. Его шерсть была черной от крови, влажной. В воздухе висел тяжелый сладковатый запах, дурманил разум. Дыхания почти не осталось. Я повернула голову. Мне чудится? Нет... Слева на мшистом валуне сидело второе чудовище с ветвистыми рогами — хриав. С развалин Серого Замка смотрели безобразные ширвы. А за ними скалились агроморфы и крофты. Десятки звериных глаз. Оскаленных морд. Крылья, рога, шипы, хвосты.

Чудовища...

Мертвомир убивает... и дело не только в заканчивающемся воздухе. Дело в тварях, живущих на

этой стороне.

Я нащупала за спиной ручку Двери. Я смогу. Я смогу!

Еще немного. На груди Кристиана так страшно пузырится кровь. Надо снять с него лопухи. Нельзя... оставлять живое...

Доспех из сумрака исчез с моего тела.

Задыхаясь, я стащила с парня одежду из листьев, сбросила свой наряд. Кожу покрывала корка грязи и крови — мое новое платье...

Эфрим выпрямился во весь свой рост, оскалился. Из черной пасти раздалось шипение, словно жуткая звериная глотка пыталась исторгнуть человеческие звуки.

— Ви... — шипело чудовище. — Ви-и-и...

Жив ли еще Крис? Я готова была отдать все нас свете, чтобы он был жив... Вот только жаль, что отдавать мне нечего.

Окровавленный зверь шагнул еще ближе. Его крыло закрыло солнце.

— В-и-и...вьен, — сказал эфрим.

Что?

Я на миг остановилась. Бред. Мне почудилось. Слишком мало... воздуха.

Возможно, я уже потеряла сознание.

Возможно, я лежу в той мягкой серебристой траве, возле развалин.

И это лишь бред умирающего разума.

Возможно...

Эфрим взвыл. И вдруг огромная косматая лапа сорвала что-то блестящее со шнурка на косматой груди. И швырнула на землю у моих ног. Я вяло посмотрела вниз. Эфрим отпрянул, снова зашипев. Кольцо. Это было кольцо... Плохо понимая, что происходит, я подняла кольцо и открыла Дверь. Втащила Криса.

И в последний раз посмотрела на тварь Мертвомира.

Черные глаза эфрима отливали рыжиной.

Свет погас. Мертвомир остался за Дверью. Я рухнула на пол и закричала, зовя на помощь.

Вокруг заметались тени потревоженных факелов, бледные лица наставников... кто-то накрыл меня плащом, завернул, осторожно поднял.

— Кристиан... — выдохнула я.

— Он жив, — мягко сказал февр Квин. — Ты его спасла, девочка.

Его глаза внимательно изучали мое лицо. Мужчина смотрел так, словно видел впервые.

Я подняла руку. Колечка в моей ладони больше не было. Зато мое запястье обвила черная лента — рисунок Мертвомира. Вздвогнув, я опустила голову. На лицо упала темно-каштановая прядка. Дрожа от ужаса, я схватила другую прядь своих волос. Темные. Мои волосы темные! Не золотистые локоны Ардены, а мои собственные кудри, хоть и длинные!

Едва не завыв, я ощупала лицо. Нос, губы, глаза... Глаза...

— Они серые, — сказал февр Квин.

И второй раз в жизни я потеряла сознание.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ